

ISSN 2073-6401

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Philosophy. Sociology. Art Studies”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

4
2022

VESTNIK RGGU. Seriya "Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series is included: in the system of the Russian Science Citation Index (RISC); in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degree in the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them should be published:

09.00.00 Philosophy:

09.00.03 History of philosophy

09.00.11 Social philosophy

17.00.00 Art Studies:

17.00.03 Film, television and other screen arts

17.00.04 Fine and decorative-applied arts and architecture

17.00.09 Theory and history of art

22.00.00 Sociology:

22.00.01 Theory, methodology and history of sociology

22.00.04 Social structure, social institutions and processes

22.00.06 Sociology of Culture

Goals of the journal: representation of the newest research findings in the fields of philosophy, sociology, and art studies which have undoubted theoretical and practical significance and which are promising for the research development in that field and for its state as a whole.

Objectives of the journal: realization and development of examination of scientific articles, using the advanced modern interdisciplinary and complex approaches; representation of the most paradigmatic achievements in the fields that are significant for the progress of science and suitable for implementation into the educational process as the examples of proper scientific work; attracting new authors, researchers showing a high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of the academic and university science; translation of scientific experience between the generations and institutions.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61882 of 25.05.2015. Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73403 of 03.08.2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

Philosophy – Anna I. Reznichenko, annarezn@yandex.ru

Sociology – Olga V. Kitaitseva, olga_kitaitseva@mail.ru

Art Studies – Aleksandr V. Markov, vestnik-art@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

09.00.00 Философия:

09.00.03 История философии

09.00.11 Социальная философия

17.00.00 Искусствоведение:

17.00.03 Кино-, теле- и другие экранные искусства

17.00.04 Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

17.00.09 Теория и история искусства

22.00.00 Социология:

22.00.01 Теория, методология и история социологии

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.06 Социология культуры

Цель журнала: представление новейших результатов исследований в области философии, социологии и искусствоведения, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этой области и для состояния отрасли.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее парадигматичных достижений отраслей, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и вузовской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-61882 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: Россия, 125047, Москва, Миусская пл., 6

Философия – Анна Игоревна Резниченко, annarezn@yandex.ru

Социология – Ольга Вячеславовна Китайцева, olga_kitaitseva@mail.ru

Искусствоведение – Александр Викторович Марков, vestnik-art@rggu.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

Toschenko Zhan T., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RAS corresponding member,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Editorial Board

De Bardeleben Joan, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of European,
Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Vargas Julio César, Cand. of Sci. (Philosophy), professor, University of Valle, Cali,
Columbia

Velikaya Natalia M., Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vinogradov Vladimir V., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Gerasimov
Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Vdovichenko Larisa N., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Wiatr Jerzy Jozef, Dr. of Sci. (Sociology), professor, University of Warsaw, Warsaw,
Poland

Gubin Valery D., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Zvegintseva Irina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Kalugina Olga V., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kitaitseva Olga V., Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kolotaev Vladimir A., Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Konacheva Svetlana A., Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Limanskaya Lyudmila Yu., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Dieter Lohmar, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Köln, Köln, Germany

Malinina Tatyana G., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Theory and History of Arts, Russian Academy of Arts, Moscow, Russia

Markov Aleksandr V., Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Molchanov Victor I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Nowak Piotr, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Białystok, Poland

Rapic Smail, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Wuppertal University, Wuppertal, Germany

Reznichenko Anna I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)
Masamichi Sasaki, Dr. of Sci. (Sociology), professor of sociology, Chuo University, Tokyo, Japan
Sipovskaya Natalia V., Cand. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russia
Fomin Valery I., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia
Tsyrukun Nina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia
Shevchenko Irina O., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Shtein Sergey Yu., Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Executives editors:

O.V. Kitaitseva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor (RSUH)

E.A. Kolosova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor (RSUH)

A.V. Markov, Dr. of Sci. (Philology), professor (RSUH)

A.I. Reznichenko, Dr. of Sci. (Philosophy), professor (RSUH)

I.O. Shevchenko, Dr. of Sci. (Sociology), associate professor (RSUH)

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Ж.Т. Тощенко, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Дж. Де Барделебен, доктор политических наук, профессор, Карлтонский университет, Канада

Х.Ц. Варгас, кандидат философских наук, Университет Валле, Колумбия

Н.М. Великая, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Виноградов, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

Л.Н. Вдовиченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Е. Вятр, доктор политических наук, профессор, Варшавский университет, Республика Польша

В.Д. Губин, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И.А. Звезницева, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

О.В. Калугина, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.А. Колотаев, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.А. Коначева, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.Ю. Лиманская, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д. Ломар, доктор философских наук, профессор, Кёльнский университет, Кёльн, ФРГ

Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва, Российская Федерация

- А.В. Марков*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Молчанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- П. Новак*, доктор философских наук, профессор, Белостокский университет, Республика Польша
- С. Рапич*, доктор философских наук, профессор, Университет Вупперталя, Вупперталь, ФРГ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- М. Сасаки*, доктор социологических наук, профессор, Университет Чуо, Токио, Япония
- Н.В. Ситовская*, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация
- В.И. Фомин*, доктор искусствоведения, профессор, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- Н.А. Цыркун*, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шевченко*, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Штейн*, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

- О.В. Китайцева*, кандидат социологических наук, доцент (РГГУ)
- Е.А. Колосова*, кандидат социологических наук, доцент (РГГУ)
- А.В. Марков*, доктор филологических наук, профессор (РГГУ)
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор (РГГУ)
- И.О. Шевченко*, доктор социологических наук, доцент (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Философия. История философии

- Владимир И. Шаронов*
Погружая мысль в благодарную память.
Предисловие к публикации: *Ванев А.А. Письма Учителю* 12

- Артём А. Гравин*
Лингвофилософия Василия Зубова
в контексте русской философии имени 30

- Ольга Г. Самойлова*
Мегафизика запараграфленности. Философская поэтика
поздних рассказов Сигизмунда Кржижановского 47

Социология: теоретические и эмпирические исследования

- Ольга В. Козырева*
Теоретическая социология современной России:
кейс А.Ф. Филиппова 56

- Галина А. Цветкова*
О действенности социально-экономического прогнозирования
долгосрочных трендов советского периода 65

- Павел В. Шевченко*
Компетентностный подход в изучении позиций
школы и рынка труда 76

- Марина Б. Буланова*
Педагог: грани профессионального становления 89

- Георгий В. Ниорадзе*
Специфика подготовки профессионалов типа «человек-знак»:
особенности производственной практики дизайнеров
и архитекторов 99

Искусствоведение

- Елена Е. Агрatina*
Художник и частный заказчик в Париже XVIII века.
К вопросу о развитии портретного жанра 111

<i>Иван А. Абрамкин</i>	
Истоки портретной концепции в творчестве В.Л. Боровиковского	132
<i>Валентин. А. Голубев</i>	
«Устроися сей образ в память благодеяния Божия»: Семейная икона калужских дворян Пирамидовых	142

CONTENTS

Philosophy. History of Philosophy

Vladimir I. Sharonov

Immersing the thought in a grateful memory.

Preface to the publication: *Vaneev A.A. Letters to the Teacher* 12

Artem A. Gravin

Vasily Zubov's linguo-philosophy in the context

of Russian philosophy of the name 30

Ol'ga G. Samoylova

Metaphysics of bureaucratise: Philosophical poetics

of Sigizmund Krzgziganovsky's late stories 47

Sociology: Theoretical and empirical researches

Ol'ga V. Kozyreva

Theoretical sociology in modern Russia: The case of A.F. Filippov 56

Galina A. Tsvetkova

On the Effectiveness of Socio-Economic Forecasting long-term trends

of the Soviet period: A retrospective analysis 65

Pavel V. Shevchenko

Competence-based approach as a means of school

and labor market positions 76

Marina B. Bulanova

Teacher: sides of professional development 89

Georgii V. Nioradze

Specifics in training professionals of the "man-sign" type.

Features of work practice for designers and architects 99

Art Studies

Elena E. Agratina

An artist and private customer in the 18th-century Paris.

Survey on the development of portrait painting 111

<i>Ivan A. Abramkin</i>	
Origins of the portrait conception in the art of V.L. Borovikovsky	132
<i>Valentin A. Golubev</i>	
“Was founded this icon in remembrance of God’s goodness”. The Family icon of the Kaluga nobles Piramidovs	142

Философия. История философии

УДК 1(091)(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-12-29

Погружая мысль в благодарную память

Предисловие к публикации:
Ванеев А.А. Письма Учителю

Владимир И. Шаронов

*Западный филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы, Калининград, Россия,
sharonovi@gmail.com*

Аннотация. Статья представляет собой предисловие к ранее неизвестному тексту А.А. Ванеева (1922–1985), ученика и последователя Л.П. Карсавина (1882–1952), автора книги «Два года в Абези», содержащей философский портрет русского религиозного философа. «Письма Учителю» стали одной из первых попыток Ванеева осмыслить и изложить идеи Льва Карсавина, усвоенные учеником в результате долгого общения со своим именитым собеседником. Уже этот ранний текст свидетельствует о философской чуткости и даре самостоятельной мысли Анатолия Ванеева, недавнего убежденного материалиста, воспитанника советской антирелигиозной системы образования.

Встреча с Карсавиным и погружение в его работы вывели Ванеева к собственным темам – выяснению положительного смысла атеизма и выявлению особенностей новой религиозности, скрыто впитавшей современный атеизм. Статья содержит краткий анализ значения идеи об эвристическом значении догматики как одного из наиболее существенных для понимания размышлений обоих мыслителей.

Ключевые слова: Карсавин, Ванеев, догматика, всеединство, религиозность, атеизм

Для цитирования: Шаронов В.И. Погружая мысль в благодарную память. Предисловие к публикации: Ванеев А.А. Письма Учителю // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 4. С. 12–29. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-12-29

© Шаронов В.И., 2022

Immersing the thought in a grateful memory

Preface to the publication:
Vaneev A.A. Letters to the Teacher

Vladimir I. Sharonov

*Western branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration, Kaliningrad, Russia,
shaonovi@gmail.com*

Abstract. The article is a preface to a previously unknown text by A.A. Vaneev (1922–1985), a disciple and follower of L.P. Karsavin (1882–1952), author of the book “Two Years in Abezi”, containing a philosophical portrait of the Russian religious philosopher. “Letters to the Teacher” became one of the first attempts of Vaneev to comprehend and present the ideas of Lev Karsavin, learned by the disciple as a result of long communication with his eminent interlocutor. Already that early text testifies to the philosophical sensitivity and gift of independent thought of Anatoly Vaneev, a recent convinced materialist, a pupil of the Soviet anti-religious education system.

The meeting with Karsavin and immersion in his works led Vaneev to his own topics – clarifying the positive meaning of atheism and identifying the features of a new religiosity that has latently absorbed modern atheism. The article briefly analyzes the meaning of the idea of the heuristic meaning of dogmatics, as something most essential for understanding the reflections of both thinkers.

Keywords: Karsavin, Vaneev, dogmatics, all-unity, religiosity, atheism

For citation: Sharonov, V.I. (2022), “Immersing the thought in a grateful memory. Preface to the publication: *Vaneev A.A. Letters to the Teacher*”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 12–29, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-12-29

В истории русской религиозной философии отношения Льва Платоновича Карсавина (1882–1952) и Анатолия Анатольевича Ванеева (1922–1985)¹ представляют собой пример уникальный не только по сочетанию многих внешних обстоятельств. Среди

¹ А.А. Ванеев, автор книги «Два года в Абези», представляющей собой философский портрет Л.П. Карсавина в обстоятельствах тюремного лагеря для осужденных, в том числе по политической 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. (в редакции 1926 г. и более поздних редакциях). Был арестован 19.03.1945 г., освобожден 20.10.1954. Находился в ссылке в г. Инта по 29.12.1955 г. Реабилитирован 05.08.1955 г.

прочего они показывают, как в человеке, обстоятельно обработанном сугубо материалистической, антирелигиозной системой образования и воспитания², способна отозваться действительно содержательная мысль и духовная собранность собеседника. Начавшись с почти случайного интереса Ванеева к разговору об историчности Христа³, это знакомство перешло в глубоко доверительные отношения между двумя людьми, разделенными, казалось бы, непреодолимой возрастной, интеллектуальной и культурной дистанцией.

Впрочем, если наличие «радикально материалистических» взглядов у Анатолия Ванеева⁴ несомненно, то указание на «случайность» ванеевского интереса ко всякой научной теме весьма условно. Сохранившиеся письма, отправленные Анатолием Ванеевым своей матери Фелиците Александровне (1898–1955) за десятилетие заключения и ссылки, содержат множественные сообщения о прочитанных книгах из самых разнообразных сфер философии, науки и искусства. Причем это книги преимущественно первого ряда, идет ли речь об учебниках по языкам, математической теории, астрономии, физике, химии, логике, наследию мировой художественной мысли, теории музыки и т. д.⁵ Как уверенно можно предположить, зачастую они были рекомендованы хорошо образованными товарищами по заключению.

Несмотря на то что еще при общении с Карсавиным в Абези Ванеев уже воспринимался как его ученик и человек, лучше других понимавший сложные религиозно-философские идеи и разъяснения мыслителя⁶, сам Анатолий Анатольевич признавался, что «при жизни старика вовсе не был столь, уж, под его влиянием»⁷. Об этом же можно судить и на основании самой книги «Два года в Абези»,

² Анатолий Ванеев к тому же формировался в атмосфере семейного почитания памяти о его родном деде: фигура легендарной для истории большевизма Анатолий Александрович Ванеев (1872–1899) был соратником В.И. Ленина по Петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса».

³ Ванеев А.А. Два года в Абези. Bruxelles: Жизнь с Богом; Paris: La presse libre, 1990. С. 19.

⁴ См., например письмо А.А. Ванеева к матери от 21.04.1946 г. – Личный архив А.А. Ванеева. Здесь и далее материалы личного архива А.А. Ванеева отмечены аббревиатурой, взятой в квадратные скобки – [ЛВ].

⁵ В лагере А.А. Ванеев совершенствовал немецкий, освоил латынь, древнерусский, изучал иврит, французский язык и др.

⁶ Ванеев А.А. Два года в Абези. С. 59, 67 и др.

⁷ Письмо А.А. Ванеева к матери от 18.09.1954 г. – [ЛВ].

в которой много место уделено другим известным заключенным – искусствоведам Н.Н. Пунину (1888–1953) и Ю.К. Герасимову (1923–2003), поэту С.З. Галкину (1897–1960), экс-ректору Руссикума SJ В.М. Яворке (1882–1966), академику М.А. Коростовцеву (1900–1980) и др. В публикуемых «Письмах Учителю»⁸, в своем мысленном обращении Анатолий Анатольевич также признается: «Пока ты был жив, уши мои внимали твоим словам, разум же не достигал вместить прекрасный их смысл».

Эти письма представляют собой второй опыт философского творчества самого Ванеева⁹, не только признающегося своему «отцу по духу и брату» в искренней любви и безмерном почитании, но они же есть попытка кратко и самостоятельно осмыслить услышанное в беседах. Знакомый с трудами Карсавина читатель без особого труда опознает в публикуемых текстах стилистическую переключку с основными понятиями его философии – совершенстве-несовершенстве, жизни-чрез-смерть, умопреме, моменте, причастовании, двуединстве, Триединстве, всеединстве и т. д.

Впрочем, совпадая с идеями Карсавина стилистически, автор писем в своих некоторых умозаключениях утверждает и нечто отличное. Но эти расхождения не должны смущать, так как во время написания текстов Ванеев находился еще в лагере и не имел возможности сверять услышанное с ранее изданными трудами. Он располагал только несколькими (поначалу даже не всеми) спасенными им самим лагерными рукописями, прежде всего «Венком сонетов», «Терцинами», Комментариями к этим стихам¹⁰. При всех частных несовпадениях письма представляют собой убедительное подтверждение слов самого Карсавина, сказанных о Ванееве как о человеке, «раненном истиной»¹¹.

⁸ Написаны в Абези в период с конца июля 1952 (после смерти Карсавина) по 20 октября 1954 г. (начало ссылки, прибытие в Инту). – Письмо А.А. Ванеева матери от 21.10.1954 г. – [ЛАВ].

⁹ Первым подобным текстом стала эпитафия, зашитая в качестве опознавательного и, одновременно, символического знака в тело Льва Карсавина. В ней также используется обращение «Учитель» См.: *Ванеев А.А. Два года в Абези. С. 184.*

¹⁰ А.А. Ванеев был не единственным, кому Л.П. Карсавин передал части своих рукописных работ. В их спасении участвовали и другие заключенные – Владас Шимкунас, ленинградский врач-гомеопат М.И. Бубнов и др. Только постепенно, на протяжении большого периода Ванееву удалось собрать относительно полную библиотеку работ Карсавина и во всей полноте погрузиться в них.

¹¹ *Ванеев А.А. Два года в Абези. С. 51.*

После смерти своего учителя Анатолий Ванеев постоянно возвращался к идеям Карсавина, причем, как можно понять из его сообщений матери, размышления над ними не отпускали Анатолия Анатольевича не только днем, но и по ночам¹². Это погружение, свою сосредоточенность позже он определит как выработку собственной философской «идеологии», под которой он понимал «слова, которые способны своим смыслом переключить нас в тот регистр, где истина является в прямой несомненности»¹³. В начале 1970-х гг. Ванеев, по-прежнему опираясь на идеи Карсавина, заявил о своих собственных темах – задаче выяснения положительного смысла атеизма¹⁴ и об особенностях новой религиозности¹⁵, скрыто впитавшей атеизм.

Не имея возможности в небольшом предисловии подробно погружаться в анализ понимания А.А. Ванеевым карсавинской философии, самым кратким образом коснемся того, что на наш взгляд представляет собой один из самых специфических аспектов – места и роли догматики в работах учителя и ученика.

Идею об эвристическом значении догмы Анатолий Ванеев считал наиболее характерной и ценной в философии Льва Карсавина¹⁶. Изяществом своей простоты она способна очаровать современного философа культуры, пообещав открыть перспективы новых трактовок. Но она же способна отвести внимание от той тонкой грани, что разделяет непосредственную веру в Единого Бога и результат ее философского осмысления, представленный догматикой. Ванеева это приведет к вопросу о соотношении тра-

¹² В письме А.А. Ванеева к матери от 11.06.1954 г. он пишет, что, если мысли имеют «центр тяжести сознание и во сне ту же работу, а образы и сновидения продолжают и по-новому раскрывают “дневную” мысль». – [ЛАВ].

¹³ *Ванеев А.А.* Интервью, которое автор книги «Два года в Абези» дал корреспонденту журнала «Крисчен Уорлд Монитор» // Ванеев А.А. Два года в Абези. Вгухелле: Жизнь с Богом; Paris: La presse libre, 1990. С. 191.

¹⁴ Важно отметить, что главной темой книги «Два года в Абези» сам ее автор считал «выяснение отношений» между религией и атеизмом. См.: *Ванеев А.А.* Интервью... С. 190–194.

¹⁵ См.: *Ванеев А.А.* Под углом умопремены // Символ. Журнал христианской культуры при Славянской библиотеке в Париже. 1994. № 32. С. 249–253.

¹⁶ *Карсавин Л.П.* О личности // Религиозно-философские сочинения. Т. 1: Памятники религиозно-философской мысли. М.: Ренессанс, 1992. С. 62, 66; *Ванеев А.А.* Очерк жизни и идей Л.П. Карсавина // Ванеев А.А. Два года в Абези. С. 347–349.

диционной религиозности и религиозности, усвоившей атеизм. Эту устремленность к вопросу о том, что следует считать точкой отсчета для понимания и оценки традиционной веры – веру первых христиан, не знавших догматики, или религиозность до времен «консервации традиции», когда догматика превратилась в «неподвижную доктрину»¹⁷, можно расслышать в большинстве зрелых работ А.А. Ванеева, написанных в два последние десятилетия его жизни. Но ясно сформулировал эту проблему и приступил к ее решению уже после смерти Анатолия Анатольевича его главный друг и собеседник религиозный философ Константин Константинович Иванов. Он же пришел к убеждению о необходимости прояснения места, значения и смысла догматики для современного человека и даже дальнейшего ее развития¹⁸.

Конечно, и сам Л.П. Карсавин не проходил мимо темы непосредственной веры, не нуждающейся в догматике. Но все же его куда больше увлекало то, как разворачивается путь его личной мысли, как ткется панорама его собственной философской рефлексии, как он проявляет картину самопознания веры. В своем стремлении соединить идею всеединства с догматикой Лев Карсавин стремится подтвердить личные интуиции авторитетом Отцов и Учителей Церкви, мистиков, теологов и философов, феноменальная память и богатейшая эрудиция одного из лучших медиевистов это вполне ему обеспечивали. Но при всей тяге к древней традиции вкупе с провозглашенным им девизом: “Zurück zur christlichen Dogmatik”¹⁹ Карсавин остается мыслителем Нового времени. Почтительно склоняя голову перед авторитетом церковного вероучения, он всю жизнь сосредотачивался на самом главном лично для себя – изъяснении своих глубоко интимных отношений с Богом. В итоговом цикле стихов, призванных емко выразить самые главные идеи карсавинской философии, звучали и вовсе радикальные заявления: «Бог как я» и «Я как Бог»²⁰.

¹⁷ Ванеев А.А. Очерк жизни и идей Л.П. Карсавина. С. 347–348.

¹⁸ Упомянем об этом как о возможной перспективной проекции размышлений А.А. Ванеева, не прервись они его ранним уходом из жизни. Диалоги и переписка с К.К. Ивановым свидетельствуют о поразительной близости их философской позиции и взглядов, общем створе идей.

¹⁹ «Назад к христианской догматике» (нем.). См.: Карсавин Л.П. ПЕРІ АΡΧΩΝ (Ideen zur christlichen Metaphysik). Humanitarinių mokslų fakulteto Raštai. V t I sąs. Memel, 1928. S. 4.

²⁰ Карсавин Л.П. «Венок сонетов» и «Терцины». Наиболее полная редакция // Христианское чтение. Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви. 2021. № 3. С. 132–151.

Лев Карсавин отдавал полный отчет в противоречивости своих взглядов. В одном из своих писем к SJ Г.А. Веттеру он писал, что хорошо понимает «неточности и неясность многих своих формулировок»²¹, «их односторонность (неизбежную во всякой индивидуальной конструкции)»²². По самоопределению Карсавина он не считал себя «вполне свободным от традиции»²³ и прямо признался молодому католическому теологу:

Знаю, что мои слова звучат богохульственно и, по видимости, посягают на основные догмы христианства. <...> Из бессознательной боязни слишком резких, по-видимому, слишком противоречащих догме, выражений я выражался слишком соглашательски²⁴.

Как видно, Карсавин оставался честным и духовно трезвым в оценке своих непростых отношений с догматикой и традицией, в осознании дистанции, разделяющей его и их. Но личная честность не отменяет многих проблем его философии, мимо которых легко можно пройти, увлекшись анализом хитросплетений его наукообразных умозаключений. С какого бы конца ни распутывать их затайливую паутину, нельзя забывать, что и для Карсавина, и для его последователя главное сосредотачивалось в личности Христа. Имея дело со сложностью карсавинской философии, Ванеев не забывал о призыве апостола не уклоняться от «простоты во Христе» (2Кор. 11:3), стремился емко и сжато извлекать из работ своего учителя самое главное. Это не означало отмену теоретической мысли, но лишь твердо и ясно указывало на главное в оценке работ Карсавина и самого Ванеева: теоретическая религиозная мысль, в том числе и догматика, призвана дополнять нашу веру, она открывает нам видение христианства взглядом со стороны²⁵, тем самым проясняя первичное, живое переживание Живого Бога и чудо дарованной Им любви.

Льву Карсавину это чудо религиозного мировосприятия открылось через любовь к земной женщине – «чистой, ясной, прекрасной и, вместе с тем, – мучительной, не осуществившейся, но неизмен-

²¹ Цит. по: *Гаврюшин Н.К.* Переписка А. Веттера с Л. Карсавиным // Символ. Журнал христианской культуры при Славянской Библиотеке в Париже. 1994. № 31. С. 104–169.

²² Там же. С. 148.

²³ Там же. С. 147.

²⁴ Там же. С. 153.

²⁵ Формулировки К.К. Иванова в его письмах к А.А. Ванееву [ЛАВ] и к автору настоящей статьи.

ной до порога старости»²⁶. И оно же стало главным источником его метафизики на всю жизнь. Для Анатолия Ванеева философские размышления тоже стали выражением любви, нашедшей свой выход в погружении мысли в благодарную память о своем Учителе. Ее сохранение, сыновью любовь он считал неопровержимым свидетельством его живого присутствия. Результатом этого духовного труда стали статьи и письма, в которых религиозно-философские идеи Карсавина очищены от всего второстепенного и выявлены в главном и ценном. Своей книгой «Два года в Абези», очерком о жизни и идеях Л.П. Карсавина Ванеев хотел донести до нас, что философское наследие его учителя – не некий музейный объект досужего интереса, что темы и вопросы, поднятые Карсавиным, выводят нас к границам нового осмысления личной веры, в центре которого находится задача выяснения положительного христианского смысла атеизма.

Публикация

Анатолий А. Ванеев

Письма Учителю²⁷

*Письмо первое*²⁸

Учитель! Светлый мир твоего разума открылся мне только так непозднимо поздно! Пока ты был жив, уши мои внимали твоим словам, разум же не достигал вместить прекрасный их смысл. И только вот теперь, когда смерть разлучила нас, когда тело твое пожерто²⁹ земле, когда тебя уже нельзя ни видеть, ни слышать, ни ощутить, – разве только душа некоторым образом чувствует твое присутствие, – теперь, читая твои рукописи, я понимаю, постигаю, наполняюсь твоей мыслью, но поздно! поздно! Я не могу уже сказать тебе о своем восхищении тобою, не могу принести тебе мое благоговение; и раскаяние отягощает мне сердце оттого, что я недостаточно читал тебя, оттого, что возможность быть с тобою так бестолково разменивалась в пустом и ненужном проведении времени, но поздно!

²⁶ Ванеев А.А. Очерк жизни и идей Л.П. Карсавина. С. 345.

²⁷ Подготовка к публикации и комментарии В.И. Шаронова.

²⁸ Текст исполнен карандашом на одиночных и сдвоенных листах в ½ размера страницы школьной тетради в клеточку; написание букв, приближенным к характерному почерку Л.П. Карсавина и с элементами дореволюционной орфографии («І», «Ѣ» и «Ъ»). Авторская пунктуация и орфография сохранены.

²⁹ Пожерто – от др. русского «пожертв», «пожрети» – жертвовать, принести в жертву. «Да пожерто будет мертвенное животом» (2 Кор 5:4).

Поздно? В этом «поздно» есть что-то такое, что как-то прибавляется к моим чувствам, чего я не чувствую и чего внутри меня нет, но что как-то навязывается мне, – некий упрек, который я будто бы бросаю небу. Однако – плач есть в сердце моем, упрека же нет.

Во всем том, что совершилось, и в том порядке, в котором одно следует за другим, я смутно чувствую нечто неизмеримо превосходящее меня, нечто простирающееся безгранично, так, что моим полем зрения объемлется только что-то ничтожно малое и не главное.

И вместе с тем, совсем уже смутно, в себе я чувствую, даже и не чувствую, а как-то неопределимо, невыразимо ощущаю возможность так же вот простереться безгранично, превзойти всяческую свою ограниченность, но превзойти не телесно, а как-то иначе. Словно, как если бы помимо того, что я есть я в своем конкретном телесном виде, в конкретном месте и в конкретное время, я был бы растворен во всей той безмерной безграничности, как крупинка соли в океане.

А другая крупинка, растворенная в этом океане, это ты, учитель!

Письмо второе

Почти каждый день мне случается проходить тем местом, где, когда тебе позволяло здоровье, мы прогуливались, беседуя; здесь всякая мысль о тебе являет мне тебя: та способность, которую называют памятью, вдруг распространяет меня в прошлое, позволяет прошлому стать настоящим, являет его в моем сознании наряду с наполняющим его реальным чувственным настоящим.

Я иду вдоль длинного больничного барака, под ногами снег, смешанный с углем; целые насыпи угля тянутся вдоль рельсового пути. Люди ходят вдоль угля, другие лопатами равняют угольные насыпи; воздух морозный, чуть подкуренный запахом угольной гари; воздух этот прозрачен зрению и слуху, все шумы слышатся явственно: говор, шорох пересыпаемого угля, скрип снега. Дневной свет, слишком яркий, вынуждает щурить глаза. Это бытие, самым неопровержимым образом сущее, заполняет все мои чувства, оно до насыщения срастворено со мною, оно едино со мною как мое сознание.

Но полагаясь на этот яркий, громкий, телесно в пространстве существующим мир, здесь – со мною – присутствуешь ты. В точности такой, каким ты был в жизни, ты идешь в точности так, как я ранее видел тебя идущим здесь.

Иногда я бываю в том больничном помещении, куда раньше множество раз приходил к тебе. Не комната, не палата, а широкое и длинное помещение с низким, давящим потолком, подпертым столбами, плохо освещенными маленькими окнами, тесно заставленное деревянными в два яруса четырехместными нарами, на которых лежат, сидят, шевелятся под одеялами больные; воздух душный; все также, как и тогда, но люди теперь другие, лица их мне незнакомы и безразличны.

Раньше ты путеводно светил душе моей, и жалкая эта обстановка была только обрамлением встречи с тобой. Теперь только одна эта обстановка и осталась.

Но едва мысль коснулась тебя, как в проходе между рядом нар и стеною появляешься ты, именно так, как ты появлялся раньше навстречу мне: высокий, худой, пошатываясь на тонких ногах, на ходу натягивая поверх белья тюремный бушлат, лицо, истомленное болезнью, белая, редкая борода... Впрочем, я вижу тебя не зрительно, а как-то иначе, духовно, глаза мои видят только мелькающих незнакомых людей, лица чужие и безразличные.

Письмо третье

Итак, то, что в прошлом было во всей полноте жизни, ныне является мне тенью.

Эта тень подтверждает мою связь с тобою, никогда уже и ничем не уничтожимую соединенность с тобою.

Тот аспект сознания, который навсегда принадлежит прошлому, или само оно, прошлое, навсегда неизменно и тeneвидно пребывающее в моем сознании – являет твой образ в моем живом настоящем, но образ этот не больше, чем дымка, на мгновение застилающая взор, дымка драгоценная, но – только дымка!

Тебя живого, учителя и друга, отца по духу и брата – алчет моя душа. Но завеса плотная, непрозрачная уму разделяет нас.

Гамлету являлся его отец; соприкосновение с отцом, посмертно существующим, являло чувствам сына призрачный образ, тень прошлого. Отец и в смерти своей чрез³⁰ сына остался среди живых, вошел в течение их жизни – и естественный порядок отношений и событий, образуемый характерами и положением живых лиц, оказался – необъяснимым без участия призрака образом – взмученным, искривленным, поколебленным; предательски убитый Датский Король посмертно реализует свое право мести. Не так же ли рисуются нам эриннии греческой мифологии?

Прошлое, то, что однажды «свершилось», неотменяемо. Оно своею свершенностью тяготеет над нами, тени прошлого простираются в настоящее и в будущее, и нам не дано преступать их: в своей свободе мы свободны настолько, насколько наш прошлое оставило нас свободными. Притом, не только в смысле внешней ситуации, а, и главным образом, внутренне и духовно.

Конечно, дорогой мой, моя соединенность с тобою в прошлом предопределяет меня, живого, и ныне и до скончания дней моих, как

³⁰ Чрез – излюбленный предлог Л.П. Карсавина, подчеркивающий момент прерыва: «Жизнь-чрез-Смерть» и др. Такое написание перенял и А.А. Ванеев. Далее некоторые слова из лексики Карсавина при первом их употреблении отмечены нами знаком «*».

направление ружейного ствола предопределяет путь и место падения пули. Это не то, чтобы ты был моею несвободой, и я был не свободен, а как, если бы я, отдав свою свободу, взамен получил от твоей свободы, так что моя свобода, та, которою я, живой, обладаю в своей настоящей жизни, вместе с тем и не совсем моя, будучи моей – и твоя. Но эту твою свободой я пред-оставлен самому себе. Эта же предоставленность самому себе и есть разлученность с тобою, смертью полагаемая непреходимая, разъединяющая нас преграда.

Но – мир тебе! Мир и вечный покой тебе и вечная память. Да не нарушу сокровенного. Мое устремление к тебе – не похоть духовидения, – мне просто недостает тебя.

Спиритический медиум в своем наведенном сне некоторым образом становится одержим вызываемым духом. В этом гипнотическом перевоплощении и в несытом любопытствовании присутствующих – есть мертвенность лунного света, преступание оградительной стыдливости естества.

Письмо четвертое

Ты претерпел смерть и теперь существуешь не как мы, а иначе. И даже помыслить не хочу тебя каким-либо трансфизическим образом входящим в наш мир.

Увижу ли тебя тогда, когда и я претерплю* смерть? Окажется ли тогда соединенность с тобою сильнейшей других, которые преступят завладеть мною? Когда силы иссякнут, и телу, едва живому, будет не в мочь сделать движение?

Когда, в трепете и страхе смертном, в каждой своей клеточке погибнет плоть и освободит меня в мир сонного безмолвия? Образ человеческий, во плоти суший, физически локализованный в пространстве и конкретный во времени мало-по-малу исчезнет в неразличимости* вещества.

Что можно сказать о посмертном бытии, не впадая в фантазирование?

Мое сознающее себя личное бытие, «Я»³¹ – находит себя как существующее в мгновенном настоящем. Но и любой момент* прошлого «Я» я, будучи в настоящем, могу вернуть, восстановить, вспомнить – осознать «тот момент» как себя, или – себя, как «тот момент». Вся моя жизнь раскрывается как движение моего сознающего себя «Я» по своим моментам, с преимуществом полноты жизни и свободы в моменте настоящего.

Посмертно я буду весь только – прошлым, и ни одно мое мгновение не будет обладать преимуществом бытия в настоящем. Предстану ли я себе с некоторою ступень степенью свободы сознать, как себя, любой из своих моментов?

³¹ «Мое сознающее себя личное бытие» – характерное словосочетание в философских работах Л.П. Карсавина.

Исходя из представлений о загробной жизни, можно думать, что все мои моменты «сразу» предстанут мне, требуя, чтобы с одним из них невозвратно соединилось мое сознающее себя «Я».

Но в каждом своем моменте я увижу не только себя, но и всех, частных* ему, некое единство* всех от века, в ком она имеет часть. Соединенность наша с некоторою бесплотною массою и в жизни имеет власть, насилующую нас, и мифологически представляется нам в образе демонов или духов. Таким образом, мои моменты приступят ко мне сильные силою своих единств и своею мерою, ибо повторялись. Мое сознающее себя «Я» будет предано одному из этих единств*, я осознаю его как себя, и себя как его; я – человек, по образу Божию сущий личным бытием, осознаю себя как момент* все-человека; личному бытию наследует посмертное бытие в качестве момента, живое восходящим движением меня-момента чрез все последовательно возрастающие личности вплоть до личности человека-мира, где тот предел, на котором суд, за которым Богобытие* воскресения.

Скорбь души и заупокойные молитвы наши как-то причаствуют* миру посмертного бытия, входят в течение его; разрыва между «здесь» и «там», в сущности, и нет.

Церковь имеет чин заупокойной службы: единообразный для всех, он единит тех, кто его исполняет, – не только внешним образом, но и духовно мы проходим тем же путем, которым многое множество раз проходили другие, в этом наша слиянность со всею церковью, поскольку же наша, постольку и наших усопших, о которых мы молимся.

Пространства «страны забвенной»³² населяют единства, с одним из коих человек посмертно оказывается совокуплен по суду дел своих. Единствам, являющим мрачный образ греха, «зракам бесовским» противостоят единства святых и праведных, «лик нерасходящийся», хоры, непрестанно поющие аллилуия, вернее – сущее аллилуия, само человеческое Я, осознавшее себя как аллилуия, как момент хвалы Богу среды других моментов всечеловека.

Единства эти, живые [как]³³ своим восхождением от низших личностей к высшим, так и причастием нашему бытию, образуют между собою живые отношения, положительны друг другу или отрицательны, и все они едины единством той высшей личности, моментом которой они являются. Эта жизнь их, продолжающая нашу жизнь в нашем восхождении, ощущается нами как ритм нашей духовной жизни, ритм непредугадываемый и заглушаемый интенсивностью нашего телесного бытия.

Но реальный образ метаэмпирического* (посмертного) бытия, конечно, непредставим: это мир других измерений, и мысль, погружающая себя в него, лишается живого своего наполнения, становится отвлеченною, и живые сочле[не]ния ее костенеют и в них слышится скрип логических шарниров.

Страницы без нумерации в том же комплекте записей³⁴

Сознание вины* есть не что другое, как опознание несовершенства*, неполноты несовершенного моего бытия и всякого моего действия; опознание несовершенства превращает в «кару», поскольку несовершенен я, будучи свободен, более того, поскольку несовершенен потому, что свободен, как и постольку, поскольку несовершенен для того, что был свободен.

Опознание несовершенства, сознание вины, покаяние, умпремена* и есть мое свободное Богоприятие*, но Богоприемствуя*, я свободно полагаю себе свое несовершенство, ибо приемлю Бога, смирившего себя в «зрак рабий»*, чтобы я возник и обожился, действительность Своего Богобытия превратившего в действительность моей неполноты*. Богоприемствуя чрез сознание вины, я вместе с Богом несу свое несовершенное существование.

Действительность несовершенства для того и нужна, чтобы чрез опознание недостаточность Богоприятия была изжита мною: несовершенство бесконечно постольку, поскольку оно есть несовершенство всех моментов, опознавая же его, сознавая всяческую свою недостаточность как свою вину, т. е. себя как единственную причину своего несовершенства, я самоё свое несовершенство опознаю как свой момент, особенный от всех других моих моментов тем, что именно чрез него я соединен с Богом.

В этом и есть качество тварности*, сохраняемое мной и в Богобытии* воскресения.

Будучи уверен, я тем и един с Богом, что, отрицаясь своего несовершенства, я – вместе с Богом – и оставляю его.

Я есть небытие Бога; но небытия – нет, и не может быть, чтобы небытие Бога явилось сущим. Поэтому я могу быть и есть только как воскрешающий Бога, как отрицающийся своего бытия, сущего ценою Его небытия.

Понятие мое, сознание мною вины – переживается мною и мыслится мною абсолютно, ибо безотносительно к возможности. Переживание

³² Ср. Пс. 87:11 (по церковно-славянскому переводу): «Еда познана будут во тьме чуда твоя, и правда твоя в земли забвенней?». Страна забвения – шеол (ивр. –*שְׁאוֹל*). В Ветхом Завете место пребывания всех умерших.

³³ Восстановленные пропуски в тексте писем здесь и далее взяты в квадратные скобки.

³⁴ В данной части Ванеев кратко воспроизводит основные положения трактовки Карсавиным категории двуединства (преимущественно по отношению к Богу и человеку). Заявляя эту тему в “Noctes Petropolitanae” (1922), Карсавин делает ее наравне с Троиединством основным элементом каркаса своей философии, и в таком качестве двуединство присутствует в его последующих работах.

мною вины, как и умопремены – ничем не мотивируется, ничем не нуждается.

Ведь в своем несовершенстве я виновен именно потому, что свободен, хотя и для того, чтобы был свободен.

Абстрактное же, не достигающее умопремены осмысление мною (недо-осознанное переживание) моей вины делает ее относительной, ставит ее в связь с нарушением некоего «морального закона», заповеди. Однако вина относительно закона есть вина условная. Мораль – существует лишь как начаток и прообраз ничем не обусловливаемого переживания и осознания вины, покаяния, умопремены. Вообще же говоря, если переживание вины мы и связываем с нарушением морального закона, то закон этот – не причина, а лишь рефлексия наших чувств.

Такое мифообразное изложение имеет, впрочем, твердое гносео-основание: я могу быть свободен, приемля Бога не иначе как дважды отрицаясь (ср. «Отрицание отрицания» Гегеля, в логике – выведение из двух неистинных посылок – не необходимо – истинного заключения)³⁵.

Смысл того, что гносео- и онто-моменты в Б[оге] суть одно, тот, что Триединство* Божие есть свое «сразу» как соравные, собезначальные О[тец], С[ын] и Д[ух], которые всегда есть, но это же Триединство раскрывает Себя как онтический* порядок (Гегелевская триада), как процесс.

Как Триединство в первом смысле – Бог один (и един), как Своя познанность*, сущая без-условно. Триединство как Свой онтический порядок есть Рождение чрез Смерть и Воскресение, в этом смысле Бог двуедин* как Богочеловек и единство Божие человек изрекает как многоединство.

Сказать о Боге, что Он – *status mobilis et motus stabiis*³⁶, что Он – всеединство*, что Он – Свое познание³⁷, мы потому и можем, что Он – Богочеловек.

Я – Его движение, Его смертность, Его множество*. Он – мой покой, мое бессмертие, мое единство («Яко Ты еси воскресение, Живот и Покой...

³⁵ Ср. у Карсавина о Гегеле: *Карсавин Л.П.* Комментарий к Венку сонетов и Терцинам // Ванеев А.А. Два года в Абези. В память о Л.П. Карсавине. Вгuxelles: Жизнь с Богом; Paris: La presse libre, 1990. С. 300, 304.

³⁶ *...status mobilis et motus stabiis*. – «Стояние подвижное и движение неподвижное» (лат.) – слова из трактата Иоанна Скота Эриугены «О разделении природы» (I, 12), представляющие собой, в свою очередь, парафраз из Псевдо-Дионисия Ареопагита («О божественных именах», IX, 9).

³⁷ Мысль Мейстера Экхарта, на которую Л.П. Карсавин ссылался в своих философских беседах в Абези: «...мейстер Экхарт постигает, что тройственно-единое бытие Бога есть Его самопознание». См.: *Ванеев А.А.* Два года в Абези // Ванеев А.А. Два года в Абези. В память о Л.П. Карсавине. С. 23; ср. также: *Карсавин Л.П.* Краткий комментарий // Там же. С. 329.

усопшим рабом Твоим, Христе, Боже наш»³⁸). Но я в Нем, но Он во мне живет, и Он живет мною, как я Им. Но Он, чтобы быть Самим Собою, не нуждается во мне; меня же самого по себе просто нет.

Однако, мысль Бога, его часто мыслят безотносительно к человеку, что выражает себя в «стабилизации» Богобытия, этим совершают ошибку: если бы Бог не явил Себя Творцом*, если бы меня не было, то не было бы, по-видимому, в Боге и того, что мы называем онтическим порядком, и что было бы, мы того знать не можем. Нельзя мыслить Бога безотносительно к Человеку, т. е. не как Двуетинство* Творца-Твари*, ибо такого Бога нет. Того же, чего нет, невозможно мыслить.

Мысля Бога (будто бы) Самого по Себе, на самом деле не Самого по Себе Его мыслят (что невозможно), а от двуетинства отвлекают одну сторону, полагая, что мыслят Единого*, на самом деле мыслят половину Двуетинства.

Поскольку же Бог есть Богочеловек, постольку всё, что есть в Боге, дано и человеку, более того, являемо в человеке; а если бы было в Нем нечто утаенное, безусловно недоступное, то человек не мог стать Сыном Божиим, и человека не было бы. И если человек мыслит Божество, то мыслит всегда именно Богочеловека, ибо человек мыслит, ибо такова природа познания. И лишь превосходя, превышая самоё возможность познания, дерзаем мы говорить, что Бог Сам в Себе всегда есть как Труетинство, как Своя целость, как Своя познанность.

Различие с тождеством всецело примири³⁹,
Ты всемогущ. Но самый миг Рожденья,
Блаженство полноты Себе не сохранив,
Ты смертью Своей в миг обратил творенья.

И беспредельность сникла в нуль.
И Свет сменился тьмой.
Движенье трепетало на исходе.
И в первозданной тьме Ты становился мной,
Себя, всецелаго, моей предав свободе.

х

Объемлет ночь меня.
свою был полон ожиданья
чтоб просила плоть прозрачностью ума (?)
И вот рубеж. Объемлет ночь сознанье
А света нет, и только гуще тьма.

³⁸ Последование панихиды.

³⁹ Попытка Ванеева подражать стихам Карсавина, дополнить их.

Казалось, близость таинства исторгнет
В глуби глубин невыразимый стон
И в этой тьме плыву куда-то я – безвольно.
О, Господи!

Мы почти никогда не поднимаемся до космического мышления или мироощущения. К-н исходя из абсолютного всеединства, помнит, что земля – песчинка среди миров. Платон же мыслит поистине космически. Для него «Я» всегда является и мирозданием.

В познании нашем все многообразие вопросов, обращаемых нами к познаваемому, по существу, сводится к трем основным: как, почему и зачем. Первые два имеют родственный смысл и противостоят третьему; вернее, мы спрашиваем либо, как и почему? либо, как и зачем? Правомерность постановки последнего вопроса отрицается позитивной и эмпирической точкой зрения, как негативной отрицается правомерность любого из этих вопросов. Но позитивная философия, отвергая «зачем», тем самым в скрытой форме содержит негативизм, т. е. и вообще отрицание возможности разумного познания.

В отрицании «зачем» содержится отрицание вообще разумности, ибо только о том, что лишено смысла, нельзя спросить «зачем», ибо такой вопрос равносителен вопросу о разумности бессмысленного.

О том же, что разумно, всегда можно спросить «зачем?», ибо это вопрос о разумности разумного. В отказе от «зачем» заключается таким образом скрытое убеждение в бессмысленности познаваемого и, в конце концов, в непознаваемости мира, равно как, спрашивая зачем, я подразумеваю возможность осмысления того, что мною познается. Предполагая же невозможность осмысления, я само познание свожу на нет, ибо познание может искать только осмысления, даже если имеется в виду только относительное осмысление, то относительность его берется относительно именно какого-то разумного основания, чем бы оно ни было.

Простой пример: если я сделал нечто бессмысленное, то заведомо не могу сказать, зачем я это сделал, хотя отлично могу сказать, как сделал и, может быть, могу сослаться на некое ближайшее «почему». Если же действие разумно – оно всегда предполагает некоторое «зачем». И в этом случае «почему» оказывается обращенным лишь на «как»⁴⁰.

Благодарности

Выражаю благодарность религиозному философу Константину Иванову (г. Санкт-Петербург), другу и главному собеседнику Анатолия

⁴⁰ Конец рукописного фрагмента.

Ванеева. Наши многолетние теоретические диалоги и переписка помогли мне лучше понять и оценить идеи Л.П. Карсавина и А.А. Ванеева.

Выражаю признательность Елене и Льву Ванеевым за разрешение свободно использовать документы личного архива А.А. Ванеева.

Благодарю известного переводчика Петра Епифанова за ценные советы, данные при подготовке рукописи А.А. Ванеева.

Acknowledgements

I express my gratitude to the religious philosopher Konstantin Ivanov (St. Petersburg), a friend and main interlocutor of Anatoly Vaneev. Our long-term theoretical dialogues and correspondence helped me to better understand and appreciate the ideas of L.P. Karsavin and A.A. Vaneev.

I express my gratitude to Elena and Lev Vaneev for the permission to freely use the documents of A.A. Vaneev's personal archive.

I thank the famous translator Pyotr Epifanov for the valuable advice given during the preparation of the manuscript by A.A. Vaneev.

Источники

Ванеев А.А. Личный архив. (В настоящее время передан в Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга и проходит процедуру оформления в фонды и описания документов.)

Ванеев А.А. Два года в Абези // Ванеев А.А. Два года в Абези. В память о Л.П. Карсавине. Bruxelles: Жизнь с Богом; Paris: La presse libre, 1990. С. 299–327.

Ванеев А.А. Интервью, которое автор книги «Два года в Абези» дал корреспонденту журнала «Крисчен Уорлд Монитор» // Ванеев А.А. Два года в Абези. В память о Л.П. Карсавине. Bruxelles: Жизнь с Богом; Paris: La presse libre, 1990. С. 190–194.

Ванеев А.А. Очерк жизни и идей Л.П. Карсавина // Ванеев А.А. Два года в Абези. Bruxelles: Жизнь с Богом; Paris: La presselibre, 1990. С. 337–366.

Ванеев А.А. Под углом умопремены // Символ. Журнал христианской культуры при Славянской библиотеке в Париже. 1994. № 32. Париж. С. 249–253.

Карсавин Л.П. «Венок сонетов» и «Терцины». Наиболее полная редакция // Христианское чтение. Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви. 2021. № 3. С. 132–151.

Карсавин Л.П. Комментарий к Венку сонетов и Терцинам // Ванеев А.А. Два года в Абези. В память о Л.П. Карсавине. Bruxelles: Жизнь с Богом; Paris: La presse libre, 1990. С. 299–327.

Karsavin L.P. Краткий комментарий // Ванеев А.А. Два года в Абези. В память о Л.П. Карсавине. Bruxelles: Жизнь с Богом; Paris: La presse libre, 1990. С. 328–332.

Karsavin L.P. ПЕРИ АΡΧΩΝ. (Ideen zur christlichen Metaphysik). Memel, 1928. S. 58.

Информация об авторе

Владимир И. Шаронов, кандидат педагогических наук, Западный филиал Российской академии государственной службы, Калининград, Россия; 236016, Россия; Калининград, ул. Артиллерийская, д. 62; sharonovvi@gmail.com

Information about the author

Vladimir I. Sharonov, Cand. of Sci. (Pedagogy), Western branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Kaliningrad, Russia; bld. 62, Artilleriiskaya Street, Kaliningrad, Russia, 236016; sharonovvi@gmail.com

УДК 1(091)(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-30-46

Лингвофилософия Василия Зубова в контексте русской философии имени

Артём А. Гравин

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Филиал Федерального
Научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук – Социологический институт
Российской академии наук, Москва, Санкт-Петербург,
nagval_89@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые аспекты лингвофилософской позиции Василия Павловича Зубова (1900–1963). Выявлено, что она основана на своеобразной рецепции паламизма и осмыслении некоторых положений имяславской проблематики. Показано, что в рамках лингвофилософии Зубова определяющим оказывается утверждение трансцендентного Предвечного Имени Бога, непосредственно связанного с нетварной божественной энергией. При этом, согласно Зубову, Предвечное Имя Бога находится в диалектических отношениях с Его тварными «сокровенными» именами, подразумевающими выражение нетварного замысла Бога о творении в тварном языке. Гносеологическое «достижение» Предвечного Имени оказывается возможным, по Зубову, благодаря коммуникативно-прагматическому измерению языка. В работе показано также, что восприятие тварного естественного языка для Зубова оказывается связанным с выявлением его конвенциональности и метафоричности. При этом один из видов метафор, обозначаемый Зубовым как миф, включает в себе связь конвенционального и неконвенционального (идеального) измерений языковой действительности. На основании проведенного анализа сделан вывод о близости лингвофилософской позиции Василия Павловича Зубова лингвофилософской версии осмысления имяславия Алексея Федоровича Лосева и, в существенно меньшей мере, отца Павла Флоренского.

Ключевые слова: имяславие, лингвофилософия, Зубов, Лосев, Флоренский

Для цитирования: Гравин А.А. Лингвофилософия Василия Зубова в контексте русской философии имени // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 4. С. 30–46. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-30-46

© Гравин А.А., 2022

Vasily Zubov's linguo-philosophy in the context of Russian philosophy of the name

Artem A. Gravin

*RAS A.M. Gorky Institute of World Literature, Sociological Institute –
a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Saint Petersburg,
nagval_89@mail.ru*

Abstract. The article discusses some aspects of the linguo-philosophical position of Vasily Pavlovich Zubov (1900–1963). That position is based on the original Palamism reception and understanding of some provisions in the onomatodoxy problematics. It is shown that for Zubov's linguo – philosophy it is important to affirm the transcendental Pre-Eternal Name of God, which is directly connected with the uncreated divine energy. At the same time, according to Zubov, the Eternal Name of God is in a dialectical relationship with His created “hidden” names, which imply the expression of God's uncreated plan of creation in the created language. The gnosiological “attainment” of the Eternal Name is possible, according to Zubov, due to the communicative-pragmatic dimension of language. The paper also shows that the perception of the created natural language for Zubov is associated with the identification of its conventionality and metaphoricity. At the same time, one of the types of metaphors, designated by Zubov as a myth, contains a connection between the conventional and non-conventional (ideal) dimensions of linguistic reality. According to the conducted analysis, it was concluded that the linguo-philosophical position of Vasily Pavlovich Zubov is close to the linguo-philosophical version of the Alexei Fedorovich Losev's onomatodoxy comprehension and, to a much lesser extent, of Father Pavel Florensky.

Keywords: onomatodoxy, linguo-philosophy, Zubov, Losev, Florensky

For citation: Gravin, A.A. (2022), “Vasily Zubov's linguo-philosophy in the context of Russian philosophy of the name”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 30–46, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-30-46

Введение

Одна из центральных проблем имяславских споров заключала в себе вопрос об онтологическом статусе имени Бога. Можно ли говорить о вечном и трансцендентном имени или всякое языковое измерение принадлежит исключительно имманентному (богословски выражаясь, тварному) измерению, а значит, в основании своем субъективно и конвенционально?

Приведенный вопрос напрямую оказывается связанным с анализом богословской и философской корректности имяславской формулы («Имя Божие есть Сам Бог»), зависимость от онтологического наличия/отсутствия безусловного и независимого от человеческой субъективности божественного имени.

Митр. Иларион Алфеев в выводах к своему исследованию «Священная тайна Церкви: Введение в историю и проблематику имяславских споров» приводит следующие однозначные суждения:

Имя Божие не тождественно и не совечно Богу. Оно не является неотъемлемой принадлежностью божественной сущности... <...> Имена Божии заимствованы из различных действий Бога по отношению к тварному миру [Алфеев 2013, с. 825].

Такое понимание языка, с одной стороны, подразумевает вполне себе конкретную лингвистическую онтологию: всякое имя «человечно» вплоть до того, что

...даже когда Сам Бог называет Себя теми или иными именами, Он пользуется именами, которые существуют на языке человека [Алфеев 2013, с. 825].

С другой стороны, имена Бога оказываются здесь «заимствованы» из «различных действий Бога».

Связь между энергией и именем может разрешаться в виде антиномии, и тогда языковое измерение действительно ограничивается тварной реальностью (и представляет собой ее характерное свойство); а может являть собой вариант диалектического синтеза, и тогда оказывается возможной претензия на более широкую онтологию языка, включающую в себя нетварные реалии. К таким прецедентам Алфеев относит некоторые высказывания св. Димитрия Ростовского [Алфеев 2013, с. 217] и ряд суждений автора книги «На горах Кавказа» схим. Илариона Домрачёва¹ [Алфеев 2013, с. 314].

Зависимость богословских выводов от философской методологии требует исследования их внутреннего соотношения и классификации порождаемых исходя из разных философских оснований богословских дискурсов.

Принципиально различное понимание связи энергии и имени можно обнаружить даже в среде сочувствующих имяславию мыс-

¹ См., напр.: «Имя “Иисус” от вечности хранилось в Троичном Совете неведомаго Божества, даже до дня своего явления в мир...» [Домрачёв 2018, с. 59].

лителей [Гравин 2022], среди которых выделяются как сторонники, так и противники претензии на бытие нетварного Первоимени. В определенной мере это связано с различной философской рецепцией паламизма и, как следствие, с различным пониманием энергий [Бирюков 2018].

Ранее нами была предпринята попытка классификационного анализа различных подходов к осмыслению имяславия в рамках трех его основных версий [Гравин 2022]. В данной работе на примере экспликации лингвофилософской позиции Василия Зубова будет рассмотрено такое понимание соотношения божественной энергии и имен Бога, которое подразумевает нетварное языковое измерение, то есть нетварное, совечное Богу Имя.

Лингвофилософские взгляды Василия Зубова

Философское осмысление имяславия чаще всего ассоциируется с его богословской апологетикой (отец Антоний Булатович, Михаил Новосёлов) или упоминаемыми классическими версиями философии имени (отец Павел Флоренский, отец Сергей Булгаков, Алексей Лосев). Тем не менее ряд важных лингвофилософских интуиций в осмыслении данной богословской проблематики обнаруживается и в работах менее «тривиальных» для отечественной лингвофилософии мыслителей, среди которых можно выделить фигуру Василия Зубова (1900–1963).

Будучи ученым-энциклопедистом и разносторонним полима- том², Зубов написал и ряд богословских статей, изданных только в начале XXI в. В перспективе рассматриваемой в данной работе проблематики важной оказывается статья «...Об энергиях, ипостасях и сущности...», написанная в начале 20-х гг. XX в. По своему содержанию эта статья соответствует основным религиозно-фило-

² Область его интересов включала в себя исследования в области архитектуры, истории науки, литературоведения, эстетики, истории русской проповеди и др.; среди прочего Зубов также подчеркивал необходимость развития религиозной философии: «...необходима философия, вырастающая из Церкви: не философия, философствующая по указке внешнего авторитета, и не философия, философствующая непременно на богословские темы, а философия свободная, независимая от внешних норм, творимая цельной личностью, живущей жизнью Церкви»: *Зубов В.П. ...Об энергиях, ипостасях и сущности... // Зубов В.П. Избранные труды по истории философии и эстетики: 1917–1930. М.: Индрик, 2004. С. 34.*

софским проблемам этого времени: рецепция паламизма, вопрос о софиологии, почитание имени Бога.

Следуя общей для защитников имяславия интеллектуальной тенденции, Зубов связывал спор об именах Божиих с предшествующим спором XIV в. о божественных энергиях и догматическим противопоставлением православного и католического богословских дискурсов (паламизма и варлаамизма)³:

Внешнее и внецерковное благочестие всегда смело, всегда усердствует не в меру, всегда лишено истинного чутья. Оно, дабы прославить Сына наравне с Отцом, прибавило к символу вселенской Церкви Filioque, оно провозгласило догмат непорочного зачатия из столь же слепо внешнего благоговения к Пречистой Деве Марии, и в наши дни оно столь же фальшиво и нечутко вырывает пропасть между Творцом и тварью, забывая об истине вездесущия Божия, называя эту истину пантеизмом, и на Западе, придерживаясь непоследовательного психологизма и полусубъективизма, осуждает онтологизм, а на Востоке, исходя из предвзятых предпосылок обыденной некритической гносеологии, возрождает варлаамитскую ересь, осудив защитников веры в Предвечное Имя⁴.

Аналогично сверхвременному замыслу Бога о мире (Софии)⁵ Предвечное Имя для Зубова предстает трансцендентным по отношению к «обыденной гносеологии», а значит, и обыденному (естественному) языку. Сохраняя языковую природу, предвечное Имя, по Зубову, оказывается невозможным для человеческого изречения, но возможным для мистического с Ним общения, позволяющего

...постигнуть, как Неизреченное становится изрекаемым, как То, что превыше имени, познается чрез Имя⁶.

В этом смысле раскрывается персоналистически-коммуникативное понимание Зубовым Предвечного Имени, данность которо-

³ Подобно другим защитникам имяславия (Флоренский, Лосев etc.), данное противопоставление Зубовым связывалось с противопоставлением онтологического платонизма и номиналистического аристотелизма (Там же. С. 33); данная сравнительная оценка не является однозначной: подробнее см. работу Дмитрия Бирюкова [Бирюков 2018].

⁴ Зубов В.П. ...Об энергиях, ипостасях и сущности... С. 34.

⁵ Там же. С. 41.

⁶ Там же. С. 35.

го представляет собой исключительно момент мистического с Ним взаимодействия⁷.

Предвечное Имя отождествляется Зубовым с энергией сущности Бога («Энергия... – несотворенный Свет и предвечное Имя»⁸) и неоплатоническим Умом⁹. Такое отождествление указывает, помимо прочего, на амбивалентный характер онтологии Предвечного имени, трансцендентность которого компенсируется возможностью его энергийного имманентного выражения¹⁰. Тварные имена (как и тварное бытие) существуют и познаются исключительно в перспективе и в зависимости от нетварного Имени¹¹. Таким образом, нетварное и тварные имена в осмыслении Зубова оказываются между собой связанными диалектически¹²:

Имя Божие есть сокровенное имя твари, причем в первом случае мы имеем в виду имя как имманентное раскрытие скрытой сущности, а во втором – имя как цель или конечную причину¹³.

⁷ В другой своей статье «Об абсолютном начале всякой метафизики» (1921) Зубов ставит в основание направленной к абсолютному бытию гносеологии категорию Я (*Зубов В.П. Об абсолютном начале всякой метафизики // Зубов В.П. Избранные труды по истории философии и эстетики: 1917–1930. М: Индрик, 2004. С. 50.*); подобный принцип неустранимости «я» говорящего Людмила Гоготишвили представляет одним из инвариантных принципов имяславия [Гоготишвили 1997b, с. 585].

⁸ *Зубов В.П. ...Об энергиях, ипостасях и сущности... С. 39.*

⁹ Там же. С. 40.

¹⁰ Аналогично Зубов утверждает, что «*потенциальная бесконечность постигается и может постигаться только чрез бесконечность актуальную*»: *Зубов В.П. ...Об энергиях, ипостасях и сущности... С. 42.* Невыразительная позиция критикуется им как не соответствующая православному вероучению и ведущая к теологическим пантеизму или дуализму (Там же. С. 40).

¹¹ Там же. С. 38. Аналогично в другой своей статье «Натурфилософские взгляды Гёте» (1922) Зубов обозначает связь внутреннего духовного света и нетварного Фаворского света (*Зубов В.П. Натурфилософские взгляды Гёте // Из истории мировой науки: Избранные труды 1921–1963. СПб.: Алетейя: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. С. 50.*)

¹² Та же логика применяется Зубовым и к связи нетварных и тварных энергий: «Энергия Божия есть сердце твари – твари идеальной или Церкви»: *Зубов В.П. ...Об энергиях, ипостасях и сущности... С. 45.*

¹³ Там же. С. 41.

Для осуществления лингвофилософской экспликации позиции Зубова следует соотнести его имяславскую позицию, связанную с утверждением нетварного Имени Божия, и его понимание естественного языка. К сожалению, специальный труд, посвященный систематическому описанию собственной концепции языка, у Зубова отсутствует. Однако представляется возможным с некоторым приближением эксплицировать его лингвофилософскую позицию на основании отдельных работ, в разной мере затрагивающих языковую и имяславскую проблематику.

Так, в статье «Пути метафорологии» (1922) обнаруживаются идеи тропичности естественного языка, основанного на метафорах¹⁴. Один из видов метафоры Зубов обозначает как перенос «смысла в выражения и выражения в смысл»¹⁵ и называет его мифом. Данный вид метафоры оказывается близким к такому пониманию символа, что было присуще теоретикам русского символизма и апологетам имяславия¹⁶ [Gravin 2022], и заключается в онтологической связи трансцендентного смысла и имманентного его выражения¹⁷.

В статье «Генезис научной терминологии (К истории научного языка)» (1926) утверждается конвенциональность научной терминологии¹⁸ и неконвенциональность «идеального» языка мысленных

¹⁴ Зубов приводит пять видов метафор: синестезия, пространственно-временные аналогии, перенос ощущения в форму и обратно, перенос психических свойств на физические явления и обратно, перенос смысла в выражение и обратно (Зубов В.П. Пути метафорологии. О некоторых предпосылках философии метафорического // Зубов В.П. Избранные труды... С. 55).

¹⁵ Там же. С. 55.

¹⁶ См., например, определение Лосева: «Символ... – воплощенность эйдоса в инобытии» (Лосев А.Ф. Философия имени. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2016. С. 127); зубовская метафора также сходна с лосевским пониманием символа в смысле тождественно-различного синтеза (Зубов В.П. Пути метафорологии... С. 74).

¹⁷ В этом смысле Зубов критикует «естественное» понимание мифов как принятых всерьез метафор (Там же. С. 54).

¹⁸ Характерной в этом смысле представляется следующая цитата: «Наука бессильна объяснить» – значит только, что при данном научном языке, где такому-то и такому-то слову придается такое-то и такое-то значение, невозможно рассказать о таком-то и таком-то факте. Нужно или ввести новые обозначения, или преобразовать значение старых терминов так, чтобы новое явление укладывалось в научную систему» (Зубов В.П. Генезис научной терминологии (К истории научного языка) // Зубов В.П. Избранные труды... С. 278).

первослов (*verba mentalia*)¹⁹. В этом смысле для Зубова оказывается важным различение двух онтологических уровней языка, соответствующих «звуковому» и «внутреннему» типам речи соответственно²⁰.

Если схематично обобщить нашу экспликацию лингвофилософской позиции Зубова, то можно сделать следующие предварительные выводы:

- 1) основанием концепции Зубова является утверждение бытия нетварного Предвечного Имени Бога;
- 2) Предвечное Имя энергично являет себя в виде «сокровенного» тварного имени²¹, порождая тем самым лингвистическое пространство тварного мира;
- 3) познание Предвечного Имени осуществляется в личностной коммуникации с егоносителем при мистическом «восхождении» к тождественному с Ним тварному «сокровенному» имени;
- 4) тварный язык может быть рассмотрен в перспективе двух измерений: идеального (внутреннего) и звукового (внешнего);
- 5) идеальное измерение представляет собой совокупность неконвенциональных смысловых универсалий, максимально близких абсолютному смыслу (Предвечному Имени)²²;
- 6) звуковое измерение представляет собой то, что принято называть естественным языком, и имеет конвенциональную метафорическую природу;
- 7) метафоры естественного языка могут представлять собой символические мифы, выражающие идеальный смысл в естественной речи²³.

¹⁹ *Зубов В.П.* Генезис научной терминологии (К истории научного языка). С. 287. В статье «Пути метафорологии» также упоминается понятие общечеловеческого праязыка, но не раскрывается его онтологическое и лингвистическое содержание (*Зубов В.П.* Пути метафорологии... С. 78.); аналогично в статье «Генезис научной терминологии» в контексте рассмотрения религиозного тотемизма упоминаются понятия «идеального предмета» и «родового имени», онтологически соответствующие смысловым универсалиям (*Зубов В.П.* Генезис научной терминологии (К истории научного языка). С. 291).

²⁰ Там же. С. 283.

²¹ Здесь можно обнаружить непосредственную связь паламизма и имяславия в мировоззрении Зубова; эта связь ранее отмечалась исследователями: [Бирюков 2019, с. 260].

²² Выход за пределы логического языка Зубовым соотносится с «неизреченными» состояниями сознания (Там же. С. 294).

²³ Следует отметить, что в работе «Генезис научной терминологии» также можно обнаружить выделение субстанциального и процессуального

*Философия имени Василия Зубова
и Алексея Лосева:
сходство и различие версий*

Версионирование представленной выше экспликации лингво-философской позиции Зубова может быть осуществлено на основании некоторых проводимых ранее классификационных моделей философского осмысления имяславия [Резниченко 2012, с. 11–99, Гоготишвили 1997b]²⁴, различающихся, во многом, уровнем онтологической «ценности» элементов естественного языка по отношению к трансцендентным реалиям.

Отечественные исследователи ранее отмечали определенную аналогию философских подходов и идей Василия Зубова с «популярными» отечественными философскими апологетами имяславия: отцом Павлом Флоренским [Зубова 2004b, с. 18, Бирюков 2019, с. 259] и Алексеем Лосевым [Зубова 2004b, с. 18, Резниченко 2014, с. 291].

Связь с Флоренским может быть, на наш взгляд, обнаружена на уровне общего его влияния на философское осмысление имяславия. Характерная для версии философии имени Флоренского апелляция к поиску статичной универсальной семантики («зрелых слов») естественного языка [Резниченко 2014, с. 280, 282, 287] в творчестве Зубова выражается только в плане его интереса к семантике и структурам литературного и научного языка²⁵.

С Лосевым Зубова связывала совместная деятельность в ГАХН и личное общение²⁶. Нам также представляется, что лосевская вер-

измерений языка на примере этимологического анализа греческого λόγος, по значению связанного как со смыслом (ratio), так и с речью (oratio) (Там же. С. 277); это разделение также связывается Зубовым с ростом конвенциональности при движении от логического смысла к риторической речи: здесь со ссылкой на Аристотеля приводится классификация речи, включающая аподиктический, диалектический и риторический виды (Там же. С. 278).

²⁴ Обобщение различных подходов к версионированию философского осмысления имяславия см. в [Гравин 2022].

²⁵ См. работы «Пути метафорологии», «Генезис научной терминологии (К истории научного языка)» и др.; как уже упоминалось выше, языковые универсалии для Зубова обладали идеальной природой (verba mentalia).

²⁶ В 1924 году Зубовым была написана статья «Теория пустоты в физике XVII столетия», предназначенная для курируемого Лосевым сборника философских текстов [Троицкий 2002].

сия философии имени оказывается наиболее близкой к эксплицированной выше позиции Зубова²⁷.

В первую очередь данная идейная связь фиксируется в общей для двух мыслителей аналогии паламизма и имяславия²⁸, подразумевающей максимальное сближение понятий энергии и имени: «...имя Божие есть энергия Божия, неразрывная с самой сущностью Бога...»²⁹. При этом оба философа мыслят и божественную энергию, и Предвечное Имя в неоплатоническом смысле как трансформирующиеся в перспективе актуальной тварной реальности: энергия «становится» энергийно-сущим (или энергийно-данным)³⁰, Имя «становится» именами³¹. Это объясняет, с одной стороны, онтологическое отношение нетварных и тварных реалий с точки зрения энергии и имени, с другой стороны, объясняет необходимость «стяжания» божественной энергии и Предвечного Имени³² в мистической практике через

²⁷ Некоторые «параллели» между тремя лингвофилософскими и богословскими имяславскими проектами (Флоренский, Булгаков, Лосев) и интуициями и построениями других отечественных мыслителей приводит Анна Резниченко в монографии «О смыслах имен» [Резниченко 2012].

²⁸ Лосев также представляет паламизм особой версией платонизма (Лосев А.Ф. *Очерки античного символизма и мифологии*. М.: Мысль, 1993. С. 867); подробнее см. аналитическую работу Людмилы Гогтишвили «Лосев, исихазм и платонизм» [Гогтишвили 1997а, с. 554].

²⁹ Лосев А.Ф. *Имяславие* // Лосев А.Ф. *Избранные труды по имяславии и корпусу сочинений Дионисия Ареопагита*. С приложением перевода трактата «О Божественных именах». СПб.: Изд-во Олега Абышко; Университетская книга. СПб., 2009. С. 16.

³⁰ Такое понимание бытия энергии, по Зубову, соответствует «живой интуиции и живому опыту Церкви» (Зубов В.П. ...Об энергиях, ипостасях и сущности... С. 35.); то же понимание «становления» энергии Лосевым выражено в ряде его работ; наиболее подробно – в рамках интерпретирующего перевода трактата Плотина II 5 «О потенции и энергии» (Лосев А.Ф. *Античный космос и современная наука* // *Бытие – имя – космос*. М.: Мысль, 1993. С. 307 и далее). Подробнее о связи неоплатонического и паламитского пониманий энергии см. в работе Дэвида Брэдшоу «Аристотель на Востоке и на Западе: метафизика и разделение христианского мира» [Брэдшоу 2012].

³¹ На основании этой модели Гогтишвили развивает лосевскую идею предикативности по отношению к лингвистическому измерению бытия, в рамках которой «движение» от Имени к именам осуществляется посредством предикации [Гогтишвили 1999].

³² Аналогично языковые практики Булгакова ориентированы на достижения Софии [Резниченко 2014, с. 281].

энергийно-сущее и имена естественного языка³³. Коммуникативное понимание Зубовым Предвечного Имени оказывается созвучным с лосевской «коммуникативной версией исихазма» [Гоготишвили 1994]. Для обоих мыслителей прагматическое измерение имени оказывается его онтологическим основанием³⁴.

В разделе, посвященном особенностям паламизма и варлаамизма работы «Очерки античного символизма и мифологии», Лосев отмечает: «Если субъективная видимость Света не помешала Паламе считать Свет нетварным и энергийно (т. е. не субстанционально, не сущностно) самим Богом, то ничто не может помешать и произносить Имени Божия и его субъективно-человеческую данность (в звуках, буквах, в понимании, в переживании) совместить с нетварной и божественной природой Имени по себе»³⁵. Следует отметить, что более строгое онтологическое различие нетварного (абсолютного) и тварного (относительного) имен, наиболее характерного для лосевской лингвофилософской позиции [Резниченко 2014, с. 282], приводится им в разделах «Имя и его диалектика» и «Диалектика перехода к тетрактиде В, или к космосу» работы «Античный космос и современная наука»³⁶.

В отличие от Лосева Зубов не развивает логическую схему внутри-троичной диалектики³⁷, однако утверждение Предвечного имени, тварного «сокровенного» имени и их онтологической связи сходно с лосевским. В этом смысле обоих мыслителей можно назвать панлингвистами, в философском дискурсе которых язык оказывается всеобъемлющим, а Имя Бога предстает здесь как «предельная и бесконечная Цель, ведущая к себе и освящающая всё, что идёт к ней»³⁸. При этом онтологическая связь Предвечного Имени и

³³ В этом мистическом «восхождении» происходит «упразднение» знания в перспективе Знания: такое понимание Зубов развивает в работе «...Об энергиях, ипостаси и сущности...», апеллируя к сократовскому незнанию (Зубов В.П. ...Об энергиях, ипостасях и сущности... С. 36) и прилагая эту же логику к именованию Бога (Там же. С. 35).

³⁴ Хотя коммуникативно-прагматические построения в рамках лингвофилософского дискурса можно обнаружить и у Флоренского, но в целом его подход скорее ориентирован на семантику [Резниченко 2014, с. 288].

³⁵ Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. С. 900.

³⁶ Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука. С. 151–174; 180–198.

³⁷ Там же. С. 44.

³⁸ Лосев А.Ф. Философия имени у Платона // Имя: Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. СПб.: Алтейя,

«сокровенных» имен здесь оказывается аналогичной синергичной связи божественных нетварных энергий и человеческих тварных энергий. В случае Зубова речь может идти о возможности прямого выражения смысла в звуковых осязаемых формах: «В звуках божественная сущность обнаруживается прямо, без посредников»³⁹ [Зубова 2004а, с. 489]. Для Лосева такая «прямота», с одной стороны, всегда опосредована межсубъектным взаимодействием носителя Имени и произносящего имя – с другой стороны, допускается «одно-единственное во всей истории Исключение»⁴⁰, заключающееся в воплощении Бога Слова.

Заключение

В заключение кратко обозначим основные выводы данной работы.

Экспликация лингвофилософской позиции Василия Зубова подразумевает утверждение бытия трансцендентного нетварного Имени Бога, являющего себя в тварном мире в виде «сокровенных» имен с идеальным неконвенциональным (*verba mentalia*) и звуковым конвенциональным измерениями. Конвенциональное измерение языка обладает метафорической природой и потенцией к осуществлению выражения неконвенционального смысла посредством определенного вида метафоры – символического мифа. Связь между нетварным Именем и «сокровенным» именем основывается на личностной коммуникации носителя Имени (Бога) и произносящего имя (молящегося человека).

Такое понимание природы имени позволяет говорить о возможности отличных от приведенных митр. Иларионом Алфеевым богословских выводов (см. Введение) относительно имяславской проблематики. На наш взгляд, данный вопрос требует более глубокого лингвофилософского анализа, начало которому было положено отечественными философами имени начала XX в.

1997. С. 28. Более развернутое определение, выражающее лосевский панлингвизм, обнаруживается в его «Философии имени»: «Имя есть высшая точка, до которой дорастает первая сущность, – с тем, чтобы далее ринуться с этой высоты в бездну инобытия... высшая и единственная, предельная цель как для сущности, так и для инобытийной сущности» (Лосев А.Ф. Философия имени. С. 175).

³⁹ Здесь обнаруживается некоторая близость лингвофилософии имени Флоренского.

⁴⁰ Лосев А.Ф. Философия имени. С. 169.

Из трех версий лингвофилософского осмысления имяславия (философия имени Флоренского, Булгакова и Лосева) лингвофилософская позиция Зубова оказывается наиболее близкой к версии Лосева. Их объединяют следующие положения: аналогия категорий энергии и имени; неоплатоническое понимание энергии и, как следствие, имени (нетварная энергия «эманурует» в виде тварного энергийно-сущего); онтологический панлингвизм (приписывание нетварным реалиям языкового измерения); употребление категории мифа как связующего звена между неконвенциональным и конвенциональным измерениями языка; коммуникативное, т. е. связанное с осуществлением речи/молитвы, понимание природы языка.

Отличия лингвофилософских суждений Зубова от философии имени Лосева заключаются в неиспользовании Зубовым диалектического метода по отношению к нетварным реалиям и допущении прямого явления неявленной божественной сущности в тварных звуковых формах вне непосредственной зависимости от христологии (что находит параллели в версии философии имени Флоренского).

В рамках дальнейших исследований, с одной стороны, планируется соотнесение лингвофилософской позиции Зубова с его натурфилософской и эстетической позициями, с другой – планируется дальнейшая апробация классификационной модели версий осмысления имяславия к подходам других причастных к данной проблематике мыслителей.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00134, «Наследие византийской философии в русской и западноевропейской философии XX–XXI вв.».

Acknowledgements

The research has been funded by the Russian Science Foundation, project No. 18-18-00134 “The heritage of Byzantine philosophy in the twentieth – twenty-first centuries Russian and Western European philosophy”.

Источники

Зубов В.П. Генезис научной терминологии (К истории научного языка) // Зубов В.П. Избранные труды по истории философии и эстетики: 1917–1930. М.: Индрик, 2004. С. 277–297.

- Зубов В.П.* ...Об энергиях, ипостасях и сущности... // Зубов В.П. Избранные труды по истории философии и эстетики: 1917–1930. М.: Индрик, 2004. С. 33–45.
- Зубов В.П.* Об абсолютном начале всякой метафизики // Зубов В.П. Избранные труды по истории философии и эстетики. 1917–1930. М.: Индрик, 2004. С. 46–52.
- Зубов В.П.* Пути метафорологии. О некоторых предпосылках философии метафорического // Избранные труды по истории философии и эстетики: 1917–1930. М.: Индрик, 2004. С. 53–84.
- Зубов В.П.* Натурфилософские взгляды Гёте // Из истории мировой науки: Избранные труды 1921–1963. СПб.: Алетей: Изд-во С.Петербург. ун-та, 2006. С. 29–58.
- Лосев А.Ф.* Античный космос и современная наука // Бытие – имя – космос. М.: Мысль, 1993. С. 61–612.
- Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 959 с.
- Лосев А.Ф.* Философия имени у Платона // Лосев А.Ф. Имя: избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. СПб.: Алетей, 1997. С. 26–33.
- Лосев А.Ф.* Имяславие // Лосев А.Ф. Избранные труды по имяславию и корпусу сочинений Дионисия Ареопагита. С приложением перевода трактата «О Божественных именах». СПб.: Изд-во Олега Абышко; Университетская книга – СПб, 2009. С. 5–18.
- Лосев А.Ф.* Философия имени. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2016. 672 с.

Литература

- Алфеев 2013 – *Алфеев, митр. Иларион.* Священная тайна Церкви: Введение в историю и проблематику имяславских споров. СПб.: Изд-во Олега Абышко; М.: Храм иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на Большой Ордынке в Москве, 2013. 912 с.
- Бирюков 2018 – *Бирюков Д.С.* Исследование рецепции паламизма в русской мысли начала XX в.: Вопрос о философском статусе паламизма и варлаамизма, его решения и контекст // Вестник Волгоградского государственного ун-та. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения, 2018. Т. 23. № 5. С. 34–47.
- Бирюков 2019 – *Бирюков Д.С.* Василий Павлович Зубов как представитель русской религиозной философии: Вопрос о философском статусе имяславия, паламизма и варлаамизма // Русский логос–2: Модерн – границы контроля: Материалы Междунар. филос. конф. Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2019 г. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. С. 258–262.
- Брэдшоу 2012 – *Брэдшоу Д.* Аристотель на Востоке и на Западе: метафизика и разделение христианского мира. М.: Языки славянских культур, 2012. 384 с.

- Гоготшвили 1994 – *Гоготшвили Л.А.* Коммуникативная версия исихазма // Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность. М.: Мысль, 1994. С. 878–893.
- Гоготшвили 1997а – *Гоготшвили Л.А.* Лосев, исихазм и платонизм // Лосев А.Ф. Имя: Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. СПб.: Алетейя, 1997. С. 551–579.
- Гоготшвили 1997б – *Гоготшвили Л.А.* Лингвистический аспект трех версий имяславия (Лосев, Булгаков, Флоренский) // Лосев А.Ф. Имя: Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. СПб.: Алетейя, 1997. С. 580–614.
- Гоготшвили 1999 – *Гоготшвили Л.А.* Лосевская концепция предикативности // Лосев А.Ф. Личность и абсолют. М.: Мысль, 1999. С. 684–701.
- Гравин 2022 – *Гравин А.А.* Осмысление имяславия в современной отечественной лингвофилософии // Платоновские исследования. 2022. Т. 16. № 1. С. 266–285
- Домрачёв 2018 – *Домрачёв, схим. Иларион.* На горах Кавказа. М.: КАРАМЗИН, 2018. 382 с.
- Зубова 2004а – *Зубова М.В.* Об отце // Зубов В.П. Избранные труды по истории философии и эстетики: 1917–1930 / Сост. М.В. Зубова. М.: Индрик, 2004. С. 484–496.
- Зубова 2004б – *Зубова М.В.* Предисловие // Зубов В.П. Избранные труды по истории философии и эстетики: 1917–1930 / Сост. М.В. Зубова. М.: Индрик, 2004. С. 6–22.
- Резниченко 2012 – *Резниченко А.И.* О смыслах имен: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. М.: Изд. дом РЕГНУМ, 2012. 416 с.
- Резниченко 2014 – *Резниченко А.И.* О судьбах имен и терминов: К становлению философии языка в России (П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев, В.П. Зубов) // Историко-философский ежегодник. 2014. № 29. С. 278–295.
- Троицкий 2002 – *Троицкий В.П.* О неизвестной рукописи В.П. Зубова в архиве А.Ф. Лосева // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 4. С. 628–630.
- Gravin 2022 – *Gravin A.A.* Lyudmila Gogotishvili's predicative concept and Russian young symbolism // *Studies in East European Thought*. 2022.

References

- Alfeev, mitr. Ilarion (2013), *Svyashhennaya taina Tserkvi: Vvedenie v istoriyu i problematiku imyaslavskikh sporov* [The Holy Mystery of the Church. Introduction to the History and Problematics in the Debates on the Onomatodoxy], Izdatel'stvo Olega Abyshko, Khram ikony Bozhiei Materi "Vsekh skorbyashchikh Radost" na Bol'shoi Ordynke v Moskve, Saint Petersburg, Moscow, Russia.
- Biryukov, D.S. (2018), "The Reception of Palamism in Russian Thought in the Early 20th Century. The Issue of the Philosophical Status of Palamism and Barlaamism,

- Its Solutions and Context”, *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*, vol. 23, no. 5, pp. 34–47.
- Biryukov, D.S. (2019), “Vasilii Zubov as a representative of Russian religious philosophy. The issue of the philosophical status of Onomatodoxy, Palamism and Varlaamism”, *Russkii logos – 2: Modern – granitsy kontrolya: Materialy mezhdunar. filos. konf.* [Russian Logos – 2: Modernity – Limits of Control], Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, Saint Petersburg, pp. 258–262.
- Bradshaw, D. (2012), *Aristotel’ na Vostoke i na Zapade: metafizika i razdelenie khristianskogo mira* [Aristotle East and West: Metaphysics and the Division of Christendom], Yazyki slavyanskikh kul’tur., Moscow, Russia.
- Domrachev, schem. Hilarion (2018), *Na gorakh Kavkaza* [On the Caucasus Mountains], Karamzin, Moscow, Russia.
- Gogotishvili, L.A. (1994), “Communicative version of hesychasm”, Losev, A.F., *Mif – Chislo – Sushchnost’* [Myth – Number – Essence], Mysl’, Moscow, Russia, pp. 878–893.
- Gogotishvili, L.A. (1997a), “Losev, hesychasm and Platonism”, Losev, A.F., *Imya: Izbrannye raboty, perevody, besedy, issledovaniya, arkhivnye materialy* [Name. Selected works, translations, conversations, research, archival materials], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia, pp. 551–579.
- Gogotishvili, L.A. (1997b), “The Linguistic Aspect of the Three Versions of Onomatodoxy (Losev, Bulgakov, Florensky)”, Losev, A.F., *Imya: Izbrannye raboty, perevody, besedy, issledovaniya, arkhivnye materialy* [Name. Selected works, translations, conversations, research, archival materials], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia, pp. 580–614.
- Gogotishvili, L.A. (1999), “Losev’s concept of predicativity”, Losev, A.F., *Lichnost’ i absolut* [Personality and the Absolute], Mysl’, Moscow, Russia, pp. 684–701.
- Gravin, A.A. (2022), “Comprehension of Onomatodoxy in Contemporary Russian Linguistic Philosophy”, *Platonic Investigations*, vol. 16, no. 1, pp. 266–285.
- Gravin, A.A. (2022), “Lyudmila Gogotishvili’s predicative concept and Russian young symbolism”, *Studies in East European Thought*.
- Reznichenko, A.I. (2012), *O smyslakh imen: Bulgakov, Losev, Florenskii, Frank et dii minores* [About the meanings of names: Bulgakov, Losev, Florensky, Frank et dii minors], Izdatel’skii dom REGNUM, Moscow, Russia.
- Reznichenko, A.I. (2014), “About the destinies of names and terms. Towards the philosophy of language genesis in Russia (P.A. Florensky, A.F. Losev, V.P. Zubov)”, *History of Philosophy Yearbook*, no. 29, pp. 278–295.
- Troitskii, V.P. (2002), “About the unknown V.P. Zubov’s manuscript in the A.F. Losev’s archive”, *Studies in the History of Science and Technology*, no. 4, pp. 628–630.
- Zubova, M.V. (2004a), “About father”, V.P. Zubov, *Izbrannye trudy po istorii filosofii i estetiki: 1917–1930* [Selected works on the history of philosophy and aesthetics. 1917–1930], Indrik, Moscow, Russia, pp. 484–496.
- Zubova, M.V. (2004b), “Preamble” in V.P. Zubov, *Izbrannye trudy po istorii filosofii i estetiki: 1917–1930* [Selected works on the history of philosophy and aesthetics. 1917–1930], Indrik, Moscow, Russia, pp. 6–22.

Информация об авторе

Артем А. Гравин, кандидат технических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия; 121069, Россия, Москва, Поварская ул., д. 25а;

Филиал Федерального Научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук – Социологический институт Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия; 190005, Россия, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25; nagval_89@mail.ru

Information about the author

Artem A. Gravin, Cand. of Sci. (Engineering), RAS A.M. Gorky Institute of World Literature, Moscow, Russia; bld. 25a, Povarskaya Street, Moscow, Russia, 121069;

Russian Academy of Sciences Sociological Institute – a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia; bld. 24/14, 7th Krasnoarmeyskaya Street, Saint Petersburg, Russia, 190005; nagval_89@mail.ru

УДК 111

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-47-55

Метафизика запараграфленности.
Философская поэтика поздних рассказов
Сигизмунда Кржижановского

Ольга Г. Самойлова

*Московский физико-технический институт, Москва, Россия,
olgasamoylov@mail.ru*

Аннотация. Поэтика – то, что идет после этики. Эта философская, но и поэтическая, формула принадлежит Сигизмунду Кржижановскому. Всякое творческое слово, если оно – Слово, в любых распадах культурных и социальных систем удерживает человека в бытии. Но если сама речевая среда превращается в очищенный от смысла параграф, абзац, пункт, то человек остается без читателя-собеседника и без со-беседника самого себя. В статье рассматривается философско-поэтическая реакция С. Кржижановского на «опустошение» культуры как среды не только творческой, но и просто человеческой, которое осознавалось в России особенно остро в конце 1920-х годов.

Ключевые слова: поэтика, метафизика, пространство, время

Для цитирования: Самойлова О.Г. Метафизика запараграфленности. Философская поэтика поздних рассказов Сигизмунда Кржижановского // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 4. С. 47–55. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-47-55

Metaphysics of bureaucratise.
Philosophical poetics
of Sigizmund Krzhizhanovsky's late stories

Ol'ga G. SamoiloVA

*Moscow Institute of Physics and Technology, Moscow, Russia,
olgasamoylov@mail.ru*

Abstract. Poetics – a thing following ethics. That both philosophical and poetical formula belongs to Sigizmund Krzhizhanovsky. Any creative word, if it exists as a Word, holds an individual in being in all the disintegrations of cultural and social systems. But if the language space itself transforms

© Самойлова О.Г., 2022

into a paragraph, a subparagraph or clause emptied of meaning, man loses his reader-interlocutor and himself as an interlocutor either. The article studies a philosophical and poetical answer of Krzhizhanovsky on such ravage of culture as both creative and simply human environment that was perceived especially acute in Russia in the end of 1920-s.

Keywords: poetics, metaphysics, space, time

For citation: Samoilova, O.G. (2022), “Metaphysics of bureaucratise. Philosophical poetics of Sigizmund Krzhizganovsky’s late stories”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 47–55, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-47-55

Философское творчество Сигизмунда Кржижановского формально двупланово. Его можно считать также поэтикой, художественным словом уже постольку, поскольку оно лишено оценочных суждений, оценочных понятий. Понимающий читатель приглашен к ценностному выбору посредством художественного образа. Поэтическая ритмизация, даже художественно-диалектический ритм – естественная для автора творческая среда проявления мысли. Однако само эмоциональное напряжение, которым инспирируется и сопровождается поиск смыслов, и именно ценностно окрашенных смыслов, делает творчество Кржижановского философским в самом глубинном, индивидуализирующем автора-философа, значении. Такой художественно-философский стиль характерен, скорее, для западной традиции – в этом смысле фигура Кржижановского оставалась и остается маргинальной по отношению к российской, русской культуре. Однако глубокая, душевная, заинтересованность смыслами, готовность в одиночестве бесстрашно и честно искать и делиться результатом своего поиска, даже не смотря на то, что художественное поле этого поиска культурно универсально и не отсылает именно к российской почве, делает Кржижановского очень русским, почти по Достоевскому, автором.

Уникальным для отечественного философского и художественного творчества является уже то, что, вовлекаясь и вовлекая в острые, болезненные вопросы, так или иначе связанные с нравственным, или религиозно-нравственным, выбором, Кржижановский совсем не пользовался словами «добро» и «зло», сам и не вкладывал их в уста персонажей. В этом он немного похож на Чехова, который обозначал «диагноз», не прописывая лечения. Однако, в отличие от Чехова, художественно-понятийная палитра Кржижановского более многообразна. Полнота-неполнота, жизнь-смерть, солнце-тьма, бытие-небытие, пространство-щель,

или, выражаясь языком Владимира Николаевича Топорова, пространство – минус-пространство. Для Кржижановского бытие было такой сложной и ужасно будоражащей загадкой, что любая понятийно выраженная аксиология должна была работать как цемент, перекрывающий любые подступы к ее живому естеству. Однако некоторая примороженность, зачарованность и одновременно ироничность поэтики Кржижановского – реакция на очень важное – обозначают его присутствие в перекрестье серьезных жизненных вопросов, которые, будь автор менее скромн и эстетически безупречен, то обозначил бы обязательно проблему добра и зла как в ее классически онтологическом, так и экзистенциальном измерении. Несмотря, однако, на редчайшее для отечественной культуры аксиологическое безмолвствие, личная позиция автора была всегда на стороне бытия, света и какой-то даже идеальной полноты и гармонии.

Поэтический язык Кржижановского можно сравнить с языком абстрактной живописи времен футуризма. Ритм цветовых, афигуративных пятен, почти лишенных темпоральности, как своего рода заклинание, призван вывести на холст само естество цвета, пятна, линии, живописности. У Кржижановского в поэтической сказке «Когда рак свистнет» (1927):

Между двух стран озеро без имени, над зыбями ивы, под зыбями рыбы без голосу, на зыбях звезды без времени, вокруг озера нивы колос-к-колосу; дале, от озера без имени – зеленый пар, на пару коровы без вымени, волос-к-волосу, сто-ста-сот пар [Кржижановский 2003, с. 289].

Эта апокалиптическая утопия разом отсылает и к ломоносовскому «Звездам числа нет, бездне – дна», и к кантовскому «Звездное небо надо мной...». В сказке создано такое нефизическое пространство, в котором возможно все, кроме нравственного закона, ни в нем, так сказать, ни во мне. Жители страны авоси, небоси и какнибуду воюют без ума и толку, движимые уже, кажется, самой силой льющейся крови и, затопив друг друга озерами этой самой крови, останавливаются каким-то совершенно невозможным, парадоксально-апокалиптическим («чудесным», когда рыбы заговорят) образом («Видит рак: делать нечего... огляделся, сел и, подумав «пусть», поднял свой правый ус и... засвистел», [Кржижановский 2003, с. 296]) примираются друг с другом («И с той поры никто не скажет: небоси, или авоси, или какнибуду, а говорит просто: люди» [Кржижановский 2003, с. 296]). В контексте заглавия и с учетом того, что использование поэтической ритмизации и рифмы было

для Кржижановского делом крайне редким, можно сделать вывод, что подобный финал нельзя отнести ни к какому известному состоянию – это нечто и не социальное, и не психологическое, и не метафизическое, проще сказать, никакое.

Кржижановский исследовал пространство самыми разными способами в самых разных измерениях. Пространство его «цепляло», было «зацепистым» (словечки Кржижановского) как физическая и метафизическая среда, которая, непонятно как, вмещает и дает развернуться человеку с его сознанием, не только здоровым, но и ущербным. Пространство было для Кржижановского удобным домом, средой, крайне вариативной и будоражаще непонятным образом выдерживающей в себе человека с его поползновениями и порывами. Поэтика была для Кржижановского важнейшим инструментом, отмычкой этой загадки. С помощью слова, причем трансформированного для решения такой важной задачи слова, Кржижановский пытается вскрыть пространство, вытащить структуры бытия, наделить их речью. «Выгибы крыш», «спресованные меж стен и потолка выдыхи, храпы, вдохи», «над переступью сапога», «ременная дорожка к плечу», «над перегибью ремня», «подоткнутая двумя выпущками длиннолицая голова», «выставленные наугольниками вверх колени», «налипи волос», «было похоже, будто на поезд погрузили поле битвы и везут его, затрупленное, поганое поле, сквозь черную ночь напоказ столицам: осмотр от – до, дамы по пятницам» («Сквозь кальку», 1927?). Именно в этом рассказе вывернутое пространство выбрасывает героя во временную воронку, он со своими пушками побеждает в битве на Калке, расстреливает сами века, само время. Однако его поезд трогается дальше, пространственность удерживает и выдерживает любое сознание, живое, или мертвое, нравственное, или безнравственное, даже то, что выдержать нельзя. Остается вопрос, какую степень ничтожения само пространство способно выдержать, чтобы не самоуничтожиться.

Будучи философом, не методологически, а степенью зацепленности тайной бытия, Кржижановский словно устанавливает такое почти телесное поэтическое ухо (локатор и ретранслятор в одном) на бытие в его пространственном измерении:

- зеленый пар – на пару – сто ста сот пар;
- искони – кони;
- города не горожены, дети не рожены;
- без имени – без времени – без вымени;
- в тине – актинией – аконтия;
- на клиросе – на росе... и т. д. («Когда рак на горе свистнет»).

Бытие выговаривает себя своего рода поэтической диалектикой, но в рассказах, начиная с конца 1920-х, оно начинает выговаривать

бессмыслицу в том значении, что сознанию эти смыслы ничего не дают, они звучат как бы слегка мимо сознания, лишь эмоционально задевая его.

Владимир Николаевич Топоров в книге «Миф. Ритуал. Символ. Образ» посвятил главу творчеству Кржижановского: «Минус-пространство Сигизмунда Кржижановского» [Топоров 1995]. Автор в целом характеризует минус-пространство («Собиратель щелей», 1922, как один из наиболее презентативных рассказов) как полюс, как крайнюю точку пространственной онтологии, сужение, дефект, провал, небытие. Замечу, что Кржижановский солидарен с Освальдом Шпенглером в критике кантовского рассмотрения пространства наряду со временем как априорной формы. Для Кржижановского пространство – форма жизни, понятой во всей ее полноте, описание которой доступно художнику, а не философу, и совсем не очевидно, что априорной. Пространство, скорее как способ бытия, может меняться под воздействием движущегося и мыслящего в нем субъекта. Не считать символично-метафорических вариаций для обозначений щелинного царства Кржижановского. Такое богатство говорит о принятии бытия в его бесконечной вариативности. Фундаментом и отправной точкой исследования щелинного царства является для Кржижановского тождество бытия и слова. Исследование именно поэтики Кржижановского заставляет скорее не согласиться с трактовкой минус-пространства Топоровым.

Оппозицией пространственности в поэтической метафизике Кржижановского скорее следовало бы рассматривать онтологию времени. Время «либо убивает», либо «проходит» («Воспоминание о будущем», 1929). Время как проблема вытесняет из жизни главного героя, Штерера, людей, он смотрит на них, как сквозь стекло, но это стекло искажает взгляд, перенаправляет его мимо человека в его живой, конкретно-индивидуальной плоти. Время «трется о пространство», разбалансируя мир и делая невозможным счастье, если его понимать по-Штереровски как «совпадение реального времени и идеального». Время неуловимо ни сознанием, ни телом, так как любое динамическое присутствие в этом потоке делает невозможным ни прошлое, ни будущее («нельзя вживаться в жизнь, если позади нежизнь»). Однако в своем путешествии Штерер сталкивается с тем, что пострашнее времени – с вечностью, а точнее чем-то, что мы называем вечностью. Это не имеет ни цвета, ни меры, ни адекватного слова, чтобы обозначить и узнать. Так метафизика небытия проявляет невозможность речи, тождественную невозможности жизни. Есть такое внемирие, которое, в отличие от межмирья Клайва Стэйплза Льюиса, не обещает совсем ничего.

С конца 20-х гг. Кржижановский, видимо, начинает чувствовать, и это чувство нарастает, что наступит тот момент, когда он больше не будет напечатан – слово ляжет в ящик. Интересно, что автор как-то умел обойти в своих писаниях современную ему ужесточавшуюся советскую действительность, глядя словно бы вверх, словно большевизм – одна, пусть не самая приятная, из форм все-таки бытия. Однако медленно, но неуклонно оказывалось, что это такая форма, в которой нет места ни слову, ни его индивидуальному, творческому субъекту. В рассказе «Тринадцатая категория рассудка» (1927) гробовщик пытается как-то по-человечески пристроить сбежавшего от закапывания в могилу мертвеца (он ласково называет его «мой незакопа несчастный»), мыкаясь с ним по адресам и присутствиям. И вот в трамвае он получает единственную адресную реакцию: «Ты трупьянá своего брось, потому что это дело незапараграфленное» [Кржижановский 2003, с. 286].

Запараграфленность – это такая среда, в которой тринадцатая категория рассудка оказывается единственно «нормальным» прибежищем мыслящего и чувствующего существа. «...Старик явно выжил из ума и живет внутри какой-то апперцептивной путаницы, узлы которой не развязать бы и самому Канту» [Кржижановский 2003, с. 281]. Между тем безумный старик становится своего рода новым Дон Кихотом, рыцарем добра и справедливости в холодном, скользком, соскальзывающем в никуда мире. Этот новый мир с его параграфами, инструкциями, документами, который по сути – кладбище, но тоже распараграфленное на «актерский ряд», «писательский тупик» и «ораторский угол» – это такое пространство, которое теряет свои сущность и смысл, в котором возможно лишь мытарство трупа, да и то недолгое из-за единственно возможного здесь естественного процесса окоченения, остеклянения тела, чувства, сознания. В таком мире, где возможны «речи» мертвецов и закапывание пустоты, все перепутано уже окончательно, так что не распутать.

В запараграфленности невозможен человек-собеседник. Если раньше в рассказах и повестях Кржижановский крайне избегал автобиографичности, а голосом, мыслящим, чувствующим, переживающим, был узнаваемый в самых разных произведениях лирический персонаж, и сводимый, и несводимый к автору (такой Сократ, окончательно побежденный и убежденный даймоном), то в поздних рассказах этот персонаж почти растворяется, даже уступая место вполне историческому Кржижановскому, который пишет уже собственные переживания, связанные с войной («Сквозь кальку»). Это похоже на отчаянную попытку сохранить слово, быть услышанным.

В рассказе «Случаи» (1934) также присутствует расчеловечивание как индикатор распадающегося бытия. Этот рассказ не только восходит к «Запискам врача» (1901) В. Вересаева и откликается на булгаковские «Записки юного врача» (1926) (как это указано в комментариях к публикации Вадима Гершевича Перельмутера), но также и к чеховскому «Случаю из практики» (1898). Однако в отличие от Чеховского молодого врача, получившего, что называется, на практике, суровую экзистенциальную прививку отзывчивости к миру (герою в красных заводских окнах мерещится сам дьявол, прародитель зла от начала мира, вызванный ритмическим, почти потусторонним звуком, и вызвавшую в нем такую чеховскую же мечтательность и веру в прекрасное), персонаж Кржижановского, старый врач, сужает круг реципиентов до узкого врачебного круга, оставаясь при этом закрытым и самодостаточным. Такое: могу говорить, но могу и помолчать, все равно говорить не с кем. Чеховский «случай» – открыт миру. «Случаи» Кржижановского – обезличенные, сведенные почти мифологически к одному болевому нерву, люди. Даже имея имена, они их не имеют, они интересны не собой, а своими «интересными» по-врачебному способами проявить и показать, возможно, сложные и болезненные отношения между телом и разумом в их перекрещенной динамике распада.

Запараграфленность создана кем-то. Но этот кто-то не имеет ни лица, ни авторства. Здесь происходит такое умножение смыслов, при котором смыслы становятся настолько маленькими, что вызывают клаустрофобию сознания, как ящик может вызвать боязнь узкого, замкнутого пространства. Бытие начинает напоминать запараграфленный текст, в котором не осталось самого текста, а только лишь абзацы и обособления. При том, насколько естественной средой для Кржижановского было тождество бытия и живого, художественного слова, становится понятным, что оппозицией бытию в этот поздний период его творчества становится не дефект бытия, а его тотальное расползание, деформация, соскальзывание в небытие. Такое состояние не имеет и не может иметь оживляющего его слова, названия, которое могло бы хоть что-то выразить. Это состояние даже нельзя назвать злом, хотя оно является злом по преимуществу, а молчание в нем становится невозможностью слова. Если гробовщика распараграфленность еще тревожит, то его собеседник чувствует лишь остывающее любопытство.

Я направился к выходу. Одни ворота, потом другие. Здесь, под каменной навесью, я посторонился, пропуская процессию. И, шагая из ворот, думал: Леонардо был прав, говоря, что у пятен плесени можно

иной раз научиться большему, чем у созданий мастера [Кржижановский 2003, с. 288].

Занятно, что он ничему не научается, потому что учиться тут, оказывается, уже и некому, да и нечему.

Запараграфленность – искусственная рубрификация бытия, а по сути – выведение его за скобки. Социальное здесь выступает как метафизическое, в смысле – антифизическое. Такая социальность хуже, чем война, война уничтожает физическое пространство, но оставляет место слову, запараграфленная же социальность уничтожает само бытие как вместилище слова. Причем это – состояние затяжное и въедливое. Неудивительно, что в советской России для того, чтобы творить, нужно было стать диссидентом, не только в значении инакомыслия, но и субъектом, творящим иную пространственность, даже в физическом смысле – кухня, дача, коленка, ящик. Такая внутренняя пространственно-духовная эмиграция обязательно предполагала и творчество своего слушателя, читателя. Поэтому диссидентство в России было столь идеологизированно и тенденциозно. Но если запараграфленность прогрессирует, то она может поглотить и реципиента, как это происходит уже в наши дни.

Запараграфленность делает бытие уязвимым, время окончательно проедает пространство, которое костенеет и погибает. Удивительно, но подобные интуиции не разрушали в Кржижановском жажду слова и творчества. Он с удовольствием и энтузиазмом пользуется возможностью распахнуть границы физической пространственности для себя (мышление и «хождение» для Кржижановского всегда были взаимообуславливающими действиями). В 1933 г. он завершает «Салыр-гюль. Узбекистанские импрессию», во время войны едет в Сибирь с лекциями о театре, пишет «Москва в первый год войны. Физиологические очерки» (1946). Они так и не были напечатаны. Неудивительно, что начинаются записи образом заклеенных окон, «смотрящих» в сторону войны, но закрытых для жизни (окно – одна из важнейших для Кржижановского метафор – глаз в пространство, а через него в бытие). Заканчиваются же очерки образом баррикады как формы молчания. Люди протаптывают дорогу через нее, для Кржижановского это – своего рода туннель для перетекания мысли-слова автора, воспользоваться которым автору было не суждено.

Время настигает пространство и наступает что-то, сходное с Шереровой вечностью – невозможность слова. В этом ускользающем бытии смысл Слова искажен и переиначен. В такой вселенной Слово перестает быть животворным, а «Добро» окрашивается горе-

чью и цинизмом. Последняя вещь из цикла «Мал мала меньше» – «Баскская сказка» (1937):

Первой была создана Смерть. Смерть точила косу и ждала. Но ничего, кроме нее, еще не было. И Смерть стала скучать. Она пошла к Богу и попросила работы. Бог молчал. Смерть еще лучше отточила косу и еще раз поклонилась Богу:

– Работы.

– Ну, хорошо, – сказал Бог.

И создал мир (1937 г.) [Кржижановский 2003, с. 262].

Литература

Кржижановский 2003 – *Кржижановский С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. СПб.: Symposium, 2003. 673 с.

Топоров 1995 – *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс-Культура, 1995. 624 с.

References

Krzyzanowski, Z. (2003), *Sobranie sochinenii v 6 tomakh* [Collected works in 6 volumes], vol. 3, Symposium, Saint Petersburg, Russia.

Toporov, V.N. (1995), *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Mif. Ritual. Symbol. Obraz. Studies in the field of the mythopoetic], Progress-Kul'tura, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Ольга Г. Самойлова, кандидат философских наук, Московский физико-технический институт, Москва, Россия; 141701, Московская область, г. Долгопрудный, Институтский пер., д. 9; olgasamoylov@mail.ru

Information about the author

Ol'ga G. Samoilova, Cand. of Sci. (Philosophy), Moscow Institute of Physics and Technology, Moscow, Russia; bld. 9, Institutskii Alleyway, Dolgoprudny, Moscow Region, Russia, 141701; olgasamoylov@mail.ru

Социология: теоретические и эмпирические исследования

УДК 316.1

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-56-64

Теоретическая социология современной России: кейс А.Ф. Филиппова

Ольга В. Козырева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, olga_kozyreva@mail.ru*

Аннотация. В 1990-е гг. российская социология активно восполняла недостаток знаний западной и дореволюционной российской социологии. Погружение в изучение западной социологии принесло понимание, что стройного здания западной теоретической социологии не существует. Осмысление результатов реформ, которые противоречили прогнозам российских социологов, и сопоставление их с работами классиков социологии вело к изменению взглядов российских социологов. Поэтому в середине 1990-х некоторые российские социологи поставили вопрос о создании теории постсоветского общества.

Именно в таких условиях появилась известная статья А.Ф. Филиппова, в которой было сделано утверждение, что в России теоретической социологии нет. В статье ставился вопрос о создании национальной социологии в России, а также методологически рассматривались принципы разработки «хорошей» теории.

Статья вызвала многочисленные дискуссии в социологическом обществе на протяжении двух десятилетий. Мнения варьировались от полной поддержки тезисов А.Ф. Филиппова до отрицания необходимости создания национальной социологии в России. В то же время важно было опровергнуть утверждение о несуществовании теоретической социологии в России, и это дало толчок разработке новых теорий.

Ключевые слова: российская социология, теоретическая социология, методология социологии

Для цитирования: Козырева О.В. Теоретическая социология в современной России: кейс А.Ф. Филиппова // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 4. С. 56–64. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-56-64

© Козырева О.В., 2022

Theoretical Sociology in Modern Russia: The case of A.F. Filippov

Ol'ga V. Kozyreva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
olga_kozyreva@mail.ru*

Abstract. In the 1990s, Russian sociology made up for the lack of knowledge of Western and pre-revolutionary Russian sociology. The study of Western sociology brought the understanding that there is no well-proportioned building of Western theoretical sociology. Comprehending the results of the reforms, which contradicted the predictions of Russian sociologists, and comparing them with the works of the classics of sociology led to a change in the views of Russian sociologists. Therefore, in the mid-1990s, some Russian sociologists raised the question of creating a theory of post-Soviet society.

In such conditions, an article by A.F. Filippov appeared, in which it was argued that there is no theoretical sociology in Russia, the question of creating a national sociology in Russia was raised, the principles of a “good” theory were considered.

The article provoked discussions in the sociological community for two decades. Opinions ranged from full support of A.F. Filippov's theses to denial of the need for theoretical sociology in Russia. It was important to reject the statement about the non-existence of theoretical sociology in Russia, and that gave impetus to the development of new theories.

Keywords: Russian sociology, theoretical sociology, methodology of sociology

For citation: Kozyreva, O.V. (2022), “Theoretical Sociology in Modern Russia. The case of A.F. Filippov”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 56–64, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-56-64

Статья А.Ф. Филиппова, известная утверждением «теоретической социологии в сегодняшней России нет» [Филиппов 1997], вызвала дискуссии. Утверждение об отсутствии теоретической социологии в России шло в одном ряду с утверждениями о несуществовании российской философии, смерти российской художественной литературы и т. п.

После отказа от марксизма-ленинизма российские социологи стали восполнять пробелы в знании теоретической социологии. Публиковались главы из учебников социологии, работ классиков социологии, современных западных социологов, статьи амери-

канских и европейских социологов, фрагменты работ дореволюционных российских социологов и философов. В рамках международного сотрудничества шла работа с участием зарубежных социологов, печатались совместные статьи. Российские социологи включались в работу международных социологических форумов. Публиковались обзоры работ классиков и современных западных социологов. С 1993 г. стали появляться учебники по социологии для студентов разных вузов. В 1993–1994 гг. выходил журнал THESIS, почти полностью состоявший из переводных работ западных социологов.

Были переведены учебники Н. Смелзера, Э. Гидденса, Д. Марковича, П. Монсона, Э. Ноэль (по массовым опросам), работы М. Вебера, Э. Дюркгейма, В. Зомбарта, Р. Арона, П. Бурдьё, П. Сорокина, сборники переводов Дж. Г. Мида, Р. Мертона, Т. Парсонса, Э. Фромма, Г. Маркузе, «Сравнительная политическая социология» М. Догана и Д. Пеласси, сборник статей «Современная американская социология», «Антология русской классической социологии». С 1995 по 2002 г. вышел пятитомник «История теоретической социологии» под редакцией Ю.Н. Давыдова, в 1998 г. – «Социология в России» под ред. В.А. Ядова.

Реформы 1990-х гг. в России не дали ожидавшихся результатов. Осмысление этого факта вызвало изменение взглядов российских социологов. Примерно с 1994 г. наметился перелом в вопросе возможности вестернизации России. Вставал вопрос поиска новых средств анализа российской действительности. Т.И. Заславская призвала критически переосмыслить роль российской социологии в преобразованиях конца 1980–1990-х гг., разрабатывать теорию постсоветского общества [Заславская 1996].

Российские социологи не оценили состояние западной социологии того времени. Критика парсоновской концепции и ее дефекты вели к созданию соперничающих теорий и парадигм, к «поворотам» – историческому, пространственному, лингвистическому, семиотическому, культурному, отношенческому и т. д. Не имели успеха попытки объединения парадигм.

В таком контексте была написана статья А.Ф. Филиппова, на тот момент занимавшегося разработкой социологии пространства. В статье отмечалось наличие теоретической деятельности в России, но отсутствие разветвленных теорий и больших теоретических проектов, постоянных научных коммуникаций по теоретическим вопросам [Филиппов 1997]. Социология – это самоосмысление общества, но российское общество осмысливает себя не в рамках социологических теорий, а в иных формах. В обществе не хватает умения взглянуть на себя со стороны. Россий-

ские социологи, писал А.Ф. Филиппов, сменили конфронтацию с советской властью на идеологическую поддержку нового режима, что не является научным подходом.

Попытки свести интерес социологии к «глобальному обществу» сужают тематику исследований. По его мнению, социолог-теоретик преобразует в теорию свои «образы социальности», свой локальный социальный опыт. Теоретические построения национально-специфичны, даже если и применимы к другим обществам. При использовании западного теоретического инструментария возникает проблема принятия в свои построения «чуждых» образцов социальности, не соответствующих иному социальному опыту. Поэтому необходимо создавать фундаментальную социологическую теорию, основанную на социальном опыте российских исследователей и на научной методологии; становление теоретической социологии в России требует постоянной ориентации на западные образцы теоретических коммуникаций.

По мнению А.Ф. Филиппова, для создания «хорошей» теории необходимо преодолеть четыре ложные оппозиции:

- преодолеть оппозицию «объективизм»/«конструктивизм», каждая из которых препятствует теоретической коммуникации. В рамках этой оппозиции социальность рассматривается либо как преимущественно неполитическое (объективное, структурное), либо как сугубо политическое (конструктивистское) явление. Но составляющие этих явлений, очевидно, складываются, а не образуют альтернативу;
- оппозиция «ориентация на западную социологию/ориентация на русскую традицию (в социологии)» ложна, поскольку вторая устарела, а первая привносит чуждые образы социальности. Решением этой оппозиции может быть только создание собственной теоретической социологии;
- оппозиция «социология/культурология» неприемлема, поскольку в теоретических построениях смысловая составляющая должна соединяться с описанием структуры, что демонстрируется классиками социологии;
- выбор между построением всеобъемлющих теоретических систем и «бытописанием» также ложен; необходимо «плотное» описание социальной реальности, нагруженное теорией для научного объяснения.

Статья отражала потребность в разработке социологических теорий, объясняющих российскую действительность, она вызвала дискуссии.

А.Г. Здравомыслов поддержал А.Ф. Филиппова и предложил прояснить, что такое «чуждые» и «не чуждые (свои)» образы со-

циальности и что такое «социальность» в понимании автора статьи [Здравомыслов 1999]. При осмыслении места каждой из теорий в комплексе социологического знания и их взаимодополняющего отношения можно преодолеть оппозиции, обозначенные А.Ф. Филипповым, считал он.

В 2003 г. в ИС РАН обсуждались проблемы российской социологии. А.Ф. Филиппов заявил о конце классической социологии, так как больше не действуют модели больших и малых государств. Г.С. Батыгин выявил доминирующие теоретические установки российской социологии, обратил внимание на создание интегративных идеологий, констатировал превращение научного текста в публичный. Он отметил «индивидуализацию» стилей разных авторов, чему способствует неразвитость академических институтов, зависимость научного сообщества от внешних источников признания и регуляции.

Социальные науки Г.С. Батыгин рассматривал как текст, который ведет к возникновению новой социальной реальности. Социальные науки в России, по его мнению, направлены не столько на описание реальности, сколько на «легитимацию социальных идентичностей и создание идеологий» [Батыгин 2005].

Продолжил дискуссию В.А. Ядов [Ядов 2003]. Он назвал ряд концепций, опровергающих утверждение об отсутствии теоретической социологии в России. В.А. Ядов рассмотрел возможность национально-специфичной теории в России и привел примеры неприменимости теорий, разработанных для одних обществ, к обществам с иными культурой и социальной структурой. По его мнению, российская социология не нуждается в национально-специфичной теории, поскольку российское общество трансформируется в сторону западноевропейского. Имеют право на существование лишь частно-социологические концепции и модификации западных социологических теорий применительно к российским условиям, которые и следует применять, совмещая разные теоретические подходы в рамках мультипарадигмальности.

А.Н. Малинкин назвал «странной» подобную аргументацию [Малинкин 2006]. Из нее должен следовать противоположный вывод: западные социологические теории необходимо адаптировать к российской действительности. Если Россия не часть западной цивилизации, а лишь пытается ею стать, ей необходима собственная теоретическая социология. По мнению А.Н. Малинкина, отказ от нее ведет к оправданию мультипарадигмального подхода, который автор считал эклектическим и препятствующим подлинному ретенированию.

Статья А.Ф. Филиппова¹ повлияла на дискурс российской теоретической социологии. В 2007 г. на VIII Харчевских чтениях, посвященных состоянию теоретической социологии в России, отмечалось, что кризиса в российской теоретической социологии нет, но необходимо наращивать усилия в области теоретических исследований. М.М. Соколов, рассматривая изменения западной социологии за последние 50 лет, отмечал, что западная социология находится в состоянии стагнации, и состояние теоретической социологии в России соответствует состоянию западной социологии [Соколов 2010].

Дискуссию продолжил Ж.Т. Тощенко [Тощенко 2009а, 2009б]. Оппонируя А.Ф. Филиппову, он констатировал с 1950-х гг. дискуссию по базовым теоретико-методологическим вопросам социологии: сущности и содержанию социологии как науки; объекту и предмету социологии; структуре и уровнях социологического знания; упорядочивании социологических категорий и понятий, и т. д. В продолжение этой темы в монографии² ведущих российских социологов о развитии социологии в России с 1950-х по 2000-е гг. представлены ее теоретические достижения, включая развитие в регионах страны.

Л.Д. Гудков [Гудков 2010] присоединился к мнению об отсутствии теоретической социологии в России и назвал несколько причин такого положения: 1) наличие в России нескольких типов социологических сообществ, между которыми нет дискуссии; 2) «неразвитость или слабость российского общества, не испытывающего нужды в соответствующем социальном знании»; 3) ассоциирование властью и обществом социологии с массовыми опросами; 4) неверное понимание исследователями ценностной нейтральности, ведущее к отрицанию позитивистских методов и методологии исследований; 5) бюрократизация науки, выстраивание «вертикальных» связей: механизмов финансирования, академического признания, структуры авторитетов, тематики исследований. Это приводит к отсутствию научных дискуссий, которые необходимы для «нормальной науки».

В 2010 г. Отделение общественных наук РАН образовало научный совет «Новые явления в общественном сознании и социальной практике» под руководством Ж.Т. Тощенко. Работа совета отраже-

¹ А.Ф. Филиппов в 2003 г. защитил докторскую диссертацию «Теоретические основания социологии пространства» и реагировал на замечания критиков [Филиппов 2008].

² См.: Вехи российской социологии: 1950–2000-е годы / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовский. СПб.: Алетейя, 2010.

на в 2013 г. в монографии³. В 2010 г. в журнале «Социологические исследования» появилась рубрика «Новые явления в общественном сознании и социальной практике», сейчас она называется «Новые идеи и явления в социологии и социальной практике».

Н.В. Романовский в 2017 г. констатировал рост теорий в российской социологии, выделив принципы их построения: 1) осмысление эмпирических баз данных; 2) знание классики социологии; 3) знание смежных дисциплин; 4) использование новых методологий и методик; 5) моделирование будущего и прогнозирование; 6) использование исторического знания [Романовский 2017].

В 2019 г., отмечая 25-летие сборника «Проблемы теоретической социологии», коллектив авторов выразил убежденность, что высказывание А.Ф. Филиппова неактуально, так как теоретическая социология в России существует [Бороноев и др. 2020]. Авторы разделили публикации в своем сборнике на три этапа. Первый (1994–2009 гг.) характеризовался налаживанием связей с западно-европейской социологией. В этот период, особенно в 1990-е гг., в сборнике много статей западных авторов. На втором этапе (2011–2016 гг.) сборник стал в основном российской площадкой. Третий этап, возможно, начался в 2019 г. и характеризуется поворотом к социологии Востока.

Резюмируем: статья А.Ф. Филиппова о российской социологии 1990-х гг. стала результатом, с одной стороны, погружения российских социологов в изучение западных социологических текстов, с другой стороны, постепенно возникающего понимания российскими социологами отличий между российским и западным социумом и, наконец, осознания, что западная социология сама не имеет стройного здания теоретической социологии. Статья заставила социологическое сообщество переосмыслить свою деятельность. Опровержение тезиса: в России нет теоретической социологии, – дало толчок теоретической работе российских социологов.

Литература

Батыгин 2005 – *Батыгин Г.С.* «Социальные ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук // Социальные науки в постсоветской России / Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой, Э.М. Свидерски. М.: Акад. проект, 2005. 407 с.

³ См.: Новые идеи в социологии: Монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Юнити-Дана, 2013.

- Бороньев и др. 2020 – *Бороньев А.О., Головин Н.А., Иванов Д.В.* Актуальное звучание социологической теории (25 лет серии «Проблемы теоретической социологии») // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 115–124.
- Гудков 2010 – *Гудков Л.Д.* Есть ли основания у теоретической социологии в России? // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 104–125.
- Заславская 1996 – *Заславская Т.И.* Роль социологии в преобразовании России // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 3–9.
- Здравомыслов 1999 – *Здравомыслов А.Г.* Теории социальной реальности в российской социологии // Мир России. 1999. № 1-2. С. 3–20.
- Малинкин 2006 – *Малинкин А.Н.* Полипарадигмальный подход в контексте интеллектуальной ситуации в России // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 114–123.
- Романовский 2017 – *Романовский Н.В.* Как строят современные социологические теории // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология». 2017. № 3. С. 30–36.
- Соколов 2010 – *Соколов М.М.* Там и здесь: могут ли институциональные факторы объяснить состояние теоретической социологии в России? // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 126–132.
- Тощенко 2009a – *Тощенко Ж.Т.* Эволюция теоретической социологии в России (1950–2000-е годы). Статья 1 // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 16–27.
- Тощенко 2009b – *Тощенко Ж.Т.* Эволюция теоретической социологии в России (1950–2000-е годы). Статья 2 // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 3–16.
- Филиппов 1997 – *Филиппов А.Ф.* О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. 1997. № 1/2. С. 5–37.
- Филиппов 2008 – *Филиппов А.Ф.* О понятии теоретической социологии // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 3. С. 75–114.
- Ядов 2003 – *Ядов В.А.* Возможности совмещения теоретических парадигм в социологии // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 5–19.

References

- Batygin, G.S. (2005) “‘Social scientists’ in a crisis: Structural changes in the disciplinary organization and thematic repertoire of social sciences”, Batygin, G.S., Kozlova, L.A. and Swidersky, A.M. (eds.) *Sotsial’nye nauki v postsovetsoi Rossii* [Social sciences in post-Soviet Russia], Academicheskii proect, Moscow, Russia.
- Boronev, A.O., Golovin, N.A., and Ivanov, D.V. (2020) “Actualizing sociological theory (25th anniversary of the ‘Problems of Theoretical Sociology’ series)”, *Sociological Studies*, no. 1, pp. 115–124.
- Filippov, A.F. (1997), “On the ‘theoretical sociology’ concept”, *Sociological journal*, no. 1/2, pp. 5–37.

- Filippov, A.F. (2008), "About the concept of theoretical sociology", *Sociological Review*, vol. 7, no. 3, pp. 75–114.
- Gudkov, L.D. (2010), "Is there a basis for theoretical sociology in Russia?", *Sociological journal*, no. 1, pp. 104–125.
- Malinkin, A.N. (2006), "A multi-paradigm approach in the context of the intellectual situation in Russia", *Sociological Studies*, no. 1, pp. 114–123.
- Romanovskii, N.V. (2017), "How modern sociological theories are constructed", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 30–36.
- Sokolov, M.M. (2010), "Here and there. Can institutional factors explain the state of theoretical sociology in Russia?", *Sociological journal*, no. 1, pp. 126–132.
- Toschenko, Zh.T. (2009a), "Evolution of Theoretical sociology in Russia (1950–2000s), Article 1", *Sociological Studies*, no. 6, pp. 16–27.
- Toschenko, Zh.T. (2009b), "Evolution of Theoretical sociology in Russia (1950–2000s), Article 2", *Sociological Studies*, no. 7, pp. 3–16.
- Yadov, V.A. (2003), "Possibilities of combining theoretical paradigms in sociology", *Sociological journal*, no. 3, pp. 5–19.
- Zaslavskaya, T.I. (1996), "The role of sociology in the transformation of Russia", *Sociological Studies*, no. 3, pp. 3–9. (In Russ.)
- Zdravomyslov, A.G. (1999), "Theories of Social Reality in Russian Sociology", *Universe of Russia*, no. 1-2, pp. 3–20.

Информация об авторе

Ольга В. Козырева, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Москва, Россия, Миусская площадь, д. 6; olga_kozyreva@mail.ru

Information about the author

Ol'ga V. Kozyreva, applicant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125047; olga_kozyreva@mail.ru

УДК 316.42

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-65-75

О действенности
социально-экономического прогнозирования
долгосрочных трендов советского периода

Галина А. Цветкова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Qaltsvet@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлены итоги социально-экономических исследований первой половины XX в., раскрывающие фактическое состояние промышленного производства, выявляющие социально значимые проблемы в экономической сфере. Показаны различные направления поиска их сценарных решений на основе использования различных классификаций прогнозов социально-экономического развития советской страны, осуществленные С.Г. Струмилиным. Предсказания сопоставляются с реалиями в различных сферах для попытки по-новому с учетом современных требований взглянуть на состоятельность и востребованность предлагаемых долгосрочных трендов в историческом и нынешнем контексте.

Ключевые слова: прогнозирование, трудящиеся, развитие, долгосрочные тренды, социально-экономические прогнозы

Для цитирования: Цветкова Г.А. О действенности социально-экономического прогнозирования долгосрочных трендов советского периода // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 4. С. 65–75. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-65-75

On the effectiveness
of socio-economic forecasting long-term trends
of the Soviet period

Galina A. Tsvetkova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Qaltsvet@yandex.ru*

Abstract. The article presents the results of socio-economic studies for the first half of the 20th century, revealing the actual state of industrial production, revealing socially significant challenges in the economic sphere. It shows

© Цветкова Г.А., 2022

various directions in the search for their scenario solutions, based on the use of various classifications of forecasts for the socio-economic development of the Soviet country, carried out by S.G. Strumilin. The predictions are compared with the realities in various fields in order to try to take a fresh look at the viability and relevance of the proposed long-term trends in the historical and current context taking into account modern requirements.

Keywords: forecasting, workers, development, long-term trends, socio-economic forecasts

For citation: Tsvetkova, G.A. (2022), “On the effectiveness of socio-economic forecasting of long-term trends of the Soviet period”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies”*, no. 4, pp. 65–75, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-65-75

Введение

Уже почти сто лет, как формируется и развивается социальное прогнозирование, основная цель которого заключается в научном обосновании планов и программ различных уровней и тем самым в предсказуемости устойчивого развития и благополучия различных государств. Эта практика использовалась в России в двадцатом веке, применяется она и сегодня. Согласно официальным положениям, стратегический прогноз Российской Федерации разрабатывается на двенадцать и более лет. Его корректировка осуществляется каждые шесть лет¹. Однако при появлении рисков социально-экономического развития и угроз национальной безопасности России (продолжающиеся беспрецедентные экономические санкции, внешнее давление и специальная военная операция) происходит кардинальная инвентаризация прогнозов, что и наблюдается сегодня, вызывая широкий общественный резонанс.

Актуальность заявленной проблемы обусловлена и динамикой социальных процессов, требующих постоянной выработки многочисленных, часто очень сложных решений, принятие которых невозможно без комплексной экспертно-аналитической работы по подготовке перспективных прогнозов. В то же время некоторые руководители органов государственной власти (С. Патрушев и др.)

¹ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О стратегическом планировании в Российской Федерации»; Стратегический прогноз Российской Федерации на период до 2035 г.; Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. и пр.

заявляют, что объективная реальность значительно сложнее любых абстрактных схем, поэтому ни один прогноз полностью не может исполниться. С этим сложно согласиться. Доказательством служат результаты внедрения цифровых технологий в практику организаций. Например, в работу Счетной палаты России внесла кардинальные изменения платформа *PolyAnalyst*, благодаря которой загрузку, подготовку, анализ данных и разработку итоговых отчетов теперь можно проводить в одной системе. Возможность одноуровневой обработки и структурирования десятков тысяч документов самим владельцем данных исключила необходимость привлечения профессиональных программистов, что сократило затраты, ускорило процесс и снизило количество ошибок. Следовательно, цифровизация увеличивает результативность прогнозов, исключая ошибки. Успешная работа специалистов является залогом стабильного социально-экономического развития, повышения уровня жизни граждан, сохранения и преумножения исторического наследия страны.

Исходя из отмеченного, требуется социальная диагностика этапов и методов социально-экономической прогнозистики. Последние должны быть не только проверены практикой, но и должны сохранять преемственность (учитывать плюсы и минусы прошлых научных изысканий). Поэтому основной целью данной статьи является попытка выявить действенность предлагаемых долгосрочных трендов в историческом и современном контексте.

В этом аспекте вызывают особый интерес исследования почти столетней давности С.Г. Струмилина. Поскольку они проводились в первой половине XX в., когда стала очевидна многозначность общественного развития: возникло новое государство, повсеместно осуществлялся переход на новый этап научно-технического развития, формировались новые ресурсы социально-экономического развития страны, что в определенной мере соответствует современным социально-экономическим процессам, происходящим в настоящее время в России. Обращение к деятельности С.Г. Струмилина связано и с его ведущей ролью как ученого и представителя высших органов советской власти, который долгие годы на основе социально-экономического прогнозирования успешно занимался вопросами планового регулирования народного хозяйства страны.

Эмпирическая база

Базовыми материалами представленной статьи являются результаты исследований академика С.Г. Струмилина, собравшего и проанализировавшего большой объем теоретических и эмпириче-

ских результатов фундаментальных работ по заявленной проблеме. Им написано свыше 700 научных трудов, в которых изображены собственные исследования бюджета времени рабочих, начиная с постреволюционных лет и до конца 60-х гг. XX в. (1924–1959 гг.); данные Центрального статистического управления о социально-экономическом развитии Советского Союза с 1940 по 1958 г. и 1959 по 1965 г. в сравнении с показателями других стран (США); материалы КПСС в решениях и резолюциях, отражающие важнейшие государственные задания на 1959–1965 гг. (например, внеочередной XXI съезд КПСС, Пленум ЦК КПСС от 29 июня 1959 г. о внедрении комплексной механизации и автоматизации производства и пр.), что указывает на комплексный подход в прогнозировании автором реальных социально-экономических процессов, происходящих на территории страны.

Их дополнением служат представленные академиком яркие примеры и факты, также доказывающие состоятельность социально-экономического прогноза социалистического строительства советской страны, раскрывающие основные его направления: организацию и использование рабочего времени; трудовое воспитание; развитие социально-культурных способностей и потребностей не только рабочего люда, но и других социальных групп (молодежи, профсоюзного актива и др.); внедрение спортивно-массовых занятий и пр. Следовательно, источником социально-экономического развития Советского Союза был заявлен работающий человек, гармонично развивающийся в различных сферах жизни. В современных социально-экономических прогнозах человек труда стоит далеко не на первом месте, что отчуждает людей от их изучения и восприятия.

Богатейший эмпирический материал, собранный С.Г. Струмилиным, не только был систематизирован, но и обобщен им концептуально, что указывает на продуманность и обоснованность методологии авторского прогноза. Для глубинного осмысления социальных процессов им широко применялся комплексный подход, сочетающий логический анализ, статистические и нормативные расчеты, экспертные оценки и пр. Так, перспективный анализ трудовых ресурсов России, сделанный академиком, современные ученые рассматривают как первую стоимостную оценку отечественного человеческого капитала [Красова 2021].

Что касается социально-экономического прогнозирования будущего развития современной России, то хочется подчеркнуть, что учеными XXI в. пока не составлено прогнозов, общепризнанных общественностью, таких, каким было строительство коммунизма в советское время. Хотя по данной проблематике проводятся различного уровня эмпирические исследования (ВЦИОМом, ФОМом,

Левада-Центром и др.), в которых преимущественно на основе массовых опросов выявляется восприятие россиянами успешности различных долгосрочных периодов социально-экономического развития страны.

Социально-экономические прогнозы

Результаты анализа исследований С.Г. Струмилина позволяют заявить, что под прогнозом он понимал однозначное утверждение будущих событий с высокой вероятностью их реализации. Это было характерно для позиций (убеждений) большинства истинных коммунистов того периода. По сути, запускался эффект Эдипа: самоосуществление прогноза на основе созидательной деятельности с учетом позитивных ожиданий. Поэтому цель изысканий ученого состояла в содействии научному обоснованию планов и программ Коммунистической партии и Советского правительства. Подтверждением этому служит и его склонность к выполнению (и перевыполнению) плановых показателей любой ценой, применение методов централизованного планирования, что, безусловно, отразилось на его имидже, усложнив задачу современникам в полной мере разглядеть социальную значимость его научных работ. В то же время все научные труды С.Г. Струмилина неразрывно связаны с прогнозом и планированием советской промышленности. В свое время ученый утверждал, что планы неизбежно содержат в себе, с одной стороны, элементы предвидения, с другой – элементы проектировки заданий или директив. Под его руководством была разработана первая в мире система материальных балансов.

С.Г. Струмилиным конструировалась долгосрочная модель будущего страны, в которой наряду с социальной ответственностью представлен был и общественный контроль за действиями и поведением работников. При этом исследователь выявлял взаимно обусловленные *различные стадии прогнозирования*, условно выделив в них *поведение различных объектов* (работников квалифицированного и неквалифицированного труда, служащих предприятий и организаций и др.). Важно и то, что особенность социально-экономических процессов (например, в области повышения производительности труда) он изучал через *объективные* (уровни организации и механизации труда) и *субъективные составляющие* (умение работать, дисциплина трудящихся, интенсивность труда и т. д.), что указывает на использование им типологии прогнозов по различным основаниям.

Этапы работы С.Г. Струмилина над исследованием процессов прогнозирования и планирования можно представить через этапы, выделенные Ж.Т. Тощенко: *исследовательская стадия* – выявление тенденций и факторов, предопределяющих вероятностные перемены; *стадия обоснования управленческих решений* – поиск альтернативных версий развития, их динамики с учетом принятия определенных решений; *стадия контроля и коррекции* – оценка хода и последствий в результате принятия решений, необходимость внесения аргументированных изменений условий для своевременного уточнения действий.

Более того, взяв за основу *проблемно-целевой критерий прогнозирования*, С.Г. Струмилину предлагал вероятностный набор необходимых форм и методов претворения в жизнь объявленной программы действий. По сути, это *нормативное прогнозирование*, сущность которого сводится к вероятностному описанию альтернативных путей достижения желаемых состояний через разработку мероприятий по их реализации. Одновременно ученым использовался и *поисковый прогноз*, составляемый также на базе вероятностной шкалы возможностей при условии сохранения тенденций развития общества. Таким образом, анализ результатов исследований С.Г. Струмилина, исходя из современных положений социального прогнозирования, позволяет выявить широкий спектр методов, которые им применялись в работе. Хотя, как он сам писал,

...общая задача планового воспроизводства квалифицированной рабочей силы ставит целый ряд проблем, которые зачастую приходится разрешать почти ощупью. Обстановка революционного творчества не благоприятствует отвлеченному теоретизированию [Струмилину 1982, с. 5].

С.Г. Струмилину скрупулезно анализировал различные проблемы социально-трудовой истории Советского государства, тщательно пересматривал такие сущностные явления, как ценностные установки и мировоззрение, социально-трудовые отношения, содержание и условия труда. Уже в середине XX в. им доказывалось, что социализм в стране построен, вопреки мнениям всех догматиков и нытиков из тяжкого бремени труд становится жизненной потребностью. Истоки социально-трудовых преобразований ученый видел в различных проявлениях: изменении характера труда, исчезновении границ умственного и физического труда, преимущественном значении творческих и эстетических элементов труда. Иначе говоря, его долгосрочный прогноз указывал не только на изобилие материаль-

ных благ, но и на творческое развитие людей, обеспечивающее им всю полноту личной и профессиональной жизни.

Действенность прогнозов С.Г. Струмилина постоянно подтверждалась их реализацией в различных сферах жизнедеятельности советских граждан. Главным результатом сферы промышленного производства он считал производительность труда и ее высокие темпы. Несмотря на поствоенные повсеместные проблемы с 1940 по 1958 г. производительность труда в СССР возросла в 2,6 раза, а с 1913 г. – в 10 раз [Струмилин 1959, с. 5]. В перспективе увеличение этого базового показателя академик связывал с ростом автоматизации промышленного производства. Развитие новой техники с ее «мыслящими» электронно-вычислительными машинами в будущем будет освобождать человека не только от ординарного физического труда, но и от шаблонного, механического мышления, оставляя лишь дирижерские функции управления вещами и производственными процессами, писал академик. И это повсеместно подтверждалось и подтверждается производственной практикой.

Из действия закона неуклонно повышающейся производительности труда, утверждал ученый, логически вытекает решение других задач. С каждым годом все возрастающая масса ценностей распределяется в стране по линии общественных форм удовлетворения потребностей совершенно безвозмездно, и опасных диспропорций в плановом хозяйстве не возникало, указывал С.Г. Струмилин. Все эти даровые блага граждане получали деньгами или натурой в виде пособий, пенсий, стипендий или в форме бесплатного обучения или лечения, и распределялись они не по труду, а по потребностям населения, т. е., считал он, применяли коммунистический принцип распределения. И эта часть фонда потребления увеличивается и абсолютно, и относительно, опережая темпы роста совокупного общественного продукта. С 1927 по 1957 г. их вес в бюджете страны увеличился, по меньшей мере, вдвое. Доля фондов потребления по потребностям увеличивалась быстрее, чем доля распределения по труду. Важно, что их соотношение не противодействовало друг другу, а наоборот, в разных сферах своего проявления они дополняли друг друга в решении общих социально-экономических задач, доказывал С.Г. Струмилин. Этому он находил объяснение в следующем: принцип безвозмездного распределения по потребностям прежде всего распространяется на социально уязвимое население (детей, больных, инвалидов и др.), что облегчает жизнь трудящимся (сильнейшим членам общества). Поскольку, выравнявая обременяющие их заботы об иждивенцах, общество дает возможность трудоспособным развиваться. В качестве доказательства ученым приводятся тридцатилетние итоги (1927–1957 гг.) роста

доли женского труда в промышленности СССР в среднем с 27 до 45%, в области просвещения и науки – до двух третей, в области здравоохранения – до 85%. В 1923 г. на домашнее обслуживание членов семьи приходилось от 30 до 40% всего трудового времени работников [Струмилин 1959, с. 46].

Изучая трудовые ценности работников, С.Г. Струмилин пришел к выводу, что праздность становится постыдной, в противном случае лодырей «девки засмеют», и смех этот, клеймящий позором всех лодырей, страшнее иных бичей. Но иногo лодыря не проймешь и смехом, подчеркивал академик. Хотя лодырям не будет места в коммуне, заявлял он, еще и потому, что, оделяя всех членов по потребностям, коммуна в свою очередь потребует от них возмещения трудом по способностям. В противном случае ученый предлагал третий вариант решения социально-экономической проблемы – рецепт Л.Н. Толстого: у кого мозоли на руках, тот полезай за стол, а у кого их нет – тому обедки. Важно, что это правило было рекомендовано применять даже в самой примитивной мужицкой трудовой артели. Обедки, полагал исследователь, могут служить стимулом воспитания трудового отношения к коммунизму.

С.Г. Струмилин просчитывал различные сценарии труда и досуга, не упуская ни одной из возможностей, не исключая ничего без исчерпывающего исследования, выявляя обоснованные закономерности и тенденции. Например, им было доказано, что

...распространенность развлечений и культурных затрат времени на самовоспитание с повышением возраста падает, а распространенность наемного труда – возрастает, то есть распространенность различных трат в разных возрастах изменяется в том же направлении, как и средняя их продолжительность, а квалификация рабочих повышается медленнее, чем число лет, затраченных на его обучение [Струмилин 1982, с. 211].

Более того, благодаря результатам его прогнозов в сфере образования было обосновано неременное распределение выпускников вузов с их обязательной трехлетней работой по профилю. Это позволило решить целый ряд социальных проблем: ликвидировать дефицит кадров, исключить нерациональное использование государственного бюджета, изменить формы и методы государственного регулирования профессиональными ресурсами и резервами и пр. Возврат официального распределения выпускников профессиональных заведений обсуждается органами власти и общественностью и в настоящее время. Предлагается новый

подход: принудительного распределения не будет, но каждый поступающий на бюджет должен будет подписать соответствующий контракт, согласно которому государство будет оплачивать его обучение. Затем выпускник должен будет отработать затраченные на него деньги через официальное распределение. Одной из базовых причин вернуть трудоустройство по распределению для выпускников является решение дефицита кадров на местах, поэтому это коснется пока только выпускников педагогических и медицинских государственных вузов. Следовательно, состоятельность определенных долгосрочных прогнозов С.Г. Струмилина подтверждена не только исторической практикой, но и их востребованностью в современных условиях.

Действенность социально-экономических прогнозов исследуемого периода была обусловлена их широкой пропагандой и участием людей в их исполнении. Все средства массовой пропаганды советского периода постоянно писали о трудящихся, их достижениях, проблемах и их решении. Одновременно звучали решения партии и правительства о трудовых обязательствах трудящихся и их выполнении. Политическая агитация служила почетной и благородной задаче – повышению уровня политического сознания работников, внедрению передовых методов организации труда и производства, вовлечению в социалистическое соревнование молодежи и пр.

Сила перспективных социально-экономических прогнозов состояла и в том, что массы не только выполняли планы, но и воодушевлялись ими, убеждаясь воочию, что их реализация укрепляет могущество страны, обеспечивает успешное продвижение страны вперед к коммунизму, реально ведет к повышению материального благосостояния трудящихся. Сочетания официальных решений и их реального воплощения для повышения качества жизни россиян – это то, чего так не хватает в современных условиях России. Но, несмотря на отмеченные выше упущения, более трех четвертей современных россиян (77,5%) заявили, что Россия сможет развиваться при сокращении и даже разрыве связей со странами Запада. Радует и уверенная позиция почти 60% респондентов о том, что западные санкции дадут толчок развитию экономики страны².

² Данные массового опроса компании *Vox populi*, проведенного 18–22 апреля 2022 г. среди 2880 россиян // ИНТЕРФАКС. 30 апреля 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax-russia.ru/moscow/news/pochti-60-rossiyan-uvereny-chto-zapadnye-sankcii-dadut-tolchok-razvitiyu-ekonomiki-rossii-opros> (дата обращения 12 ноября 2022).

Заключение

Анализ изысканий С.Г. Струмилина по заявленной проблеме позволяет утверждать, что ученым при прогнозировании социально-экономических процессов использовался комплексный подход, позволивший выявить и представить обществу тенденции и закономерности в сфере труда, доказать высокий уровень эффективности и результативности социальных прогнозов. Их ценность связана и с вариативностью подходов, с глубиной анализа степени вероятности наступления возможных изменений.

Хотя некоторые прогнозы С.Г. Струмилина и необъективны. Например, сценарии в области управления о том, что в условиях победы коммунизма в мировом масштабе отпадет необходимость в государственном принуждении и управлении. Но в крупных производственных коллективах координация работ будет необходима. Еще более востребованным будет плановое управление всеми производственными процессами в центре и на местах.

Неправдоподобно звучит и прогноз в сфере профессионального образования: инженерно-технический уровень квалификации станет нормой для всех трудящихся. Романтикой отдает его предсказание в области культуры и здорового образа жизни: алкоголизм полностью ликвидировать удастся в условиях высокой культуры, но буржуазный мир добиться этого не сможет.

Однако отмеченное выше не принижает социальной роли и значимости результатов исследований С.Г. Струмилина в области прогнозирования долгосрочных трендов Советского государства. Подтверждением этому служит обращение к его трудам современных ученых и представителей органов государственной власти.

Литература

- Красова 2021 – *Красова Е.В.* Взгляды советского экономиста С.Г. Струмилина с позиции современной теории человеческого капитала // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т. 10. № 2 (35). С. 210–214.
- Струмилин 1923 – *Струмилин С.Г.* Доклад о проблеме регулирования заработной платы // Бюллетени Госплана. 1923. № 6–7. С. 44–45.
- Струмилин 1925а – *Струмилин С.Г.* К методологии изучения заработной платы и производительности труда // Плановое хозяйство. 1925. № 8. С. 27–62.
- Струмилин 1925б – *Струмилин С.Г.* К проблеме капитала в СССР // Плановое хозяйство. 1925. № 2. С. 40–65.
- Струмилин, 1930 – *Струмилин С.Г.* Очерки советской экономики: ресурсы и перспективы. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во, 1930. 534 с.

- Струмилин 1959 – *Струмилин С.Г.* Рабочий день и коммунизм. М.: Профиздат, 1959. 64 с.
- Струмилин 1964 – *Струмилин С.Г.* Избранные произведения в пяти томах. Т. 3: Проблемы экономики труда. М.: Наука, 1964. 529 с.
- Струмилин 1982 – *Струмилин С.Г.* Проблемы экономики труда. М.: Наука, 1982. 529 с.

References

- Krasova E.V. (2021) “Views of soviet economist S.G. Strumilin from the modern human capital theory position”, *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, vol. 10, no. 2 (35), pp. 210–214.
- Strumilin, S.G. (1925a), “To the methodology of the study of wages and labor productivity”, *Planovoe hozyaistvo* [Planned economy], no. 8, pp. 27–62.
- Strumilin, S.G. (1925b), “On the issue of capital in the USSR”, *Planovoe hozyaistvo* [Planned economy], no. 2, pp. 40–65.
- Strumilin, S.G. (1930), *Ocherki sovetskoj ekonomiki: resursy i perspektivy* [Essays on the Soviet economy: Resources and prospects], 2nd ed., rev. and add., Gos. izd-vo, Moscow, Russia.
- Strumilin, S.G. (1964), *Izbrannye proizvedeniya v pyati tomakh. T. 3. Problemy ekonomiki truda* [Selected works in five volumes. Vol. 3. Issues of labor economics], Nauka, Moscow, Russia.
- Strumilin, S.G. (1959), *Rabochii den' i kommunizm* [The working day and communism], Profizdat, Moscow, Russia.
- Strumilin, S.G. (1982), *Problemy ekonomiki truda* [Issues of labor economics], Nauka, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Галина А. Цветкова, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Qaltsvet@yandex.ru

Information about the author

Galina A. Tsvetkova, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; Qaltsvet@yandex.ru

УДК 316.334.22

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-76-88

Компетентностный подход в изучении позиций школы и рынка труда

Павел В. Шевченко

*Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия, shevpav@yandex.ru*

Аннотация. Социальные навыки и личностные качества, формируемые средней общеобразовательной школой, не в полной мере соответствуют ожиданиям работодателей, принимающим на работу выпускников школ без профессионального образования. В статье рассматривается компетентностный подход как способ изучения и сближения установок школьных учителей и представителей рынка труда в отношении межпредметных компетенций, которыми должен обладать выпускник школы, чтобы успешно трудоустроиться. Эмпирическую основу для выявления компетенций составляют данные экспертного интервью с работодателями.

Анкетный опрос учителей и представителей рынка труда выявил высокую степень совпадения их позиций в тех вопросах, где было предложено ранжировать перечень компетенций применительно к ситуациям, связанным с повседневными профессиональными обязанностями. Результаты исследования свидетельствуют о разном понимании сущности компетенций, если дело касается лично каждого, и о существовании единого для представителей всех профессий социокультурного стереотипа восприятия компетенций. Данный стереотип существенно ограничивает возможности использования компетенций в качестве средства выявления различий в ожиданиях разных социальных групп, а также средства согласования их позиций.

Ключевые слова: межпредметные компетенции; выпускник школы; учитель; работодатель; рынок труда; интервью; анкетный опрос

Для цитирования: Шевченко П.В. Компетентностный подход в изучении позиций школы и рынка труда // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 4. С. 76–88. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-76-88

Competence-based approach as a means of school and labor market positions

Pavel V. Shevchenko

*Moscow City University, Moscow, Russia,
shevpav@yandex.ru*

Abstract. Social skills and personal qualities formed by secondary schools do not meet the expectations of employers who give a job to school graduates without a professional education. The article considers the competence approach as a way to study and bring together the attitudes of school teachers and the employers in interdisciplinary competencies that a school graduate must have in order to find a job. The empirical basis for identifying competencies is the data of expert interviews with employers.

A questionnaire survey of teachers and representatives of the labor market revealed a high degree of coincidence of their positions on what a school must give to its graduates. The teachers and the employers also have almost equally ranked the list of competencies related to everyday professional duties. The results of the study indicate a different understanding of the essence of competencies, if it concerns everyone personally, and the existence of a socio-cultural stereotype of competence perception for all respondents. Such stereotype significantly limits the possibilities of using competencies as a means of identifying differences in various social groups expectations, and as a means of coordinating their positions.

Keywords: interdisciplinary competencies; school graduate; teacher; employer; labor market; interview; questionnaire survey

For citation: Shevchenko, P.V. (2022), “Competence-based approach as a means of school and labor market positions”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 76–88, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-76-88

Введение

Школа видит свою основную задачу в подготовке выпускника 11-го класса к получению высшего образования. Конкурентоспособность выпускника средней школы [Слукина 2015; Шаповалов 2008] как абитуриента складывается из баллов ЕГЭ, наград на предметных олимпиадах и прочих измеримых показателей, которые влияют на рейтинги школы [Шевченко 2022b]. Насколько ответственной личностью является выпускник, умеет ли он планировать свою деятельность, ориентироваться в информационном

пространстве, взаимодействовать с окружающими – то есть насколько он адаптирован к окружающему миру, в котором придется не только учиться, но и работать – школу как социальный институт не интересует.

В то же время учителя согласны с тем, что, помимо знаний, выпускнику необходимо обладать целым рядом личностных качеств, умений и навыков для того, чтобы адекватно себя вести в ситуациях, отличных от учебных. Исследование Лаборатории управления проектами МГПУ (2015–2022) было посвящено поиску возможных точек сближения позиций школьных учителей и потребителей «продукта школы» – представителей рынка труда (далее – РТ), на котором оказывается выпускник. Для этого определенные на первых этапах исследования компетенции предъявлялись учителям и представителям РТ для выявления степени сходства оценок тех и других. Компетентностный подход, несмотря на резкий рост его популярности в последние годы, в отечественной науке применяется давно [Маркова 1996; Петровская 1989]. Компетенции и компетентность (изначально в английском языке – competence) понимаются как то, что нужно сформировать, чему можно научить специально, а также как приобретенное в процессе обучения качество личности [Гладкая 2011, с. 130].

Методика

На первом этапе методом экспертного опроса изучалось мнение 80 работодателей, которые имели опыт найма на работу соискателей, еще не получивших профессионального образования. Вопросы касались разных сторон подготовки выпускников в школе, а также тех качеств, без которых на РТ невозможно занять вакансию, продвигаться по службе и т. д. Таким образом, на этом этапе был определен перечень из девяти компетенций [Весманов и др. 2015].

В ходе второго этапа представителям РТ на четырех фокус-группах предлагалось вспомнить ситуации из их школьной жизни, которые требовали, в первую очередь, не знаний, а определенных качеств личности, связанных с умением руководить другими, убеждать, принимать решение, адаптироваться к новой ситуации. Контент-анализ ответов позволил соотнести востребованные качества с выделенными ранее компетенциями. Формулировки компетенций воспринимались участниками фокус-групп адекватно, понимались однозначно.

На завершающем этапе участникам анкетного опроса, в котором приняли участие 500 учителей столичных школ (выборка

случайная из 25 школ 10 административных округов) и 385 представителей РТ (выборка методом «снежного кома», респонденты – менеджеры среднего звена и специалисты со стажем не менее трех лет, 20 организаций из различных сфер экономики города), представлялся единый список компетенций для ранжирования применительно к различным ситуациям. Для оценки степени сходства использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Межпредметные компетенции выпускника школы

Основным выводом первого этапа была детализированная констатация того факта, что «школа к работе не готовит». Сам по себе факт вряд ли стал неожиданным, поскольку основной фокус внимания школы сосредоточен на 80–90% старшеклассников, нацеленных на поступление в вуз и получающих знания ради этой цели. К собственно знаниевой составляющей того, что школа дает выпускникам, у экспертов был минимум претензий вне зависимости от категории работы. В число экспертов-работодателей вошли не только те, кто предоставляет работу, связанную преимущественно с физическим трудом (сфера обслуживания, производство, транспорт, спорт и т. п.), но и научные сотрудники вузов и НИИ, которым приходилось иметь дело со студентами 1–2 курсов, которые как соискатели места работы имеют те же недостатки, что и не поступавшие в вуз выпускники. Необходимость подрабатывать у студентов, как правило, превращает их в молодежный прекариат – занятых временно, не по профессии, без официального оформления [Шевченко 2019, с. 92].

Претензии работодателей были к другим сторонам подготовленности старшеклассников. Сами представители РТ даже и не ждут, что школа подготовит к работе. Подавляющее количество их ожиданий (около 80% ответов) связано с тем, что школа: 1) даст знания по основным предметам, которые пригодятся в жизни (базовые) и востребованные в вузе (продвинутый уровень); 2) социализирует – подготовит человека к жизни в обществе; сформирует самоопределение, серьезное отношение к знаниям, выбору своего пути; 3) научит мыслить (рассуждать, понимать, анализировать информацию, критично воспринимать действительность) [Шевченко 2022a].

Основные требования (примерно $\frac{2}{3}$ ответов) к соискателям вакансии из числа выпускников школы касались: 1) внутренней мотивации (к работе на данном месте, желанию научиться

всему); 2) дисциплинированности (исполнительности, сознательного отношения к порученному); 3) коммуникабельности (умению общаться, работать в команде). Какой-либо базовый объем знаний не был критичным для большинства рабочих мест, уровень средней школы всем более-менее понятен, фраза «не умеет – научим, было бы желание» встречалась почти повсеместно. Не реже, чем предметные знания, упоминались проявления «социального» интеллекта: умение схватывать на лету, ориентироваться в ситуации, «соображать, что к чему» и т. д. Всего этого, по мнению работодателей, школа сейчас не дает. Не заложенные в школе, но востребованные работодателями качества проявляются и у выпускников вузов. Работодатели хотят увидеть новых сотрудников не только знающими дело специалистами, но и целеустремленными, дисциплинированными, восприимчивыми к изменениям и т. д., а вуз, как и школа, отвечает в основном за содержание образования.

Для понимания того, что именно школа не делает в процессе обучения детей, вопрос о том, что, по мнению экспертов, должна делать школа (но при этом не делает или делает не так), задавался в позитивном ключе: «Как бы Вы советовали преподавать ваш предмет?». Претензии к школе и, соответственно, рекомендации по их устранению можно разделить условно на две группы. Первая группа тех действий, которые школа не делает или делает плохо, – методическая, к ней относятся: «не ведет занятий в группах», «не прививает проектное мышление», «готовит к шаблонной работе», «не учит думать и выражать свои, а не готовые идеи», «отрабатывает собеседование при приеме на работу, но не ориентирует на результат».

Вторая группа связана с не-задействованием мотивации ученика: «школа оценивает стремление получить пятерку, а не личный вклад», «не дает живых знаний, поэтому не способствует мотивационной включенности», «не дает адекватное восприятие реальности и не готовит адаптированных к жизни». По мнению представителей РТ, идущий своим путем, напористый, пробивной, далекий от того, за что ставят «пять» в школе, будет считаться аутсайдером в школе, а в жизни – наоборот. Практически каждый отвечавший высказывался в духе «химия – везде вокруг нас, в любом предмете», «биология – основа всего» или «физическое здоровье – фундамент всей жизни, без него ничего не добиться. По мнению профессионалов, школа, не показывая связи с жизнью, не способна пробудить и развить интерес к предметам.

Применение компетентностного подхода, при котором компетенция на практическом уровне описывается как целенаправлен-

ное действие в предметной области, стало основанием для того, что в процессе контент-анализа интервью представителей рынка труда нами было выделено несколько типов целенаправленных действий, объединенных впоследствии в девять межпредметных, или метапредметных, компетенций (9К): 1) *адаптироваться* к различным обстоятельствам, ситуациям и т. п.; 2) *взаимодействовать* с кем-либо в процессе работы, учебы; 3) *говорить и писать* – выражать свои мысли понятно для других устно и письменно; 4) *достигать* поставленных целей, добиваться определенных результатов; 5) *конкурировать* с кем-либо, опережать соперников, побеждать; 6) *презентовать* что-либо – демонстрировать сильные стороны, представлять в выгодном свете; 7) *проектировать* – составить и реализовать собственный замысел от начала до завершения; 8) *управлять* – организовывать деятельность других людей, контролировать ситуацию, принимать решение; 9) *учиться* – усваивать новую информацию, заниматься самообразованием.

Данный перечень компетенций рассматривается как универсальный для всех обучающихся, а также для работников – участников РТ. В большей или в меньшей степени эти компетенции востребованы при любой ведущей деятельности – учебной или профессиональной.

Второй этап исследования включал в себя организацию и проведение 4 фокус-групп для четырех разных возрастных групп (от 25–30 лет до 50–55), участники которых вспоминали и обсуждали различные истории, происходившие с ними самими, в которых от них требовалось найти выход из затруднительной ситуации. Существенной разницы в воспоминаниях 30-летних от воспоминаний 50-летних не было. При всех трансформациях, затронувших общество, в школе воспроизводились одни и те же ситуации неготовности ученика к уроку, необходимости организовать одноклассников на мероприятие, довести общее дело до конца, адаптироваться к новому классу или учителю, добиться выставления справедливой отметки, расставить приоритеты в своей учебе, выиграть во что бы то ни стало у другой команды и т. д. Фактически участники фокус-групп своими словами подтвердили необходимость владения теми или иными межпредметными компетенциями (из перечня 9К), без которых позитивный выход из ситуации был бы невозможен. Преодоление затруднения в любой такой ситуации можно рассматривать как пример социального успеха в отличие от успеха академического – получения отличной оценки, для которой требуется только выучить урок. Поскольку «профильным» для школы является успех выпускника, выраженный в баллах проверочной

работы по предмету или итоговой аттестации, то за межпредметные компетенции, способствующие социальному успеху и росту конкурентоспособности на рынке труда, школа, в принципе, не отвечает, хотя их можно вырабатывать в рамках изучения любого предмета, любой дисциплины.

Сходства и различия в отношении к компетенциям

На третьем этапе исследования методом анкетирования проверялась гипотеза о том, что взгляды двух групп – представителей РТ и школьных учителей – на ценность межпредметных компетенций различны, но можно найти точки сближения позиций, и учителя готовы формировать компетенции выпускников в соответствии с запросом РТ.

Упомянутый выше перечень 9К с подробными пояснениями предъявлялся в нескольких вопросах, в которых требовалось либо оценить важность каждой компетенции по 10-балльной шкале, либо выбрать несколько вариантов. Итоговое ранжирование осуществлялось по обеим группам в целом. Учителям и представителям РТ предъявлялись вопросы, одинаковые по сути, но адаптированные к реалиям респондентов. Степень сходства между ранжированными рядами компетенций устанавливалась с помощью рангового коэффициента корреляции Спирмена.

Ответы учителей и представителей РТ продемонстрировали высокую степень сходства в части того, что респонденты считают важным для своей профессиональной деятельности и чему нужно обучить выпускников школы (табл. 1).

Во всех парах коэффициент Спирмена превышает значение 0,8, что свидетельствует не просто о значимой корреляции, но и об очень высокой степени сходства суждений. Высокая степень сходства ответов наблюдалась и между самими вопросами внутри групп респондентов – во всех случаях выявлена значимая корреляция (величина коэффициента Спирмена – от 0,77 до 0,97), и сами ряды мало отличались друг от друга – от 2 до 3 соседних компетенций менялись местами, но общая картина оставалась неизменной.

Итоговая иерархия компетенций (ранжирование осуществлялось по сумме рангов каждой компетенции, полученных по всем отдельным вопросам) выглядит так (рис. 1).

Таблица 1

Степень сходства ответов учителей
и представителей рынка труда

№	Вопросы для представителей РТ	Вопросы для учителей	Коэф. корреляции
1	Что должны уметь делать работники для достижения успеха на рынке труда	Что должны уметь делать выпускники по окончании школы	0,88
2	Расставьте по степени важности, какие целенаправленные действия наиболее важны и какие наименее важны для достижения успеха на рынке труда	Расставьте по степени важности, каким целенаправленным действиям наиболее важно и наименее важно научить выпускников к моменту окончания школы	0,82
3	Каким целенаправленным действиям Вы обучаете своих коллег и подчиненных	Чему кроме предметных знаний Вы учите обучающихся	0,89
4	Какие целенаправленные действия Вы сами регулярно осуществляете на работе	Какие целенаправленные действия Вы сами регулярно осуществляете на работе	0,97

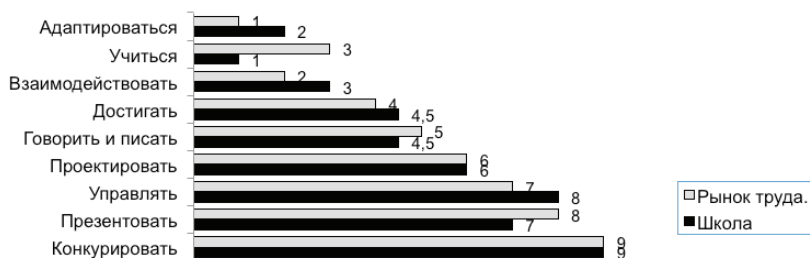

Рис. 1. Значимость межпредметных компетенций в представлениях школы и рынка труда, ранги: 1 – наиболее значимый, 9 – наименее значимый

Прежде всего видно, что у учителей и представителей РТ совпадают триады компетенций-лидеров (адаптироваться, учиться, взаимодействовать), аутсайдеров (управлять, презентовать, конкурировать).

рировать) и «средняков» (достигать, говорить и писать, проектировать). Неполное совпадение между школой и РТ в части самых важных компетенций объяснимо приоритетами самой деятельности: в школе – необходимостью «учиться», а на работе – постоянно реагировать на изменения, «адаптироваться». Таким образом, резервов для сближения позиций практически нет, позиции учителей и представителей РТ и так достаточно близки.

Помимо вышеперечисленных вопросов о важном для профессии и для выпускников, в которых наблюдалась высокая степень согласованности ответов, анкеты включали вопрос «личного» характера: «Чему из перечисленного ниже Вы сами учились в последние пять лет?». Ранжированный ряд ответов на этот вопрос не имел значимых корреляций ни с одним из предыдущих вопросов ни у учителей, ни у представителей РТ. Видимо, независимо от того, что именно (какие компетенции) требуется проявлять на работе в настоящий момент, каждый учится тому, что считает важным для своей дальнейшей карьеры либо ликвидирует собственный дефицит необходимых на работе компетенций.

Поскольку на всех этапах исследования, включая анкетный опрос, речь шла о выпускниках школы, то есть о работниках со средним образованием, отвечающих за рутинные процессы, представляется естественным, что к первым пяти компетенциям было отнесено то, без чего вообще невозможно начать работать: адаптация к условиям труда и постоянное взаимодействие с людьми.

Компетенции-«аутсайдеры» на РТ нужны не большинству, а тем, кто занимает более ответственную или руководящую позицию. Большинство исполнителей свою работу управленческой не считает, планирование («проектирование») и преподнесение отчета руководству («презентация») в их функции не входит. Работа учителя не является управленческой, менеджерскими можно признать только функции классного руководителя. В ежедневной конкурентной борьбе за неделимый ресурс участвует меньшинство работников, и в нашем менталитете конкуренция не приветствуется.

Высокая степень согласованности ответов между школой и РТ не объясняет исходную позицию работодателей о том, что «школа к работе не готовит». Если учителя действительно дают выпускникам школ то, что востребовано рынком труда, не было бы необходимости искать точки сближения позиций учителей и работодателей. Вероятнее всего, разные группы по-разному воспринимают формулировки «целенаправленных действий» (слово «компетенция» в анкете не использовалось), несмотря на дополнения и пояснения к ним. На такой вывод наводит сопоставление ответов респондентов на вопросы «Чему... Вы сами учились?» и «Что применялось в вашем обучении

целенаправленным действиям?». Наиболее часто встречающиеся ответы респондентов обеих групп приведены в табл. 2.

Таблица 2

Основные способы развития компетенций
у учителей и представителей РТ

Компетенции, которым обучались респонденты	Способы, формы, приемы обучения	
	Рынок труда	Школа
Адаптироваться	Обучение при введении в организацию, инструктаж; наставничество	Деловые и ролевые игры; изучение видеозаписей
Взаимодействовать	Обучение при введении, инструктаж	Деловые и ролевые игры; изучение документов
Говорить и писать	Обучение при введении; деловые игры	Ротация, аудиторные программы
Достигать	Наставничество	Инструктаж
Конкурировать	Аудиторные программы	Стажировка
Презентовать	Изучение кейсов, видеозаписей	Изучение кейсов, аудиторные программы, стажировка
Проектировать	Деловые и ролевые игры; изучение кейсов; тренажеры	Изучение кейсов; Обучение на тренажерах
Управлять	Стажировка; ротация; наставничество	Стажировка; ротация;
Учиться	Изучение документов	Дистанционное обучение, изучение видеозаписей

Несовпадение ответов по большинству компетенций позволяет предположить, что учителя и представители РТ к процессу обучения (как к собственному, так и к обучению других людей) относятся по-разному – для учителей это их основная профессиональная деятельность, на РТ это деятельность, сопутствующая основной. Поэтому в школе и на РТ по-разному осмысливается содержание компетенции в привязке к обучению. Например, «взаимодействие» на РТ – это дело «житейское», ему учатся не специально, а в ходе адаптации. Для учителей взаимодействие – процесс, наполненный этическими и психологическими моментами, они ему обучаются на

деловых играх, а изучение документов нужно для понимания правил взаимодействия. Так объясняется различие по каждой компетенции.

Таким образом, индивидуальное понимание того, как формируется компетенция, какой прием ей способствует, зависит от профессиональной деятельности. Высокая степень согласованности представителей разных страт в вопросах о том, чему надо обучать коллег, школьников, что используется каждый день и т. д., наводит на мысль о том, что мы имеем дело со стереотипной социокультурной, социально желательной реакцией респондентов, связанной с единым пониманием того, «как должно» обстоять дело с обучением в школе и «что нужно» всем демонстрировать на работе. Эта реакция оказывается сильнее профессиональных различий, приближая ответы респондентов обеих групп к общей «идеальной» картине, вследствие чего иерархизированные ряды компетенций различных групп близки к совпадению.

Заключение

Как показывает данное исследование, компетенции, сформулированные в результате мыслительной операции абстрагирования представителей одной социальной страты или социальной группы, ограниченно пригодны в качестве средства донесения информации до другой социальной группы. Их использование в исследовательских целях в анкетах не застраховано от упомянутых выше искажений. Такое же искажение, но с большими социальными последствиями можно предположить и при понимании компетенций, изложенных в профессиональных стандартах, которые передают требования министерств и ведомств коллективу преподавателей [Толочек 2019, с. 124].

На определенном этапе своего естественного развития или реформирования школа станет заинтересованной в конкурентоспособности своих выпускников не только как абитуриентов, но и как работников, и тогда будет важно, чтобы в институционализированном диалоге между рынком труда и школой использовались однозначно понимаемые понятия. Такими понятиями могут стать либо конкретные действия, знания и навыки, либо «профессионально-важные качества» [Карпов 2022], апробированные в профессиологии еще в 1920-х годах и проверенные временем.

Поиск валидного инструмента для сближения позиций школы и рынка труда потребует дополнительных исследований, без которых конструктивное взаимодействие и подготовка выпускника школы к работе вряд ли осуществимы.

Литература

- Весманов и др. 2015 – *Весманов С.В., Весманов Д.С., Шевченко П.В.* Анализ образовательных запросов заказчиков образовательных услуг общего образования: границы и методика // Вестник МГПУ. Серия: Экономика. 2015. № 4 (6). С. 89–105.
- Гладкая 2011 – *Гладкая И.В.* Становление понятия «Профессиональная компетентность» в теории профессионального образования // Человек и образование. 2011. № 2. С. 130–134.
- Карпов 2022 – *Карпов А.А.* К проблеме разработки обобщающей классификации профессионально важных качеств (ПВК) // Методология современной психологии. 2022. № 15. С. 96–111.
- Маркова 1996 – *Маркова А.К.* Психология профессионализма. М.: Междунар. гуманитар. фонд «Знание», 1996. 312 с.
- Петровская 1989 – *Петровская Л.А.* Компетентность в общении. Социально-психологический тренинг. М.: МГУ, 1989. 216 с.
- Слукина 2015 – *Слукина Т.Л.* Школьная отметка – главный критерий конкурентоспособности выпускника школы // Управление качеством образования. 2015. № 8. С. 20–22.
- Толочек 2019 – *Толочек В.А.* Компетентностный подход и ПВК-подход: возможности и ограничения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. Т. 9. Вып. 2. С. 123–137.
- Шаповалов 2008 – *Шаповалов В.И.* Конкурентоспособность учащегося как интегральный критерий эффективности дополнительного образования школьников // Известия ВГПУ. 2008. № 6. С. 36–40.
- Шевченко 2019 – *Шевченко И.О., Шевченко П.В.* Гендерные особенности прекарности // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 84–95.
- Шевченко 2022а – *Шевченко П.В.* Вне фокуса внимания школы // Системная психология и социология. 2022. № 2. С. 75–83.
- Шевченко 2022б – *Шевченко П.В.* Московская школа: итоги реформ // Наука. Культура. Общество. 2022. № 3. С. 122–136.

References

- Gladkaya, I.V. (2011), “The ‘Professional competence’ concept formation in the theory of vocational education”, *Man and education*, no. 2, pp. 130–134.
- Karpov, A.A. (2022), “On the issue of developing a generalizing classification of professionally important qualities”, *Metodologiya sovremennoi psikhologii* [Methodology of modern psychology], no. 15, pp. 96–111.
- Markova, A.K. (1996), *Psikhologiya professionalizma* [Psychology of professionalism], Mezhdunarodnyi gumanitarnyi fond “Znanie”, Moscow, Russia.

- Petrovskaya, L.A. (1989), *Kompetentnost' v obshchenii* [Competence in communication], MGU, Moscow, USSR.
- Shapovalov, V.I. (2008), "Student competitiveness as an integral criterion for the effectiveness of supplementary education for schoolchildren", *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 6, pp. 36–40.
- Shevchenko, I.O. and Shevchenko, P.V. (2019), "Gender Features of Precarity", *Sociological Studies*, no. 9, pp. 84–95.
- Shevchenko, P.V. (2022a), "Out of the school attention focus", *Systems psychology and sociology*, no. 2, pp. 75–83.
- Shevchenko, P.V. (2022b), "Moscow School. Results of the reforms", *Science. Culture. Society*, no. 3, pp. 122–136.
- Slukina, T.L. (2015), "School grade as the main criterion for the school graduate competitiveness", *Upravleniye kachestvom obrazovaniya* [Quality management of education], no. 8, pp. 20–22.
- Tolochek, V.A. (2019), "Competence and PCC approach. Opportunities and limitations", *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, vol. 9, iss. 2, pp. 123–137.
- Vesmanov, S.V., Vesmanov, D.S. and Shevchenko, P.V. (2015), "Analysis of educational requests of customers for educational services of general education. Boundaries and methodology. *MCU Journal of Economic Studies*, no. 4 (6), pp. 89–105.

Информация об авторе

Павел В. Шевченко, кандидат психологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия; 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4; shevpav@yandex.ru

Information about the author

Pavel V. Shevchenko, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Moscow City University, Moscow, Russia; Vtoroi Selskokhozyaistvennyi proezd, bld. 4, Moscow, Russia, 129226; shevpav@yandex.ru.

Педагог:
границ профессионального становления

Марина Б. Буланова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, marina_bulanova@inbox.ru*

Аннотация. В статье ставится цель показать различные грани профессии педагога, определить особенности профессиональной подготовки в данной сфере деятельности человека. Используя методологию М. Вебера, автор раскрывает причины влияния педагога на своих учеников, связанные с сохранением традиций, особой личной харизмой, а также деловыми компетенциями. Предлагая разделить педагогов на две группы (по призванию и по профессии), автор затрагивает наиболее актуальную тему, вызвавшую широкую общественную дискуссию, – об отнесении образования к сфере услуг. Для определения специфики профессии используется социотехнологический подход, предложенный Ж.Т. Тощенко, согласно которому выделены интеллектуальный, сенсорно-перцептивный, организационный и нравственный компоненты личности педагога. Особое внимание уделено значению мотивации в выборе профессии педагога. Именно внутренние мотивы, связанные с осознанием своего призвания и способностей к обучающей коммуникации с детьми, создают необходимую положительную установку на занятия педагогической деятельностью. Наконец, в статье рассматриваются преимущества и недостатки современной подготовки педагогов в классических университетах и педагогических вузах.

Ключевые слова: профессия, педагог, учитель, престиж профессии, статус учителя

Для цитирования: Буланова М.Б. Педагог: грани профессионального становления // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 4. С. 89–98. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-89-98

Teacher: sides of professional development

Marina B. Bulanova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
marina_bulanova@inbox.ru*

Abstract. The article aims to show the various sides of the teaching profession, to determine the features of professional training in that field of human activity. Using the methodology of M. Weber, the author reveals the reasons for the influence of a teacher on his students, associated with the preservation of traditions, special personal charisma, as well as business competencies. Proposing to divide teachers into two groups (by vocation and by profession), the author touches on a sore subject that caused a wide public discussion – the attribution of education to the service sector. To determine the specifics of the profession, the sociotechnological approach proposed by Zh.T. Toshchenko, according to which the intellectual, sensory-perceptual, organizational and moral components of the teacher's personality are highlighted. Particular attention is paid to the importance of motivation in choosing the profession of a teacher. Notably the internal motives associated with the awareness of one's vocation and abilities for teaching communication with children that create the necessary positive attitude to engage in pedagogical activities. Finally, the article discusses the advantages and disadvantages of modern teacher training in classical and pedagogical universities.

Keywords: profession, pedagogue, teacher, profession prestige, teacher status

For citation: Bulanova, M.B. (2022), "Teacher. Sides of professional development", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 89–98, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-89-98

Введение

Под общим названием «педагог» скрывается целый комплекс профессий. Среди них традиционные (учитель, воспитатель, наставник) и современные (коуч, тренер, репетитор, преподаватель). Поэтому термин «педагог» означает деятельность, связанную с обучением и воспитанием других людей. Быть педагогом означает стремиться к участию в воспитании человека или к оказанию влияния на социализацию личности. Если о ком-то говорят, что это – педагог, то тем самым подразумевают, что интересы участия в воспитании и обучении человека являются для него определяющими, или обозначают конкретную сферу его деятельности.

Педагог – это влиятельный человек

Педагог прежде всего является авторитетом для своих учеников, и в этом плане имеет над ними власть или влияние. Каковы основания такого влияния? Используя подход М. Вебера, можно выделить по крайней мере три вида «внутреннего оправдания» данного влияния. Во-первых, авторитет каждого педагога проистекает из деятельности сотен тысяч педагогов, которые веками «сеяли разумное, доброе, вечное» (Н. Некрасов), создавая привычное поле ориентации на традицию, что быть педагогом – сохранять статус человека, деятельность которого признается и одобряется обществом. Во-вторых, это внутренняя харизма, набор индивидуальных черт, позволяющий отдельным личностям быть учителями не только для своих учеников, но и всего человечества. «Великими учителями» называли и Иисуса Христа, и Махатма Ганди. Да и сейчас понятие «научная школа» связано с харизмой ученого, стоящего во главе данной школы и имеющего право влиять на своих учеников, вести их за собой. В этом особом смысле речь идет о призвании: «человек подобного типа считается внутренне “призванным” руководителем людей, а последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него»¹. Отсюда берет истоки приверженность сторонников и последователей учителю. В-третьих, основанием влияния конкретного учителя является набор его деловых компетенций, лежащих в основе рациональных правил, выполнения которых он требует от учеников. Своей профессиональной деятельностью он доказывает, что знает, владеет какой-то областью знаний (математикой, физикой, философией или социологией) лучше, чем те, кого он обучает. В этом смысле каждый урок становится (или не становится) доказательством влияния учителя, подтверждает (или не подтверждает) его авторитет.

Педагог: служение или обслуживание

Следуя методологии М. Вебера, можно разделить педагогов на две группы – по призванию и по профессии. Конечно, это разделение условное, так как «всякий серьезный человек, живущий для какого-то дела, живет также и этим делом»². Однако для того, кто

¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kant.narod.ru/weber.htm> (дата обращения 13 ноября 2022).

² Там же.

ждет дохода от этой профессии, она – лишь определенный способ заработка. Как уточнял социолог-классик, в таком случае он становится «обходимым», т. е. его возможно заменить. Тогда как работающий по призванию становится «необходимым», причем чем более он талантлив, тем реже возможна его замена: «В большинстве случаев он с трудом может хотя бы на время позволить заместить себя»³. Этим и объясняется ситуация, сложившаяся в современных учреждениях образования: педагоги, приходящие ради материальной выгоды, легко уходят с работы, а те, кто имеет другую цель и состоялся в профессии, как правило, редко меняют сферу деятельности. Пожалуй, педагог – одна из тех профессий, в которой продолжают работать люди намного старше возраста выхода на пенсию.

Одна из наиболее острых проблем, ставшая темой общественных дискуссий в последнее время, связана с отнесением сферы образования к чуждой ей сфере услуг. Преобладание экономических смыслов профессии спровоцировало ситуацию поиска новых источников повышения зарплаты педагогам, что в свою очередь привело к коммерциализации средней и высшей школы, появлению платных услуг в образовании. Поэтому термин «образовательные услуги» незаметно вошел в законодательные акты и привел к соответствующему искажению той части профессии педагога, которая связана с призванием. Сторонники отказа от термина «образовательные услуги» в качестве аргументов приводили следующие: во-первых, понимание образования как услуги выхолащивает его суть – формирование качеств культурной и знающей личности; во-вторых, такой статус образования способствует появлению рынка образовательных услуг, где есть продавец и покупатель; в-третьих, отношения купли-продажи распространяются на главных участников-субъектов образовательного процесса: учителя и ученика.

Против подобного отношения к профессии педагога и выступила общественность. Так, например, Ж. Горохова (учитель истории и обществознания из г. Ярославля) заявила, что слово «услуга» неправильно применять к работе учителя. Ее мнение поддержал О. Смолин (первый зампред Комитета Госдумы по образованию и науке), подчеркнув, что понятие «образовательные услуги» принижает работу педагога:

Мы не чистильщики сапог и никому услуг не оказываем. Наша работа – это служение и миссия. Теория услуг выхолащивает все духовное и нравственное содержание педагогической работы⁴.

³ Там же.

Наконец, А. Калягин (народный артист РСФСР, художественный руководитель московского театра “Et Cetera”) выразил позицию по данному вопросу представителей сферы культуры:

Я бесконечно говорю о том, что потребность в приобщении к культуре, как и потребность в образовании, научной деятельности нельзя называть услугой⁴.

В результате этой общественной дискуссии был принят Федеральный закон от 14.07.2022 № 295-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”», который исключил термин «государственная и муниципальная услуга в сфере образования» из статей, регулирующих вопросы финансирования образования. Однако вопрос, изменятся ли после этого отношения между сторонами, участвующими в образовании, остается открытым.

Таким образом, настоятельным вызовом современности становится переосмысление места и роли профессии педагога, а также опыта подготовки педагогических кадров.

В чем же специфика профессии педагога?

Согласно социотехнологическому подходу Ж.Т. Тощенко, профессия педагога относится к блоку профессий «человек–человек», к деятельности в которых предъявляются особые требования. Среди них: готовность оказать максимальное внимание и помощь другому человеку, проявляя к нему искренние и дружеские чувства; инициативность и творческий подход к делу; солидарность, поддержка коллег; стремление к успеху в коллективной работе и постоянное стремление к новым вершинам в своей деятельности [Тощенко 2022, с. 71]. Для педагога имеет важное значение так называемый личностный компонент, прежде всего любовь к детям – своим ученикам и интерес к их обучению и воспитанию, коммуникативность;

⁴ Соколова М. Понятие «образовательная услуга» предложили удалить из законодательства // Парламентская газета. 2021. 1 сент. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/social/ponyatie-obrazovatel'naya-uslugu-predlozhili-udalit-iz-zakonodatelstva.html> (дата обращения 10 ноября 2022).

⁵ Калягин А. «Мы можем потерять отечественную культуру»: Интервью от 26 сентября 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://samcult.ru/review/15921> (дата обращения 14 ноября 2022).

«сенсорно-перцептивный компонент», связанный с вниманием, наблюдательностью, эмпатией (пониманием и сопереживанием) и устойчивостью к стрессам; «организационный компонент» – способность к командной работе, ответственность, требовательность и терпимость; «интеллектуальный компонент» – широкий кругозор, разносторонние интересы, способность осваивать новые знания и образовательные технологии, чувство юмора, умение находить выход из конфликтных ситуаций; «нравственный компонент» – тактичность, доброжелательность, толерантность. Психологи также подчеркивают важность для педагога развития мелкой моторики и особых качеств речи: ясной, четкой, понятной для слушателей.

Общими характеристиками деятельности педагога являются передача знаний и навыков по определенному предмету обучения в разных формах (уроки, лекции, семинары, практикумы, тренинги и др.). Учитель формирует у своих учеников интерес к предмету, помогает им понять возможности и развить способности к определенному виду деятельности. В своей работе он учитывает возрастные и индивидуальные особенности обучающихся. Составляет программы, заполняет необходимую документацию и совершенствует формы обучения, а также развивает умение доступно и ясно излагать материал, контролировать его усвоение учениками. Регулярно повышает свой уровень квалификации.

Предлагаемые конкретные специальности для педагогов можно разделить на две группы. Первая группа относится к работе в учебных заведениях (воспитатель дошкольных заведений, учитель начальной школы, учитель-предметник, преподаватель конкретных дисциплин в учреждениях среднего и высшего образования; социальный педагог, педагог-мастер профессионального обучения и др.). Вторая группа охватывает виды педагогической работы вне учебных заведений (обучение через Интернет, репетиторство, коуч специальных тренингов и пр.).

Мотивация личности к педагогической деятельности

Вопрос мотивации имеет центральное значение при выборе профессии педагога. С этой целью исследуются мотивы, которые приводят человека к решению поступить в педагогический вуз. Внутренние мотивы, связанные с потребностью личности в занятии общественно-полезным, интересным и творческим видом деятельности дают ту положительную установку на профессию педагога, которая необходима для того, чтобы обучаться педагогической

специальности и сохранить интерес к профессии после окончания вуза. Среди внутренних мотивов можно выделить и интерес к предмету преподавания. Однако как фактор мотивации поступления в педагогический вуз этот интерес не всегда сопровождается интересом к профессии педагога. Часто стремление таких абитуриентов заняться любимым делом никак не связано с их желанием попробовать свои силы на педагогическом поприще. Например, интерес к изучению иностранного языка, который может быть сильным мотивом поступления на соответствующий факультет педвуза, далеко не всегда приведет выпускника в школу.

К внешним мотивам относятся те из них, которые находятся за пределами непосредственно педагогической деятельности. В первую очередь, это стремление человека получить высшее образование в любой сфере деятельности (возможно, и в педагогической). Во вторую очередь, к этим мотивам можно отнести стремление личности к получению любой профессии в сфере умственного труда (например, стать педагогом). В этом случае конкретными мотивами выбора педагогического вуза может стать умеренный конкурс или удачное местоположение высшего учебного заведения.

Еще в советское время было отмечено, что на педагогические специальности в вузы пробуют поступить немало юношей и девушек, не имеющих желания в будущем заниматься педагогической деятельностью. Ф.Г. Зиятдинова выделила (в зависимости от мотивации) три типа молодежи. Первый тип – молодежь, имеющая устойчивый внутренний интерес к педагогической деятельности, которая, возможно, уже пробовала ею заниматься в тех или иных формах (примерно 40%). Второй тип – молодежь, не представляющая себя в будущем в роли учителя или воспитателя, но интересующаяся самим предметом обучения, отраслью конкретных знаний (примерно 35–40%). Третий тип – молодежь с неопределившимися способностями и несформировавшимся интересом (20–25%) [Зиятдинова 1999: 218]. Эта классификация сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Конечно, принимая в стены вуза молодежь второго и третьего типа, профессорско-преподавательский состав берет на себя миссию помочь молодым людям сформировать интерес к профессии педагога, но в большинстве случаев эта миссия остается невыполненной. Поэтому среди молодых учителей, только пришедших в школу после окончания вуза, примерно пятая часть стремится уйти из профессии или сменить место работы.

Кроме того, в качестве внешних мотивов могут выступать рекомендации учителей, родных и близких. К этой группе внешних мотивов относится проблема сохранения учительских династий. Следование семейной традиции не всегда приводит к положитель-

ным результатам. Исследования показывают, что из тех, кто выбрал профессию, опираясь на советы родителей-педагогов, не чувствуя личной склонности, степень удовлетворенности своей учительской судьбой невелика, большинство остаются в профессии в силу сложившихся обстоятельств.

Классические университеты или педагогические вузы?

Если говорить о высшем образовании, в настоящее время в России насчитывается 319 вузов с педагогическими специальностями. Причем сложились три варианта встраивания педагогического образования в структуру классического университета: отдельный факультет, отделение или институт. Часть современных многопрофильных университетов сформировалась на базе бывших педагогических институтов. Так, например, Мурманский арктический государственный университет является преемником Мурманского учительского института, открытого в 1939 г. В составе этого вуза сохранился Психолого-педагогический институт, в состав которого включены две кафедры: педагогики; психологии и коррекционной педагогики. Институт готовит кадры учителей начального образования, педагогов дополнительного образования, воспитателей, логопедов, дефектологов, психологов. Кроме того, подготовка учителей-предметников реализуется в рамках деятельности других Институты и факультетов данного вуза. Так, Институт креативных индустрий и предпринимательства готовит учителей экономики, географии, ИЗО, технологии⁶. Но такая разносторонняя педагогическая подготовка в рамках одного учебного заведения представлена не во всех многопрофильных вузах.

Кроме того, в стране ведут целенаправленную подготовку кадров 33 педагогических вуза. Например, подготовка всех ступеней и уровней педагогического образования ведется в Московском педагогическом государственном университете (МПГУ), который сохраняет верность историческим традициям, а свою 150-летнюю историю начинает с 1872 г., с открытия Московских высших женских курсов⁷.

⁶ Официальный сайт Мурманского арктического государственного университета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.masu.edu.ru/structure/insts/ppi/> (дата обращения 12 ноября 2022).

⁷ Официальный сайт Московского педагогического государственного университета [Электронный ресурс]. URL: <http://mpgu.su/150-let-mpgu/> (дата обращения 12 ноября 2022).

Формы обучения в педагогических вузах разнообразны: очная, очно-заочная, заочная; ступени: бакалавриат–магистр–специалист.

Возникает вопрос, где лучше готовить учителей: в классическом университете или в педагогическом вузе? Мнения научной общности разделились. Классические университеты всегда были ориентированы на подготовку кадров преподавателей школ и университетов. Доводы в пользу подготовки педагогов в классическом университете: высокое качество подготовки, повышение статуса педагога, сокращение доли профанации в образовании. Аргументы сторонников педагогических вузов – специфика подготовки педагога: ему требуется больший объем практик, чем может предоставить классический университет, особая психолого-педагогическая подготовка, а не только чтение общих курсов педагогики и психологии, наконец, представление о разных ступенях и формах педагогического процесса. Очевидно, можно учесть специфику подготовки педагогов в классических университетах, если удастся объединить предметное и психолого-педагогическое образование, особое внимание уделить практике и предусмотреть формы взаимодействия с педагогическими вузами.

Заключение

Итак, профессия педагога содержит различные грани влияния, призвания, ответственности и самоотдачи. Особое значение в данной профессии имеет мотивация личности к данному виду деятельности. Специфика профессиональной подготовки педагогов будет рассмотрена в следующей статье.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке проекта Минобрнауки РФ «Социальные факторы производительности труда: состояние, проблемы, пути решения» (FSZG-2022-001).

Acknowledgements

The article was prepared with the support of the project of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation “Social factors of labor productivity. State, issues solutions” (FSZG-2022-001).

Литература

Зиятдинова 1999 – *Зиятдинова Ф.Г.* Социальные проблемы образования. М., 1999.
Тощенко 2022 – *Тощенко Ж.Т.* К классификации профессий: социотехнологическое изменение (опыт методологического анализа) // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 66–76.

References

Ziyatdinova, F.G. (1999), *Social'nye problemy obrazovaniya* [Social issues of education]. Moscow, Russia.
Toshchenko, Zh.T. (2022), “On the classification of professions. Sociotechnological approach (an essay of methodological analysis)”, *Sociological Studies*, no. 6, pp. 66–76.

Информация об авторе

Марина Б. Буланова, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; marina_bulanova@inbox.ru

Information about the author

Marina B. Bulanova, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; marina_bulanova@inbox.ru

Специфика подготовки профессионалов
типа «человек-знак»:
особенности производственной практики
дизайнеров и архитекторов

Георгий В. Ниорадзе

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, nioradzersuh@gmail.com*

Аннотация. В данной работе исследуются проблемы производственной практики при подготовке студентов по профессиям «человек-знак». В соответствии с социотехнологическим подходом «человек-знак» является составным элементом «человека-творчества» и отличается созданием и использованием различных знаковых систем. В данной работе анализируются направления обучения – дизайн и архитектура. Для этого автором решаются следующие задачи: 1) проанализировать научную литературу по проблемам производственной практики в сфере дизайна и архитектуры; 2) определить вузы, осуществляющие подготовку кадров по указанным специальностям (профилям) подготовки; 3) произвести отбор вузов для последующего анализа особенностей производственных практик по указанным специальностям (профилям) подготовки; 4) провести серию глубинных интервью с трудоустроившимися выпускниками, проходившими обучение по указанным специальностям (профилям) подготовки. Полученные данные не позволяют говорить о кардинальном ухудшении или улучшении положения дел в сфере производственной практики. Тем не менее выделен ряд проблем, среди которых укороченная практика для бакалавриата архитектуры, ограниченность баз практики, неактуальность и противоречивость учебных планов и др. образовательных документов на сайтах вузов. Кроме того, в ходе глубинных интервью выявлены общие и специфические (характерные только для дизайнеров и архитекторов) проблемы эффективности производственной практики.

Ключевые слова: производственная практика, проблемы образования, дизайн, архитектура, человек-знак, выпускники

Для цитирования: Ниорадзе Г.В. Специфика подготовки профессионалов типа «человек-знак»: особенности производственной практики дизайнеров и архитекторов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 4. С. 99–110. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-99-110

© Ниорадзе Г.В., 2022

Specifics in training professionals of the “man-sign” type: features of work practice for designers and architects

Georgii V. Nioradze

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
nioradzersuh@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the issues of work training (internship) for students getting educated in the areas of “man-sign”. In accordance with the socio-technological approach, a “man-sign” is an integral element of “man-creativity” and is distinguished by the creation and use of various sign systems. The paper analyzes the areas of study – design and architecture. To do so, the author solves the following tasks: 1) to analyze the scientific literature on the issues of work training (internship) in the field of design and architecture; 2) to identify universities that provide training in the specified specialties (profiles) of education; 3) to select universities for subsequent analysis of the features of work training (internship) in the specified specialties (profiles) of education; 4) conduct a series of in-depth interviews with employed graduates who were trained in the specified specialties (profiles) of education. The data obtained do not allow speaking about a cardinal deterioration or improvement in the state of affairs in the field of work practice. Nevertheless, the author identifies a number of issues including a shortened practice for a bachelor’s degree in architecture, limited practice bases, irrelevance and inconsistency of curricula and other educational documents on the websites of universities. In addition, during in-depth interviews, general and specific (characteristic only for designers and architects) issues of the effectiveness of production practices were also identified.

Keywords: work training (internship), issues of education, design, architecture, man-sign, graduates

For citation: Nioradze, G.V. (2022), “Specifics in training professionals of the ‘man-sign’ type: features of work practice for designers and architects”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 99–110, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-99-110

Введение

Производственная практика – обязательный элемент структуры программ высшего образования согласно ФГОС ВО. Качество ее проведения влияет на квалификацию выпускников, что затем сказывается на производительности труда. С точки зрения теории капиталов П. Бурдьё, предполагается существование трех

основных капиталов: экономического (зарплата выпускников), культурного (уровень квалификации), социального (связи и знакомства с другими выпускниками и пр.) [Бурдые 2002]. При этом социальный капитал особенно интересен в контексте анализа производственной практики, поскольку такие аспекты качества производственной практики, как погружение в профессиональную среду, установление отношений с будущим работодателем, описываются через социальный капитал. Вместе с тем и культурный капитал увеличивается при формировании релевантных навыков во время прохождения производственной практики. Все это отражается на экономическом капитале будущего работника.

Актуальность изучения производственных практик профессий «человек-знак» (архитектура и дизайн) продиктована тем, что ежегодно (2018–2020 гг.) выпускаются в количестве около 11 тыс. чел.¹ дизайнеры и архитекторы (бакалавры, специалисты, магистры), вступающие в трудовую жизнь и реализующие свои навыки. В этой связи качество производственной практики и ее особенности оказывают влияние на производительность труда архитекторов и дизайнеров, определяющих городской облик, предметы интерьера, цифровые изображения и др.

Таким образом, целью данной работы является анализ проблемы производственной практики при реализации образовательных программ на уровнях бакалавриата и магистратуры по направлениям «дизайн» и «архитектура» («человек-знак»).

Теоретический обзор

В научной литературе обнаружено несколько подходов к классификации профессий [Никандров, Грохольская 2012; Абрамов 2014]. Наиболее релевантным является *социотехнологический подход* Ж.Т. Тощенко, предполагающий классификацию профессий по предмету труда: «человек – техника», «человек – природа», «человек – человек», «человек – творчество» [Тощенко 2022]. При этом «человек – знак» является составляющим элементом «человека – творчества», однако не тождественен ему.

Анализ научной литературы по проблемам подготовки специалистов в сфере дизайна и архитектуры показал, что в основном публикации по проблемам производственной практики носят либо отчетно-информационный характер, описывающий достоинства

¹ Российский статистический ежегодник. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 202–203.

практики в отдельных вузах [Пуляевский, Захарчук 2021], либо статьи носят обобщенный характер проблем образования и производственной практики дизайнеров-архитекторов. Так, например, авторы анализируют специфику подготовки архитекторов в контексте перехода из индустриального в постиндустриальное общество. В.Ю. Сапугольцев, М.А. Сапугольцева приходят к выводу, что если в условиях индустриального общества архитектурное образование регламентировалось жесткими государственными стандартами, то в постиндустриальную эпоху зарождается и требует внедрения более инновационная модель, направленная не на соответствие навыков студента государственным стандартам, а на формирование креативных способностей студента [Сапугольцев, Сапугольцева 2016]. В этом контексте существенную роль играет самообразование. Н.А. Ковешникова отмечает, что специфика деятельности дизайнера в постиндустриальном обществе проявляется в умении аналитически аккумулировать релевантную информацию и воплощать ее в понятных для аудитории знаках и символах [Ковешникова 2011]. Таким образом, данные исследования являются важными при анализе проблем подготовки архитекторов и дизайнеров, однако не дают информации о конкретных сложностях производственной практики профессий «человек-знак».

Методология

Для достижения поставленной цели использовались следующие методы. Во-первых, *анализ документов* вузов, включающий учебные планы, отчеты о самообследовании, официальные сайты и пр. Объектом анализа являлись виды практики, количество зачетных единиц (з. е.) для видов практики, количество мест для приема. В основу отбора вузов были положены специальности, соответствующие группе профессий «человек-знак»: обнаружено около 70 вузов, где проходят подготовку студенты по направлению «Архитектура» (07.03.01), и 150 вузов, где проходят подготовку студенты по направлению «Дизайн» (54.03.01). Следующий шаг отбора – профилированность учебного заведения: принимались только те вузы, которые ориентированы на подготовку архитекторов, дизайнеров. Последнее условие – вуз располагается за пределами Москвы. Исключение сделано для МАРХИ (для сравнения архитектурных вузов) и МХПА им. С.Г. Строганова (для дизайнерских). Региональные вузы были отобраны случайным образом. Всего к анализу подошли 11 высших учебных заведений, среди которых: Астраханский государственный архитектурно-строи-

тельный университет, Казанский государственный архитектурно-строительный университет, Камский институт искусств и дизайна, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Томский государственный архитектурно-строительный университет, Уральский государственный архитектурно-художественный университет и др.

Второй метод анализа – *глубинные интервью*. Отбор информантов для интервьюирования осуществлялся по следующим условиям: 1) диплом в сфере архитектуры и дизайна; 2) окончили вуз не более 10 лет назад (как правило, не более 7). Выпускники – спорный объект для исследования: с одной стороны, устаревшая социальная реальность, но, с другой стороны, более объективная оценка полученного образования с высоты профессионального опыта. Всего в ноябре 2022 г. опрошено 10 информантов (3 мужчин, 7 женщин). Вузы: московские (МХПА им. С.Г. Строганова, МАРХИ, НИУ ВШЭ, НИД), а также региональные (СПбГУПТД, СГУПС, УРФУ, СамГТУ). Удалось зафиксировать несколько образовательных и карьерных особенностей: 1) окончание только бакалавриата; 2) окончания бакалавриата и магистратуры; 3) окончание бакалавриата в одном дизайнерском вузе и поступление в магистратуру в другой; 4) зарубежный опыт; 5) частный профессионал (наемник или фрилансер); 6) руководитель в архитектурной организации. Все это позволило получить более широкие взгляды на положение вещей в контексте производственной практики.

Проблемы производственной практики студентов-архитекторов и дизайнеров: формальная сторона

Анализ учебных планов выявил следующие проблемы. Во-первых, студентам бакалавриата по направлению «Архитектура» (07.03.01) отводится всего 16 з. е. на практику, тогда как у дизайнеров (54.03.01) – 30 з. е. Ситуация меняется в магистратуре (07.04.01), где минимум, отведенный студентам-архитекторам для практики, уже 30 з. е. Анализ учебных планов показывает, что в целом вузы (4 из 7) стремятся осуществлять производственную практику в количестве 24 и более з. е. Таким образом, заниженное количество з. е., отведенную на практику по ФГОС, позволяет

некоторым вузам «экономить» на подготовке выпускников, что приводит к снижению качества образования. Во-вторых, анализ документов по базам практики показал, что указанное общее количество внешних баз практики не соответствует реальным возможностям студентов, обучающихся на конкретных специальностях профильного вуза. Так, например, ННГАСУ (Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет) декларирует 115 долгосрочных договоров с внешними организациями о прохождении производственных практик². При этом архитекторы могут пройти практику лишь в 30-и из них, а именно бакалавры той же специальности (07.03.01) – в четырех. В-третьих, на сайтах вузов регулярно встречаются противоречащие друг другу документы о практиках с разным сроком давности или вовсе в отрыве от учебного плана.

Использование качественных методов позволило выявить конкретные проблемы производственной практики в контексте учебы и дальнейшей карьеры. Часть из этих проблем могут быть отнесены и к другим направлениям обучения, а часть носит специфический характер.

Общие проблемы производственной практики

В результате интервью удалось выявить несколько стратегий вузов по отношению к практикантам: 1) обеспечение базами практики или возможностями прохождения во внешних профильных организациях; 2) вузы не предоставляют никаких возможностей, но требуют прохождения практики:

Меня не отправляли от вуза, я сама туда пришла... А нас не отправляют... в обязательном порядке мы подписывали какие-то документы о том, что мы прошли практику там-то, там-то (*P2, архитектор*).

При этом вуз не предлагает закрыть практику формально, требует документы, но не интересуется, где и как она проходила.

Неоднократно фиксировалось мнение, что сама учебная программа более полезна, нежели производственная практика. Исходя из этого, практика не выполняет своей основной задачи: формиро-

² Реестр долгосрочных договоров с организациями о практической подготовке обучающихся ННГАСУ на 10.01.2022 г. URL: https://nngasu.ru/шмц/uo/reestr_dogovorov_190122.doc (дата обращения 13 ноября 2022).

вания и отработки практических навыков. Отчасти это связано с компетентным подходом, который во многом ориентирует студентов на конкретные, практикоориентированные навыки с первых дней обучения в вузе даже на теоретических занятиях.

Большинство опрошенных информантов в качестве основного недостатка пройденной производственной практики в профильной организации отмечают невнимание сотрудников, то есть отсутствие института наставничества. Причем один из информантов с первого курса привлекался к дополнительным практикам в крупной строительной компании, но даже в этом случае отмечается незаинтересованность кураторов, «брошенность» студентов:

Если справляешься – будешь в каком-нибудь передовом месте... А ребята, которые не могли быстро адаптироваться, были вынуждены считать болты, промывать их, собирать метизы (*P4, архитектор*).

При этом речь идет не о враждебности сотрудников, а о неотрабочанном механизме взаимодействия между вузом, практикантом и профильной организацией.

Исследование отразило другую грань производственной практики: предустановку студентов (нынешних выпускников), что практика – это формальность. Так, в ходе одного из интервью информант крайне критически рассказывала о формализме во время практики, но при более детальном опросе выяснилось, что последняя практика была полезной. После чего был сделан вывод, что полезной эта практика стала тогда, когда информант больше сформировалась как специалист (на последнем курсе). Это иллюстрирует тот факт, что оценки практики зависят не только от качества деятельности вуза и профильной организации, но и от профессиональной состоятельности студента.

Если студент оценивает практику как бесполезность, это способствует его более раннему выходу на рынок труда, чтобы в дальнейшем проходить практику по месту трудоустройства и получить реальный опыт с записью в трудовой книжке. Один из респондентов признался, что работодатели оценивают опытность дизайнера по трудовому стажу:

...им нужен был именно опыт, допустим от 3-х лет именно в какой-нибудь компании (*P3, дизайнер*).

Отметим, что мнения разделились, и остальные информанты называют другой критерий опытности (об этом в параграфе ниже). Информанту, начавшей карьеру во время учебы, был задан вопрос

о том, что же все-таки лучше: проходить вузовскую практику или работать параллельно с учебой. Ответ был неоднозначным: если вуз предоставит хорошую базу для практики, то стоит ее проходить, а в остальных случаях предпочтительнее выйти на рынок труда и проходить производственную практику по месту работы:

Вот это я думаю стоит посещения, но в целом мне кажется лучше работать (*P5, архитектор*).

Кроме того, специфической траекторией выхода на рынок труда и соответственно прохождения практики является трудоустройство в организацию своего преподавателя:

Я начала работать неофициально у нашего преподавателя во время обучения в школе дизайна (*P7, дизайнер*).

Вместе с тем плохо ли это, что часть студентов из-за недовольства производственной практикой начинает свою трудовую карьеру? Для личностного и профессионального роста это может быть полезнее, поскольку свидетельствует о зрелости студента и сформированности базовых навыков для выбранной специальности.

Специфические проблемы практики дизайнеров и архитекторов

Перечисленные проблемы в параграфе выше характерны в той или иной мере для разных направлений обучения. Однако в контексте специфических проблем производственной практики в сфере архитектуры и дизайна выделим следующее.

В вузе преподаватели-кураторы практики ориентированы на красоту и модность, а реальный работодатель просит более прагматичные решения (с учетом экономической целесообразности):

...кто-то что-то и пытался делать, но потом приходили старшие профессора и говорили: «Это вообще все не надо. Сделайте, чтобы это была красивая картинка и вот так вот сдайте» (*P6, дизайнер*).

Одна из главных проблем практики – отсутствие реализованности проектов во время практики, в то время как работодатель интересуется именно «реализованностью» проектов, а не наличием макетов и планов:

...проекты, которые не реализованы, как правило, отталкивают работодателя (*P1, дизайнер*).

Более того, один из информантов отметила, что даже наличие портфолио менее важно, чем опыт реализованных проектов. Таким образом, мнения информантов относительно того, как судят работодатели об опытности дизайнера, разделились: фрилансер говорит о трудовом стаже, наемные работники говорят о реализованных проектах:

Я вам больше скажу, что если очень хорошие проекты и в трудовой абсолютно ничего нет, то дизайнера все равно примут на работу (*P7, дизайнер*).

Вместе с тем в некоторых случаях учебный проект не несет практической значимости, что не позволяет представить его в резюме:

То, что я делал в этих организациях, в портфолио особо-то и не поставишь... Ну какие-то условно чертежи двери. Ну дверь и дверь (*P9, архитектор*).

Зафиксирована специфическая манипуляция с практиками: высокорейтинговые студенты проходят практику в солидных организациях. Низкорейтинговым будет предложено пройти педагогическую практику – преподавать студентам, которые могут быть всего на год младше них:

Ребята, которые находились в топе рейтинга, их отправляли в какие-то компании, с которыми были соглашения у вуза. А ребята, которые ниже по рейтингу, им предлагали преподавать либо проходить какие-то курсы внутри вуза (*P1, дизайнер*).

Таким образом, во-первых, часть студентов не получают необходимых практических навыков. Во-вторых, на педагогическую деятельность ориентируют заведомо менее успешных студентов.

Заключение

В данной работе представлены результаты анализа проблемы производственной практики при реализации образовательных программ на уровнях бакалавриата и магистратуры по направле-

ниям «Дизайн» и «Архитектура» («человек-знак»). Подготовка специалистов по данным направлениям вносит важный вклад в производительность труда и совершенствование архитектурных и дизайнерских решений. Анализ выявил ряд проблем, однако он не позволяет говорить об ухудшении или улучшении положения дел. Опрошенные информанты регулярно указывали на вероятные позитивные изменения за прошедшие годы их отсутствия в вузе. Кроме того, ни один из опрошенных не критиковал Болонскую систему образования. А наиболее критичный информант говорил о перестроечных эффектах (т. е. уже далеких) и прогнозировал позитивные изменения в ближайшем будущем. Тем не менее анализ документов позволил выявить: 1) укороченные сроки прохождения практики по программам бакалавриата 07.03.01 «Архитектура»; 2) преувеличенное количество баз для практики; 3) неактуальность и несоответствие учебных планов на официальных сайтах. В ходе глубинных интервью выявленные проблемы производственной практики были разделены на общераспространенные и специфические для профессий «человек-знак». К общим отнесены: 1) непредоставление вузами практики, но требование ее прохождения; 2) учебная программа более практикоориентированная, нежели производственная практика; 3) отсутствие института наставничества; 4) качество прохождения практики зависит от личностной зрелости студента; 5) раннее «выталкивание» на рынок труда из-за ощущения бесполезности практики. Специфические черты: 1) преподаватели во время практики требуют разрабатывать проекты, нереализуемые в жизни; 2) отсутствие реализованности проектов во время прохождения практики; 3) педагогическая практика вместо производственной как наказание за невысокую успеваемость.

Благодарности

Выполнено в рамках Государственного задания № 1021091313151-0-5.4.1 «Социальные факторы производительности труда: состояние, проблемы, пути решения (FSZG-2022-0001)». Автор выражает благодарность руководителю проекта Ж.Т. Тощенко, редактору И.О. Шевченко, научному коллективу проекта и анонимным рецензентам.

Acknowledgements

Completed within the framework of State Assignment № 1021091313151-0-5.4.1 “Social factors of labor productivity: State, issues, solutions (FSZG2022-

0001)”. Author expresses sincere gratitude to Zh.T. Toshchenko, the project leader, I.O. Shevchenko, editor, the project scientific team and anonymous reviewers.

Литература

- Абрамов 2014 – *Абрамов Р.Н.* Классификация исследовательских направлений в изучении занятий и профессий // Социологический ежегодник. 2014. № 2013–2014. С. 83–104.
- Бурдые 2002 – *Бурдые П.* Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.
- Ковешникова 2011 – *Ковешникова Н.А.* Актуальные проблемы дизайн-образования в контексте современной теории и практики дизайна // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 4 (96). С. 151–155.
- Никандров, Грохольская 2012 – *Никандров Н.Д., Грохольская О.Г.* Классификация профессий и видов профессиональной деятельности // Научные исследования в образовании. 2012. № 10. С. 3–19.
- Пуляевский, Захарчук 2021 – *Пуляевский П.Е., Захарчук М.Г.* Производственная практика как опыт формирования профессиональных компетенций обучающихся // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2021. Т. 11. № 4 (39). С. 740–751.
- Сапугольцев, Сапугольцева 2016 – *Сапугольцев В.Ю., Сапугольцева М.А.* Роль производственной практики в формировании профессиональной компетентности будущих дизайнеров // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: Материалы Всерос. научно-методич. конф. Оренбург, 3–5 февраля 2016 г. Оренбург: Оренбургский гос. ун-т, 2016. С. 658–663.
- Тощенко 2022 – *Тощенко Ж.Т.* К классификации профессий: социотехнологическое измерение (опыт методологического анализа) // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 66–76.

References

- Abramov, R.N. (2014), “Classification of research directions in occupations and professions studies”, *Sotsiologicheskii ezhegodnik* [Sociological Yearbook], no. 2013–2014, pp. 83–104.
- Bourdieu, P. (2002), “Forms of Capital”, *Economic Sociology*, no. 5, pp. 60–74.
- Koveshnikova, N.A. (2011), “Topical problems of design education in context of modern design theory and practice”, *Tambov University Review. Series: Humanities*, no. 4 (96), pp. 151–155.

- Nikandrov, N.D. and Grokholskaya, O.G. (2012), “Classification of professions and types of professional activity”, *Nauchnye Issledovaniya v Obrazovanii* [Scientific Research in Education], no. 10, pp. 3–9.
- Pulyaevskii, P.E. and Zakharchuk, M.G. (2021), “Internship as a practice of developing professional competencies of students”, *Proceedings of Universities. Investment. Construction. Real estate*, vol. 11, no. 4, pp. 740–751.
- Sapugol'tsev, V.Yu. and Sapugol'tseva, M.A. (2016), “The role of work internship in forming the professional competence of future designers”, *Universitetskii kompleks kak regional'nyi tsentr obrazovaniya, nauki i kul'tury: Materialy Vseros. nauchno-metodich. konf. Orenburg, 3–5 February, 2016* [University complex as a regional center of education, science and culture. Proceedings of the all-russian scientific and methodical Conference Orenburg, February 3–5, 2016], Orenburgskii gos. un-t, Orenburg, Russia, pp. 658–663.
- Toshchenko, Zh.T. (2022), “On a classification of occupations. Socio-technological dimension (essay on methodological analysis)”, *Sociological Studies*, no. 6, pp. 66–76.

Информация об авторе

Георгий В. Ниорадзе, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; nioradzersuh@gmail.com

Information about the author

Georgii V. Nioradze, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 1259047; nioradzersuh@gmail.com

УДК 75.041.5(03)

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-111-131

Художник и частный заказчик в Париже XVIII в. К вопросу о развитии портретного жанра

Елена Е. Агрatina

Московская государственная академия хореографии,

Москва, Россия, agratina_elena@mail.ru,

ORCID ID 0000-0001-9842-0967

Аннотация. Тема взаимодействия художника и частного заказчика является одной из важнейших для изучения процессов, протекающих в обществе и искусстве. Не принадлежа официальным учреждениям, таким как Академия живописи и скульптуры, не имея амбиций знатока, зачастую желающего стать наставником для мастеров кисти, частный заказчик руководствовался только своими практическими потребностями и личными вкусами. Плодотворной почвой для диалога между художником и его клиентом стал жанр портрета – один из самых востребованных во французском обществе XVIII столетия.

Цель статьи состоит в изучении вкусов в области портрета рядового парижского заказчика указанной эпохи, того, каким он желал видеть на полотне самого себя и своих близких, какими атрибутами предпочитал окружать свою персону, как пожелания клиента находили воплощение в готовых произведениях и согласовывались с творческими амбициями и индивидуальной творческой манерой художника. Автор уделяет внимание различию отношения к портретному жанру заказчиков и людей, причастных к формированию и развитию академической доктрины. С этой целью внимательно изучаются тексты, созданные теоретиками, критиками и знатоками, в которых вкусы частных лиц и потрафляющие им художники подвергаются подробному критическому разбору.

В результате французская портретная школа XVIII в. предстает как плод сотрудничества живописцев и частного заказчика, самосознание которого, сложившись под влиянием многих социокультурных факторов, требовало адекватного выражения в области искусства.

Ключевые слова: искусство XVIII века, искусство Франции, портрет, художественный заказ, теория искусства, художественная критика

© Агрatina Е.Е., 2022

Для цитирования: Агрatina Е.Е. Художник и частный заказчик в Париже XVIII в. К вопросу о развитии портретного жанра // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 4. С. 111–131. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-111-131

An artist and private customer in the 18th-century Paris. Survey on the development of portrait painting

Elena E. Agratina

*Moscow State Academy of Choreography, Moscow, Russia,
agratina_elen@mail.ru, ORCID ID 0000-0001-9842-0967*

Abstract. The interaction between a painter and his donator as a phenomenon of art history gives many opportunities to the research of social aspect of art. A private customer was isolated from any government institution such as the Academy of Painting and Sculpture. He did not pretend to be a connoisseur or adviser of painters but he had individual taste for art and his personally developed demands for it. As a field for dialog between painter and his patrons the portraiture appeared to become one of the most sought-after genres in 18th-century French society. The article aims to highlight a taste of an average French customer of the time showing how he wished to see himself and his loved ones on the canvas, what attributes he preferred to surround his person, how the client's wishes coordinated with the creative ambitions and individual creative style of the artist were realized in the finished works. The author focuses on perception of the portrait painting by customers and some persons responsible to shaping and development of the 'Academic doctrine'. The author of the article attentively scrutinized a wide gamut of sources, written by theoretical, critics, and connoisseurs, in which the tastes of private individuals and the painters who please them are subjected to a detailed critique. So the 18th-century portrait painting is produced as a result of collaboration of painters and private customers whose identity, formed under a social and cultural impact, needed adequate expression in the arts.

Keywords: the 18th-century art, French art, portrait painting, patronage of art, theory of art, art criticism

For citation: Agratina, E.E. (2022), "An artist and private customer in the 18th-century Paris. Survey on the development of portrait painting", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 111–131, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-111-131

В Париже XVIII столетия сформировался круг меценатов и знатоков искусства, которые покровительствовали мастерам, со-

бирали обширные коллекции произведений, писали теоретические сочинения. Меценат, как и знаток – фигура общественная, заинтересованная в первую очередь в развитии искусств. Его образование и опыт уникальны. Однако истинных знатоков было не так много, они составляли сообщество, где все хорошо знали друг друга, зачастую были связаны с Королевской академией и способствовали выработке академической доктрины и сложению высоких вкусов.

Заказчик же вообще – фигура гораздо менее элитная. Для того чтобы делать заказы живописцам и покупать произведения, совершенно не обязательно быть знатоком или даже любителем. Вкусы заказчика, его жанровые и стилистические предпочтения зачастую сильно отличаются от принятых в академической среде и среде знатоков. Здесь гораздо большую роль играет вопрос назначения того или иного произведения: дополнить семейную портретную галерею, украсить спальню или столовую, оформить гостиную, сделать подарок родственнику или другу. К. Помян писал, что

...коллекционер картин... это тот, кто не довольствуется украшением уже возведенных стен, а выстраивает новые, дабы разместить на них приобретенные им произведения [Помян 2022, с. 147].

Рядовой заказчик, даже увлекаясь искусством, остается, если так можно сказать, в рамках практического подхода. Заказываемые им произведения не обязательно должны быть дорогими или ценными, зато обязательно должны были отвечать его представлениям о себе, своем положении, вписываться в обстановку и атмосферу его дома. При этом «рядовым» мог быть и заказчик, обладающий исключительной знатностью и богатством. Существенно в данном случае лишь то, что человек не имел специальных интересов в области искусства, не был коллекционером, меценатом, знатоком или увлеченным любителем изящного.

Рядового заказчика очень мало занимал вопрос академической иерархии жанров. Наибольшим спросом у него пользовались отнюдь не исторические полотна. Главное место занимал портрет, поскольку это был воистину самый «практичный» жанр, важный для сохранения семейной памяти, для личных отношений, для формирования собственного внутреннего и внешнего образа, для репрезентации себя в обществе. Целью данного исследования и станет рассмотрение вкусов в области портрета рядового парижского заказчика XVIII в. Мы попытаемся понять, каким он желал видеть на полотне самого себя и своих близких, какими атрибутами предпочитал окружать свою персону, что демонстрировать, а что скрывать от чужих взглядов. Нас будет интересовать, как склады-

вались отношения заказчика и художника, как они договаривались о деталях заказа, как разрешались возникающие между ними противоречия.

Исследование перечисленных вопросов в некоторой степени затруднено весьма небольшим количеством письменных источников. Проблема вкусов рядового заказчика оказывается заслонена говорливой критикой и весомыми рассуждениями знатоков. Заказчик – человек, далекий от теоретизирования, чаще всего не имеющий ни желания, ни способностей письменно излагать свои взгляды об искусстве. Говорить за него могут лишь сами произведения, за которые он готов платить и которые желает видеть в своем доме. Однако иногда критики и знатоки, осуждая вкусы и взгляды рядовых заказчиков, позволяют получить о них весьма ценную информацию. Возмущаясь приверженностью широких масс какой-либо теме, жанру или концепции, знатоки весьма кстати выявляют антагонизм вкусов, существовавший в парижской художественной среде, позволяют понять, что именно увлекало заказчиков и казалось им достойным внимания. Мы не в коей мере не станем пренебрегать подобными источниками и обратимся к сочинениям Роже де Пиля, Лафона де Сан-Йена, Ш.-Н. Кошена, Д. Дидро, Ф.-М. Гримма. Привлечем и свидетельства самих художников, таких как Л. Токе, М.-К. де Латур, М.-Л.-Э. Виже-Лебрен. Разумеется, мы будем опираться и на современные исследования в области портретного искусства и художественного заказа XVIII столетия. Нам придется ссылаться как на довольно старые труды А. Леруа, А. Корвизье и Ю.К. Золотова, так и на относительно недавно вышедшие сочинения Э. Помье, Ш. Гишар, Дж. Хедли и М. Шнайдер. Несмотря на обширную литературу по теме, наше исследование не представляется излишним. Актуальность его определяется, во-первых, весьма малым количеством русскоязычных трудов, во-вторых, избранным ракурсом, сочетающим элементы искусствоведческого и социологического исследований. Прослойка тех, кого мы именуем «рядовыми заказчиками», должна предстать как один из элементов широкого культурного контекста парижской художественной жизни, как одна из сил, воздействующих на искусство своего времени наряду с Академией живописи и скульптуры, художественной критикой, институтом меценатства и коллекционерства, знатоками, теоретиками и торговцами-экспертами.

Первым из интересующих нас вопросов станет вопрос о том, на сотрудничество с какими художниками мог рассчитывать парижский заказчик, кого он мог привлечь к изготовлению портретов.

Ш. Гишар утверждает, что крупные коллекционеры «сыграли решающую роль в поддержке французской школы» [Guichard 2008,

р. 147]. Путем скрупулезных подсчетов исследовательница установила, что творения французских мастеров составляли 33% от всех приобретаемых крупными коллекционерами произведений.

Однако, надо думать, рядовой заказчик из среды аристократии и крупной буржуазии сыграл еще большую роль в поддержке французской художественной школы. Для создания портрета, да еще в короткий срок (а ждать заказчики не любили!), не было смысла искать иностранца, чтобы приглашать его и оплачивать его работу. Гораздо естественнее было обратиться к своему соотечественнику, с которым было проще договориться как о цене, так и о деталях произведения.

Вторая причина заключалась, собственно, в том факте, что ни одна другая страна на протяжении всего XVIII в. не обладала столь сильной портретной школой, что объясняется не только художественными, но и общекультурными процессами во Франции того времени. Глубокий интерес к человеческой личности, исследование «движений» души – одно из основных направлений во французской философии и литературе исследуемого столетия. Л. Дюмон-Вильден отмечает, что даже в Италии изображение человеческого лица «живого и современного оставалось прикладным и вторичным» [Dumont-Wilden 1909, p. 1]. Фламандская школа к XVIII столетию пришла в упадок, английская – весьма сильная и самобытная – наибольшего расцвета достигнет во второй половине века. Французские же мастера испытывали непреодолимую тягу к портрету, проистекающую из неизменного интереса к человеку, его природе, мыслям и чувствам. Портрет воплотил в себе, как пишет Ю.К. Золотов, и такое свойственное французам качество, как «общительность» (“sociabilité”), выдвинув на первый план «метод портрета-диалога, портрета-беседы» [Золотов 1968, с. 241].

Приглашая живописца, заказчик должен был учитывать различные факторы: образование мастера, особенности его творческой манеры, наличие известности, степень востребованности. Обратиться к художнику было не тем же самым, что нанять ремесленника. Многие исследователи отмечают, что художники составляли в XVIII столетии неотъемлемую часть высшего общества. Как пишет А. Корвизье, академическая система вполне способствовала интеграции художника в высокие круги. Художники занимали официальные должности, например в Департаменте королевских строений или в Департаменте королевских развлечений. «Здесь, – пишет А. Корвизье, – они вели себя и действовали как любые высокопоставленные королевские чиновники» [Corvisier 1978, p. 161], быстро приобретали аристократические манеры и держались с нобилем вполне на равных. Такие мастера принимали и выполняли,

как правило, серьезные и выгодные заказы на историческую живопись, поскольку важные академические должности закреплялись, как правило, за мастерами этого жанра.

Существовала категория художников, у которых профессиональный успех преобладал над социальным. Это в большинстве своем самые известные теперь живописцы XVIII столетия: Ватто, Фрагонар, Грез, Шарден, Латур, Наттье, Токе. Разумеется, эти мастера были признаны Академией, имели соответствующие звания, участвовали в Салонах. Шарден был даже казначеем Академии, а также занимался развеской полотен на академических выставках. Однако значительные должности были для них недоступны в силу принадлежности к «второстепенным» жанрам. И свой успех эти мастера связывали с работой на частного заказчика. Именно среди мастеров такого плана много портретистов, поскольку это было обусловлено высоким спросом на подобные произведения.

Заметим, что портрет требовал более интенсивного личного общения между мастером и заказчиком, нежели историческая живопись или «развлекательные» жанры: бытовой, пейзажный, натюрморт. Заказывая портрет, частное лицо было склонно гораздо активнее вмешиваться в творческий процесс, высказывать свое мнение, вносить коррективы в работу мастера. В среде богатых людей нарасхват были модные портретисты, чьи услуги требовалось хорошо оплачивать. Ж.-М. Наттье, Л. Токе, М.-К. де Латур, А. Рослин, Ж.-Б. Перронно, Ж.-С. Дюплесси, М.-Л.-Э. Виже-Лебрен, представители многочисленного семейства Ванлоо были перегружены заказами. Среди моделей этих мастеров фигурируют чаще всего члены аристократических фамилий, представители крупной финансовой буржуазии, коллеги и соратники по художественному цеху. Мимо портрета не смогли пройти и мастера, чаще подвизавшиеся в иных жанрах: Ф. Буше, Ж.-О. Фрагонар, Ж.-Б. Грез, Н.-Б. Леписье. Был целый пласт и гораздо более скромных живописцев, способных удовлетворить запросы менее состоятельных слоев населения. Заказчику оставалось лишь ориентироваться на собственный вкус и финансовые возможности.

В то же время ни на один жанр не обрушивалось такое количество критики от теоретиков и знатоков. Изобилие портретов, выставлявшихся в каждом академическом Салоне, было столь очевидно, что критики не могли это игнорировать. Анализируя полотна, они зачастую вступали в активную полемику не только с художниками, но и с заказчиками, которые воспринимались как своего рода их соавторы. Поэтому именно на примере портрета можно особенно четко проследить, как мнение знатоков отличалось от мнения рядовой клиентуры.

Убежденный приверженец исторического жанра Лафон де Сан-Йенн в 1747 г. с сожалением признает, что портрет «является самым изобильным, самым востребованным и самым выгодным живописным жанром даже для самой посредственной кисти»¹. Портретироваться желают решительно все, хотя, по мнению Лафона, заслуживают быть увековеченными лишь персоны, значительные в силу своих душевных качеств и талантов: «добрые короли, добродетельные королевы, неподкупные министры, славные герои и великие ученые. Объяснение всеобщему увлечению портретом Лафон находит в тщеславии заказчиков и особенно заказчиц. Женщины, желающие сохранить на полотнах свою молодость и красоту – вот главная клиентура портретистов, а портреты становятся для дам «зеркалом, тем более привлекательным, чем менее оно правдиво»². Здесь Лафон повторяет высказывание Роже де Пиля о том, что

...во Франции истинными хозяйками являются дамы, они правят самодержавно, и безделки, отвечающие их вкусу, разрушают большой жанр. Они способны были бы сбить с пути истинного Тициана и Ван Дейка, если бы те были еще живы»³.

Склонен обвинять дам в засилье идеализированных портретов и Луи-Гийом Буйе де Сен-Жюльен, который пишет, что женщина «по пунктам диктует художнику, как писать ее портрет, словно составляет завещание»⁴. Лафон к тому же утверждает, что любой мастер, потрафляющий фантазиям заказчиков и умеющий галантно приукрасить их изображения, получит «известность, восхищение и хорошую плату»⁵, что весьма соблазнительно для молодых художников. Впрочем, переходя к разбору творчества отдельных мастеров, Лафон несколько смягчается. Так, он замечает, что «достаточно одного имени Наттье, чтобы похвалить его портреты»⁶, уточняя, что «его головы написаны очень сильно, а чистота рисунка

¹ La Peinture en procès, l'invention de la critique d'art au siècle des Lumières (Démoris René et Ferran Florence (éds)). Paris: Presses de la Sorbonne nouvelle, 2001. P. 96–97.

² Ibid. P. 97.

³ *Piles de R.* Cours de peinture par principes. Paris: Jacques Estienne, 1708. P. 268–269.

⁴ Baillet de Saint-Julien L.-G. La Peinture. Ode de Milord Telliab. Traduite de l'anglois par M.***, un des Auteurs de l'Encyclopédie, Londres, 1753. BNF, Collection Deloynes, t. 5, pièces 53 à 68. P. 16.

⁵ La peinture en procès... P. 98.

⁶ Ibid. P. 133.

замечательна»⁷. Хвалит Лафон и Луи Токе, говоря, что тот выделяется из толпы портретистов качеством своих произведений. У него «сочная и виртуозная кисть... палитра его весьма возвышенного тона, а манера очень хороша»⁸.

Издатель знаменитой «Литературной корреспонденции» Ф.-М. Гримм признает, что Франция захвачена «эпидемией портретной мании», хотя и полагает, что она пока «не уничтожила большой жанр»⁹. А другой теоретик, Пьер Ришле, уже в 1732 г. сетует, что портретный жанр больше не является привилегией аристократии, и в современной ему Франции «нет ни одной хоть сколько-нибудь кокетливой и смазливой женщины из третьего сословия, которая не хотела бы иметь свой портрет»¹⁰.

Некоторые, например художник и теоретик Ш.-Н. Кошен, конкретизировали свои претензии к портрету. Перу этого автора принадлежит целая серия эссе, опубликованных в июле 1755 – декабре 1756 г. и составляющих серию. Эти ироничные тексты призваны выявить несуразности в искусстве и нравах эпохи. Написаны они от имени британца, человека трезвого и разумного, олицетворяющего знаменитый английский здравый смысл и живущего в XXIV в. – действие происходит в 2355 г. Герой Кошена описывает французское искусство XVIII столетия с точки зрения человека совершенно постороннего, а потому способного легко обнаруживать любые странности и особенности. Через своего героя Кошен транслирует собственный взгляд на портрет и на заказчиков, выдвигающих художникам самые абсурдные требования. «Англичанин» удивлен чрезмерной пышностью моды, огромным количеством лент и кружев, занимающих место на полотнах. При этом поражается он тому, какие богатые материалы использовались для изготовления костюмов и как умело передавали их художники средствами живописи. Возмущают героя белые напудренные волосы, которые способны состарить «даже самых молодых и хорошеньких персон»¹¹. Он замечает также, что почти во всех женских портретах можно видеть «лица темно-красного

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. P. 136.

⁹ L'Année littéraire ou Suite des Lettres sur quelques écrits de ce temps. V. 5: Amsterdam, Paris, chez Michel Lambert, 1759. P. 217.

¹⁰ Richelet P. Dictionnaire de la langue française ancienne et moderne. V. 2: Amsterdam, aux dépens de la Compagnie, 1732. P. 453.

¹¹ Recueil de quelques pièces concernant les arts, extraites de plusieurs «Mercure de France». Par M. Cochin. Paris, C.-A. Jombert. V. 1. 1757–1771. P. 146.

цвета, который не имеет ничего общего с естественным цветом лица»¹², из чего делает вывод, что «дамы были вынуждены из неизвестных теперь соображений подчиняться обычаю, который их уродовал»¹³ и покрывать лицо краской. Впрочем, «англичанин» готов признать, что те портретисты, которые соглашались передавать на своих полотнах эти нелепости, «не были художниками первого ряда, которым добрая слава достаточно дорога, чтобы сопротивляться общему течению»¹⁴. Еще одна особенность, на которой останавливается «англичанин» – это полубоженность дамских портретов, что представляется ему «противным благопристойности». Зато героя Кошена увлекают многие атрибуты, которые должны были свидетельствовать о богатстве, утонченном вкусе и образованности моделей. Колонны, драпировки, мебель, целые библиотеки находят себе место на полотнах. По поводу последних «англичанин» как бы наивно замечает, что эти собрания книг были, по всей видимости, парадными и служили украшением интерьеров. Кошен высмеивает таким образом навязчивое стремление заказчиков подчеркивать свою образованность и интерес к наукам и искусствам. Герой Кошена полагает, что тем же целям, видимо, служили глобусы и математические инструменты.

Здесь речь может идти о таких изображениях, как, например, портрет Дюваля д'Эпине работы М.-К. де Латура (1745, Собрание Родшильд, Париж). Королевский секретарь Дюваль д'Эпине, сделавший весьма приличное состояние на разорившей многих финансовой реформе Лоу, на портрете предстает отнюдь не дельцом и политиком, каковым, несомненно, являлся в жизни, а человеком интеллектуальных занятий. Он сидит за столом перед тяжелым открытым фолиантом, за которым виднеется глобус и книжная полка. Герой полотна оборотился к зрителю, будто бы только оторвавшись от чтения, и двумя пальцами берет из табакерки понюшку табаку.

Те же атрибуты интеллектуальных интересов можно видеть и на портрете маркизы де Помпадур, принадлежащем тому же мастеру (Лувр, Париж). Эта работа была представлена в Салоне 1755 г., т. е. во время выхода в свет сочинения Кошена. И хотя здесь появление книг и прочих знаков учености в значительной степени обосновано, пример Помпадур вдохновил многих, кто отстоял весьма далеко от нее в интеллектуальном плане, но желал выглядеть подобным же образом.

¹² Ibid. P. 147.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. P. 148.

Не без остроумия «англичанин» замечает, что любимым занятием дам XVIII в. было, очевидно, выращивание цветов и разведение птиц, в частности «орлов, которых они поили белым вином из золотых кубков»¹⁵, а первым удовольствием – «опираться на опрокинутые сосуды, из которых изливается на землю вода»¹⁶. Эта ирония весьма согласуется с общим критическим настроением знатоков по отношению к мифологизированному портрету. Еще Роже де Пиль замечал, что мифологизированный костюм не отражает реалий своего времени и, соответственно, лишает портрет важнейшей функции – памяти. «Портреты, являясь частью истории, – пишет он, – должны быть верны во всех деталях»¹⁷. Позже ту же претензию к портретам высказывал в 1750 г. и Руссо, сожалея, что человек, как в жизни, так и в искусстве «не смеет казаться тем, чем является»¹⁸.

Понятно, что, говоря об орлах, золотых кубках и опрокинутых сосудах, Кошен имеет в виду в первую очередь работы таких мастеров, как Ж.-М. Наттье. Изначально живописцы активно использовали мифологические мотивы, изображая членов королевской семьи и приближая их, таким образом, к богам. Однако, как пишет М. Шнайдер, «в начале XVIII столетия в этом представлении участвуют не только царственные особы, но весь двор, все благородное сословие, и наконец, выскочки из среды буржуазии»¹⁹. Так, Наттье многократно портретировал своих заказчиц в виде Гебы – богини юности, прислуживавшей богам Олимпа и подносившей им вино. Еще в 1738 г. Наттье изобразил в виде Гебы Шарлотту-Луизу де Роган-Гемене (Версаль). Юная модель представлена в сине-белых одеяниях, волосы ее украшены цветами, а на плечо спускается нить жемчуга. Восседающая на облаках, модель смотрит на зрителя, тогда как к чаше в ее руке подлетает орел Зевса, сжимающий в когтях огненные молнии. В 1744 г. Наттье представил в том же амплу герцогиню Шартрскую (Национальный музей, Стокгольм) и герцогиню де Шольн (Лувр), заметим, по рождению принадлежавшую буржуазной среде. Последнее полотно несколько отличается от прочих аналогичных работ Наттье, поскольку орел спускается к героине из левого верхнего угла картины. Его вытянутое ввысь

¹⁵ Ibid. P. 153.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ *De Piles R.* Op. cit. P. 282–283.

¹⁸ *Rousseau J.-J.* Discours qui a remporté le prix à l'académie de Dijon. En l'année 1750. A Geneve, chez Barillot & fils [i. e.]. Paris: Noël Jacques Pissot, 1750. P. 43.

¹⁹ Schneider 2020. <https://books.openedition.org/editionsms/24089> (дата обращения 16 ноября 2022).

крыло и расположенный под ним пучок молний являют собой параллели диагонально расположенной фигуре, будто бы взмывающей ввысь на облаке. Композиция оказывается очень динамичной и приобретает героический характер небесного триумфа.

К 1753 г. относится портрет в виде Гебы мадам Лефевр де Курмартен (Национальная галерея, Вашингтон) – поздняя и самая уравновешенная композиция Наттье на уже многократно повторенный сюжет. Героиня сидит в спокойной и изящной позе, глядя на зрителя. Она наклоняет кувшин над кубком, но вино оттуда не изливается. Кажется, будто предметы эти – театральные реквизиты, о котором сама модель почти забыла. Орел, выглядывающий из-за правого края картины, заинтересованно взирает на кубок. Никаких молний в когтях у него нет, отчего он, как кажется, становится ближе к обитателям птичьего двора, чем к небожителям.

Любопытно, что мода на «Геб» сохранялась очень долго и продолжала поддерживаться царственным заказчиком. В 1773 г. Ф.-Ю. Друэ изобразил в виде Гебы Марию-Антуанетту (музей Конде, Шантийи). Заключенная в овал композиция изображает королеву все с теми же атрибутами. Однако совершенно отрешенный вид модели заставляет воспринимать их как еще более условные.

Мода, рожденная во Франции, распространялась вместе с французскими художниками даже после революционных событий 1789 г. М.-Л.-Э. Виже-Лебрен, уехавшая в Рим из революционной Франции, получила заказ на «Гебу» от супруги английского посланника Анны Питт (1792, ГЭ, Санкт-Петербург). Антикизирующая мода 1790-х гг. позволяла представить модель одновременно и как олимпийскую богиню, и как современную женщину. Орел, наклонившийся над чашей, получился весьма характерным, возможно потому, что художница имела возможность наблюдать птицу, о чем свидетельствует забавный пассаж из ее воспоминаний:

Я писала этого орла с натуры и думала, что он меня сожрет. Он принадлежал кардиналу де Берни. Злокозненное животное, привыкшее постоянно находиться на открытом воздухе ... было в такой ярости от необходимости сидеть в моей комнате, что просто исходило злобой на меня. Уверю, мне было по-настоящему страшно²⁰.

Замечательный контраст между взаимодействием художницы с орлом, описанное в тексте, и взаимодействием невозмутимой

²⁰ Élisabeth Vigée Le Brun: Mémoires d'une portraitiste. Préface de J.-P. Couzin. Paris: Edition SCALA, 2003. P. 91.

«Гебы» с изображенным вестником богов создает даже несколько комический эффект. Художница конца XVIII столетия не только сама остро чувствует условность таких композиций, но и дает ее ощутить своему читателю.

Что касается воды, изливающейся из опрокинутых сосудов, на которые облакачиваются томные красавицы, то здесь Кошен имеет в виду еще один модный сюжет, нашедший воплощение в работах Наттье и иных мастеров того времени. Писали таким образом как членов королевской семьи, так и многих других благородных заказчиц. Ранний, развернутый вариант композиции Наттье, включающий в себя пейзаж с павильоном и двух второстепенных персонажей, изображает Марию-Анну де Бурбон у минеральных источников Шантийи (1729, музей Конде, Шантийи). Позднее конкретика полностью ушла из аналогичных композиций, которые несколько редуцировались и предполагали лишь изображение одной фигуры и некоторых элементов пейзажа. Так написана Виктория, дочь Людовика XV (1751, музей изящных искусств, Сан-Паулу), а также Элизабет де Ларошфуко (1740, частное собрание). Как отмечает М. Шнайдер,

...изобретенная иконография богини вод не базируется на каком-либо конкретном мифе, но использует существующие формальные коды, чтобы обогатить актуальный образ, обеспечив ему различные уровни прочтения²¹.

Можно воспринимать героиню подобной композиции как нимфу источника, или прекрасную смертную, испившую вод вечной молодости и приобщившуюся таким образом к миру небожителей, даже просто как олицетворение стихии Воды.

Третья чрезвычайно популярная «роль», пришедшаяся по вкусу заказчицам портретов, был образ весталки – олицетворение чистоты и невинности. Хотя Кошен о весталках не упоминает, другие критики и теоретики уделили таким портретам немало внимания. Дидро, с 1759 г. сочинявший отзывы на знаменитые академические Салоны, довольно резко высказывается о подобных портретах. В 1759 г. он пишет по поводу такой «Весталки» Наттье:

Вы, пожалуй, вообразите себе молодость, невинность, простодушие, распущенные волосы, одежду с широкими складками и капюшоном, не закрывающим лишь часть лба, бледность (ведь бледность пристала как

²¹ Schneider 2020. <https://books.openedition.org/editionsms/24089> (дата обращения 16 ноября 2022).

любви, так и набожности). Ничего подобного. Вместо этого – изящная прическа, изысканный туалет, все жеманство светской женщины и глаза, полные сладострастия, если не сказать сильнее²².

Этот портрет (1759, Художественном музее, Северная Каролина) изображает молодую женщину в белой тунике и синем плаще. Обеими руками она придерживает закрепленное на голове золотым обручем покрывало. Модель очень красива, но никак не демонстрирует свойственных весталке добродетелей. Об обязанностях жриц Весты напоминают две фигуры на заднем плане, поддерживающие огонь на алтаре.

Уже через два года, в 1761 г., Дидро пришлось описывать другую весталку, на этот раз принадлежащую кисти Грёза, который изобразил таким образом свою жену:

Вот так весталка! Грёз, дорогой мой, да вы насмехаетесь над нами! Скрещенные на груди руки, вытянутое лицо, признаки старения, огромные глаза, в печали обращенные к небу, покрывало, широкими складками ниспадающее с головы, – да это же мать всех скорбей, но только слабохарактерная и несколько жеманная²³.

Дидро, в отличие от Кошена, выступает здесь не против мифологизации как таковой, но против несоответствия образа и личных свойств, качеств модели.

Впрочем, если мы обратимся к статье, посвященной портрету в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера, то сможем прочесть следующее:

В портрете ...сходство – главное качество. Все, способствующее тому, чтобы оно стало слабее или исчезло – абсурдно. Поэтому все украшательства, вводимые в портрет в ущерб изображению головы, говорят о непоследовательности. По этой же причине любой атрибут, который под предлогом превратить портрет в картину, вводит нас в заблуждение и препятствует узнаванию, является ошибкой, слабостью и проистекает от неспособности воплотить главную цель такого произведения – схватить сходство. [...] В самом деле, можно ли признать портрет своей жены или кого-либо другого ... в языческом изображении безумной, сбежавшей с Олимпа, пересекающей небо на облаке или явленной в виде Минервы в солдатской каске. Однако те,

²² Дидро Д. Салоны: [пер. с фр.] [Сост., общ. ред. Л.Я. Рейнгардт]: В 2 т. М.: Искусство, 1989. Т. 1. С. 25.

²³ Там же. С. 49–50.

кто заказывает портреты, любят эти личины, они рядятся в маски и удивляются, что их не узнают²⁴.

Таким образом, главным достоинством портрета объявляется сходство. Во второй половине века мифологизированный портрет во многом сдает свои позиции, однако сам жанр продолжает пользоваться огромной популярностью у заказчиков. В немалой степени повышается значение камерного портрета, где на первое место выходят личность, настроения и чувства модели. И хотя дамы здесь предстают в своем жизненном амплуа, одетые по моде своего времени, неугомонные критики все же продолжают адресовать упреки заказчикам. Так, один из критиков, откликаясь на Салон 1779 г., пишет:

Я думаю, что манера нынешних женщин неумеренно пользоваться косметикой только вредит колориту современных портретистов, привыкших изображать не естественные цвета, а румяна и белила [...] Даже Ван Дейк не смог бы создать ни одного из тех прекрасных портретов, которыми мы привыкли восхищаться, если бы смотрел на раскрашенные лица и черные волосы, густо покрытые красной пудрой²⁵.

Иногда критики приходили к выводу, что аксессуары на портретах заслоняют саму модель. Особенной критике подвергался за это А. Рослин – мастер, в совершенстве владеющий искусством передачи самых разнообразных материалов. Автор сочинения *Miracle de nos jours* замечает: первое, что зритель видит на полотнах Рослина – это аксессуары, лица моделей обнаруживаются «лишь долгое время спустя»²⁶. Разумеется, ответственность за это должны были разделить с художником и заказчики, которые обвинялись в том, что, требуя сходства, не желали тратить много времени на позирование. Об этом свидетельствуют как критики, так и сами художники. Дидро, описывая некоторые из работ А. Рослина, отмечает, что

²⁴ Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. V. XIII. [pom – regg]. A Neufchastel, chez Samuel Faulche & Compagnie Libraires & Imprint. P. 153.

²⁵ Radet J.-B. Ah ! Ah ! Encore une critique du sallon ! Voyons ce qu'elle chante ! A Grenade et se trouve à Paris chez les libraires qui vendent des nouveautés, 1779. C. 13.

²⁶ Miracle de nos jours : Conversation écrite et recueillie par un sourd et muet et la bonne lunette, dans lesquels on trouvera non seulement la critique des ouvrages exposés au Sallon, mais la critique de nos peintres et sculpteurs les plus connus (1779). Collection Deloynes. V. 11. P. 21.

...позы их [моделей] явно взяты у манекенов. Позировавшие давали художнику посмотреть на их лица пять-шесть раз, а затем он заканчивал как мог [...]»²⁷.

На те же обстоятельства жаловался и Луи Токе, когда говорил, что знатные заказчики «дают нам слишком мало времени и позируют очень плохо» [Hedley 2003, p. 162]. Большинству мастеров, работающих в жанре портрета, приходилось мириться с этими обстоятельствами. Однако были живописцы, которые ставили себя в особое положение и держались весьма независимо по отношению даже к самому знатному заказчику. Ярким примером является здесь М.-К. де Латур. Как известно, он требовал длительных сеансов позирования и не терпел опозданий и капризов. Как пишет А. Леруа, Латур

...желал сохранить самобытность своих творческих изысканий, избежать советов, мнений, капризов, а часто и прямых приказов со стороны мужчин и женщин, усматривающих в портрете лишь их собственное приукрашенное отражение [Leroy 1953, p. 328].

Чтобы проникнуть во внутренний мир модели, понять, как меняющиеся настроения проявляются во внешнем облике, он

...анализировал, изучал, наблюдал за своими моделями ... старался проникнуть в их внутренний мир и понять все разнообразные аспекты их характеров. Он закидывал их вопросами, фамильярно беседовал с ними, высказывал мнения, о которых они не спрашивали [Leroy 1953, p. 146].

Латур относится к тем рефлексирующим художникам, которые оставили немало суждений о собственном искусстве. Вот что он пишет в письме 1763 г. маркизу де Мариньи:

Сколько внимания, поисков, трудных согласований, чтобы сохранить в портрете единство, несмотря на постоянные изменения, которые производят на человеческом лице мысли и движения души! Каждое такое движение требует нового портрета [...] [Renard 2003, p. 22].

Это отношение мастера к своему искусству подтверждается и тем, что писала одна из любимых моделей Латура мадам де Шаррьер:

²⁷ Дидро Д. Указ. соч. Т. 2. С. 229.

Его самое сильное желание – вложить в мой портрет все, что я говорю, все, что я думаю, все, что я чувствую, он убивает себя этим [Pommier 1998, p. 339].

Специализацией Латура стал камерный портрет, выполненный в технике пастели. Количество атрибутов и аксессуаров у него сильно редуцировано по сравнению с работами таких мастеров, как Наттье, Токе и Рослин, а значение любых предметов, появляющихся рядом с моделью, возрастает обратно пропорционально их количеству. В этом отношении любопытен «Портрет мадемуазель Ферран, размышляющей над трудами Ньютона» (1753, Старая Пинакотекка, Мюнхен). Дама, происходящая из «богатой и образованной парижской семьи»²⁸, не просто сидит за книгой, она погружена в весьма трудные научные материи. На модели простой белый шелковый наряд, состоящий из чепца и домашнего платья с накинутым на него пеньюаром. Толстая книга на столе – фактически единственный аксессуар, составляющий аккомпанемент фигуре. Легкий прищур глаз и едва заметная полуулыбка создают вокруг модели ауру задумчивости, какой-то внутренней жизни. Зритель оказывается допущен в интимное пространство личных комнат и собственных размышлений модели, что несколько не было характерно для мифологизированного портрета первой половины века.

Разумеется, заказчики не отказывались от желания видеть на полотне свой идеальный, усовершенствованный облик.

Портрет, – писал художник Жак Казанова, – это драма, которая разыгрывается между двумя существами. Модель старается себя изменить в пользу идеала, навязанного ей определенным социальным классом, и скрывает свою истинную сущность от художника; но, в какой-то момент она допускает по случайности взгляд или жест, обнаруживающий особенности ее индивидуальности [Renard 2003, p. 25].

Позволить себе забыть об идеале нередко означало вызвать недовольство заказчика, поступить наоборот – значило отказаться от портретного в портрете, то есть, по сути, от самого жанра. Художнику приходилось умело соблюдать равновесие между идеальным и жизненным. А. Леруа считает, что Латуру удавалось в течение долгих лет сохранять расположение заказчиков именно потому, что мастер умел

²⁸ Maurice Quentin de La Tour, Mademoiselle Ferrand meditiert über Newton, um 1752, Bayerische Staatsgemäldesammlungen – Alte Pinakothek München, URL: <http://www.sammlung.pinakothek.de/en/artwork/bwx062OGm8> (дата обращения 16 ноября 2022).

...благожелательно передавать их характерные черты. Он любил свою эпоху, признавая ее достоинства, льстил себя надеждой, что понимает ее, был глубоко интегрирован в общество, где развился его талант и где он получал знаки уважения и восхищения [Leroу 1953, p. 328].

Латур, Перронно, даже самый старший из них – Луи Токе – писали одни только портреты и ничего, кроме портретов. Это было ново. Теперь художники не считали нужным подтверждать свою репутацию созданием исторических полотен, зарабатывать декоративными композициями для украшения интерьеров. Захватившая общество идея проникновения во внутренний мир человека заставляла воспринимать портрет как труднейший из жанров и уважать талантливых портретистов. Дидро пишет, что

...жанр портрета так труден, что, по словам Пигалля, он никогда не создавал портрета, не испытывал желания его бросить²⁹.

Даже исторические живописцы, возведенные Академией на высшую иерархическую ступень и, вследствие этого, формально доминирующие над всеми остальными мастерами, нередко признавали особенную сложность портрета. По словам того же Дидро, художник Пьер однажды сказал:

Знаете ли вы, почему мы, исторические живописцы, не беремся писать портреты? Это слишком трудно [Pommier 1998, p. 384].

Художники выставляли большое количество портретов в академических Салонах. Это была, помимо прочего, еще и очень хорошая реклама, позволяющая привлекать новых и новых заказчиков, поскольку Салон, по словам М. Шидера, превратился в место, где «каждые два года собирался весь парижский бомонд» [Schieder 2013, p. 46]. Л.-С. Мерсье в «Картинах парижской жизни» 1783 г. издания почти в точности повторяет сорокалетней давности жалобы Лафона о том, что посетитель Салонных вынужден созерцать

портреты финансистов и торговцев, служащих первого и второго рангов, безобразных аристократок, никому неизвестных, чрезмерно нарумяненных дам полусвета и президентов неизвестно чего с напудренными щеками³⁰.

²⁹ Дидро Д. Указ. соч. Т. 2. С. 356.

³⁰ Mercier L.-S. Tableau de Paris. Т. 5. Amsterdam, 1783. P. 319–320.

Однако это уже едва ли кто-нибудь мог воспринять всерьез. Поток заказов на портреты от частных лиц не иссякал, а Салон по-прежнему служил местом встречи всех этих разнообразных персон, как живых, так и изображенных.

Фактически французская школа портрета явилась плодом сотрудничества живописцев и частного заказчика. Академия через критиков и теоретиков пыталась воздействовать на развитие данного жанра, умерить количество таких работ и общественный энтузиазм, однако по большей части сетования авторов, как академических, так и независимых, не приносили результатов. Клиентура портретистов была слишком многочисленна, слишком богата и слишком заинтересована в формировании собственного образа. Тем более что образ этот не оставался в стенах кабинета, а начинал собственное социальное существование: отправлялся в Салон, расходился в виде гравюр не только по Парижу, но и по другим странам. Даже сама Академия при явном стремлении оставить первенство за историческим жанром, ценила своих портретистов и позволяла им активно выставляться в Салоне. Критика, которой подвергался портрет, не была услышана современниками, но оказалась весьма полезна для исследователей нашего времени, поскольку дает возможность более глубоко исследовать вкусы заказчиков XVIII столетия. Эти вкусы, разумеется, не оставались неизменными: на смену усиленной мифологизации образов начала и середины века приходит интерес к камерным изображениям, где главный акцент сделан на внутреннем мире модели, ее душевной и частной жизни. При этом продолжали цениться аксессуары, иллюзионистично переданная фактура материалов. Французские художники умели ответить любым запросам, сформировав самую сильную портретную школу в Европе. Интерес к личности, глубокие исследования человеческой природы, характерные для Века Просвещения, только подталкивали развитие портретной живописи, которая завоевала всеобщее уважение на родине и активно воздействовала на искусство других стран европейского круга, о чем может пойти речь в отдельном исследовании.

Источники

Дидро Д. Салоны: [пер. с фр.] [Сост., общ. ред. Л.Я. Рейнгардт]: В 2 т. М.: Искусство, 1989. Т. 1. 270 с.; Т. 2. 399 с.

Baillet de Saint-Julien L.-G. La Peinture. Ode de Milord Telliab. Traduite de l'anglais par M.***, un des Auteurs de l'Encyclopédie, Londres, 1753. BNF, Collection Deloynes, t. 5, pièces 53 à 68. 17 p.

- Élisabeth Vigée Le Brun: Mémoires d'une portraitiste. Préface de J.-P. Couzin. Paris: Édition SCALA, 2003. 224 p.
- Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. V. XIII. [pom – regg]. A Neufchastel, chez Samuel Faulche & Compagnie Libraires & Imprint. 949 p.
- L'Année littéraire ou Suite des Lettres sur quelques écrits de ce temps. V. 5. Amsterdam; Paris, chez Michel Lambert, 1759. 376 p.
- La Peinture en procès, l'invention de la critique d'art au siècle des Lumières (Démoris René et Ferran Florence (éds)), Paris: Presses de la Sorbonne nouvelle, 2001. 420 p.
- Mercier L.-S.* Tableau de Paris, T. 5. Amsterdam, 1783. 380 p.
- Miracle de nos jours : Conversation écrite et recueil par un sourd et muet et la bonne lunette, dans lesquels on trouvera non seulement la critique des ouvrages exposés au Sallon, mais la critique de nos peintres et sculpteurs les plus connus (1779). Collection Deloynes. V. 11. 48 p.
- Piles de R.* Cours de peinture par principes. Paris: Jacques Estienne, 1708. 547 p.
- Radet J.-B.* Ah ! Ah ! Encore une critique du Sallon ! Voyons ce qu'elle chante ! A Grenade et se trouve à Paris chez les libraires qui vendent des nouveautés, 1779. 32 p.
- Recueil de quelques pièces concernant les arts, extraites de plusieurs «Mércure de France». Par M. Cochin. Paris, C.-A. Jombert. V. 1. Paris, 1757–1771. 239 p.
- Richelet P.* Dictionnaire de la langue française ancienne et moderne. V. 2. Amsterdam, aux dépens de la Compagnie, 1732. 942 p.
- Rousseau J.-J.* Discours qui a remporté le prix à l'académie de Dijon. En l'année 1750. A Geneve, chez Barillot & fils [i. e. Paris: Noël-Jacques Pissot, 1750. 71 p.

Литература

- Золотов 1968 – *Золотов Ю.К.* Французский портрет XVIII века. М.: Искусство, 1968. 276 с.
- Помян 2022 – *Помян К.* Коллекционеры, любители и собиратели. Париж, Венеция: XVI–XVIII века. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2022. 400 с.
- Corvisier 1978 – *Corvisier A.* Arts et sociétés dans l'Europe du XVIIIe siècle. Paris: Presse universitaire de France, 1978. 244 p.
- Dumont-Wilden 1909 – *Dumont-Wilden L.* Le portrait en France. Bruxelles: G. van Oest & cie, 1909. 276 p.
- Guichard 2008 – *Guichard Ch.* Les amateurs d'art à Paris au XVIIIe siècle. Seyssel: Champs Vallon, 2008. 392 p.
- Hedley 2003 – *Hedley J.* L'influence française sur l'art du portrait anglais au XVIIIe siècle // De soie et de poudre. Versailles, 2003. P. 103–135.
- Leroy 1953 – *Leroy A.* Maurice Quentin de La Tour et la société française du XVIIIe siècle. Paris: Edition Albin Michel, 1953. 350 p.

- Maurice Quentin de La Tour, Mademoiselle Ferrand meditiert über Newton, um 1752, Bayerische Staatsgemäldesammlungen – Alte Pinakothek München, URL: <http://www.sammlung.pinakothek.de/en/artwork/bwx062OGm8> (дата обращения 16 ноября 2022).
- Pommier 1998 – *Pommier E.* La théorie du portrait. De la Renaissance aux lumières. Paris: Gallimard, 1998. 508 p.
- Renard 2003 – *Renard Ph.* Portraits & autoportraits d'artistes au XVIIIe siècle. Paris: Renaissance du Livre, 2003. 189 p.
- Schieder 2013 – *Schieder M.* Les Portraits sont devenus un spectacle nécessaire à chaque Français. Le discours esthétique sur le portrait au milieu du XVIIIe siècle (...) // Christian Michel and Carl Magnusson (eds.): *Penser l'art dans la seconde moitié du XVIIIe siècle.* Paris, 2013, pp. 41–58.
- Schneider 2020 – *Schneider M.* Belle comme Venus. Paris, Éditions de la Maison des sciences de l'homme. Centre allemand d'histoire de l'art (DFK Paris), 2020. 370 p. URL: <https://books.openedition.org/editionsmsh/24089> (дата обращения 16 ноября 2022).

References

- Corvisier, A. (1978), *Arts et sociétés dans l'Europe du XVIIIe siècle*, Presse universitaire de France, Paris.
- Dumont-Wilden, L. (1909), *Le portrait en France.*, G. van Oest & cie, Bruxelles.
- Guichard, Ch. (2008), *Les amateurs d'art à Paris au XVIIIe siècle.* Seyssel, Champs Vallon.
- Hedley, J. (2003), L'influence française sur l'art du portrait anglais au XVIIIe siècle, *De soie et de poudre*, Versailles, pp. 103–135.
- Leroy, A. (1953), *Maurice Quentin de La Tour et la société française du XVIIIe siècle*, Edition Albin Michel, Paris.
- Maurice Quentin de La Tour, Mademoiselle Ferrand meditiert über Newton, um 1752, Bayerische Staatsgemäldesammlungen, Alte Pinakothek München, available at: <http://www.sammlung.pinakothek.de/en/artwork/bwx062OGm8> (Accessed 16 November 2022).
- Pommier, E. (1998), *La théorie du portrait. De la Renaissance aux lumières*, Gallimard, Paris.
- Pomyan, K. (2022), *Kolleksionery, lyubiteli i sobirатели. Parizh, Venetsiya: XVI–XVIII veka.* [Collectors, connoisseurs, gatherers. Paris. Venice: 16th–18th centuries.], Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge, Saint Petersburg, Russia.
- Renard, Ph. (2003), *Portraits & autoportraits d'artistes au XVIIIe siècle*, Renaissance du Livre, Paris.
- Schieder, M. (2013), « Les Portraits sont devenus un spectacle nécessaire à chaque Français. Le discours esthétique sur le portrait au milieu du XVIIIe siècle (...) », Christian Michel and Carl Magnusson (eds.), *Penser l'art dans la seconde moitié du XVIIIe siècle*, Paris 2013, pp. 41–58.

Schneider, M. (2020), *Belle comme Venus*, Paris, Éditions de la Maison des sciences de l'homme, Centre allemand d'histoire de l'art (DFK Paris), available at: <https://books.openedition.org/editionsmslh/24089> (Accessed 16 November 2022).

Zolotov, Yu.K. (1968), *Frantsuzskii portret XVIII veka* [The 18th-century French portrait painting], Iskusstvo, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена Е. Агратина, кандидат искусствоведения, доцент, Московская государственная академия хореографии, Москва, Россия; 119146, Россия, Москва, 2-я Фрунзенская ул., д. 5, agratina_elena@mail.ru

Information about the author

Elena E. Agratina, Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Moscow State Academy of Choreography (The Bolshoi Ballet Academy), Moscow, Russia; bld. 5, 2nd Frunzenskaya Street, Moscow, Russia, 119146; agratina_elena@mail.ru

УДК 75.041.5

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-132-141

Истоки портретной концепции в творчестве В.Л. Боровиковского

Иван А. Абрамкин

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, ivanabramkin@list.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению «Портрета О.К. Филипповой» – первого известного женского образа в творчестве Владимира Лукича Боровиковского (1757–1825). Целью исследования является определение отличительных черт художественной манеры и особенностей портретной характеристики в самом начале творчества мастера. Проблема истоков портретной концепции В.Л. Боровиковского требует сравнения с творчеством Ф.С. Рокотова: в научной литературе принято устанавливать преемственность между искусством рококо и сентиментализма на примере лучших портретистов этих эпох. Сопоставление «Портрета О.К. Филипповой» с самым знаменитым произведением Ф.С. Рокотова – «Портретом А.П. Струйской» – позволяет пересмотреть существующую традицию в историографии русского искусства XVIII столетия. Заметные различия присутствуют во всех значимых элементах портретной концепции Ф.С. Рокотова и В.Л. Боровиковского: типологические принципы, композиционные средства, живописные приемы и технические особенности. Этот вывод ставит под сомнение распространенный тезис о стилистической преемственности между рококо и сентиментализмом, что показывает необходимость дальнейшего исследования данного вопроса на более широкой выборке произведений.

Ключевые слова: портрет, русское искусство, XVIII век, В.Л. Боровиковский, Ф.С. Рокотов, проблема стиля, рококо, сентиментализм

Для цитирования: Абрамкин И.А. Истоки портретной концепции в творчестве В.Л. Боровиковского // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 4. С. 132–141. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-132-141

Origins of the portrait conception in the art of V.L. Borovikovsky

Ivan A. Abramkin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
ivanabramkin@list.ru*

Abstract. The article is a consideration of “Portrait of O.K. Filippova” – the first known female image in the art of Vladimir Lukich Borovikovsky (1757–1825). The object of the research is the definition of distinctive features in the artistic manner and principles of the portrait characteristic at the very beginning of the master’s work. The matter of the portrait conception’s origins calls for comparison with the art of F.S. Rokotov: in the scientific literature it is customary to establish the continuity between rococo art and sentimentalism on the example of the best portrait painters in those periods. The comparison of “Portrait of O.K. Filippova” with the most famous work of F.S. Rokotov – “Portrait of A.P. Struyskaya” – gives an opportunity to rethink the existing tradition in the historiography of Russian art of 18th century. Notable distinctions are present in all elements of portrait conception characteristic of both painters: typological principles, compositional means, painting devices and technical features. That conclusion casts doubt on the widespread thesis about the stylistic continuity between rococo and sentimentalism and demonstrates the need for further research on the issue on a wider sample of works.

Keywords: portrait, Russian art, 18th century, V.L. Borovikovsky, F.S. Rokotov, style issue, rococo, sentimentalism

For citation: Abramkin, I.A. (2022), “Origins of the portrait conception in the art of V.L. Borovikovsky”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 132–141. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-132-141

Владимир Лукич Боровиковский (1757–1825) является одним из наиболее известных русских художников XVIII столетия, который прославился созданием целой галереи женских образов в 1790-е гг. Обилие портретов зачастую приводит исследователей к мысли о существовании определенного канона, который был свойствен мастеру. Тем не менее пристальное внимание к устойчивым чертам портретной концепции не позволяет осветить одну важную проблему – формирование канона. В связи с этим статья посвящена рассмотрению «Портрета О.К. Филипповой» (1790; ГРМ: Санкт-Петербург, Россия), который представляет собой первый пример женского образа в творчестве В.Л. Боровиковского. Цель

исследования состоит в выявлении отличительных черт творческой манеры и особенностей портретной характеристики в момент формирования самой концепции.

Обращение к истокам портретной концепции В.Л. Боровиковского неизбежно ставит еще одну проблему, которая требует своего разрешения именно на основе раннего материала, – сопоставление художественных приемов мастера с творческим методом Ф.С. Рокотова. Установление преемственности между искусством рококо и сентиментализма имеет давнюю традицию и не вызывает каких-либо сомнений в научной среде [Иваницкий 2000, с. 140]. Более того, в современной литературе существует представление о том, что феномен рококо неразрывно связан с важнейшими тенденциями культуры XVIII столетия и во многом предвещает кризис эпохи Просвещения в 1790-е гг. [Свирида 2000, с. 5–6], который совпадает с расцветом сентиментализма в литературе и изобразительном искусстве. Тем не менее некоторые ученые прошлого, признавая стремление живописцев передать определенное настроение эпохи, указывают на отличия в выражении этого самого настроения [Жидков 1951, с. 115]. Иными словами, рассмотрение произведений двух мастеров с выявлением сходств и различий в их творческой манере позволит не только уточнить характер преемственности между рококо и сентиментализмом, которая является распространенным тезисом в научной литературе, но и определить специфику портретной концепции в творчестве В.Л. Боровиковского.

Выявление творческой преемственности между двумя мастерами разных поколений представляется невозможным без фиксации главных художественных принципов, характерных первому из них – Ф.С. Рокотову. Этот художник вошел в историю русского искусства созданием «Портрета А.П. Струйской» (1772, ГТГ), который определяет как общую характеристику его творчества, так и развитие портретного жанра XVIII столетия в целом [Абрамкин 2017]. Это произведение основано на сочетании едва уловимых нюансов, которые производят неопределенное и цельное впечатление: укрупнение масштаба, отсутствие объема и воздействие силуэтом, неловкий поворот головы, тонкая градация оттенков в пределах сдержанного колористического тона и удивительная выразительность глаз, написанных звучно по цвету и фактурно по технике. Художественное воздействие портрета обусловлено неоднозначностью черт, приведенных в гармонию с эффектом некоторой недосказанности, что и является условием выразительности портрета.

«Портрет А.П. Струйской», как было сказано выше, отражает основные художественные особенности, свойственные портретной концепции Ф.С. Рокотова на протяжении всей его жизни.

Художник чаще всего представляет модель в погрудном срезе, что определяет значительный акцент на отображении черт лица. Тип портрета непосредственным образом влияет и на совокупность композиционных средств, используемых мастером для образной характеристики. Ф.С. Рокотов достигает значительного разнообразия в трактовке поз фигуры и приемах организации изображения, при этом неизменно обращается к глубокому темному фону: модели возникают как будто из тьмы [Иваницкий 2000, с. 138–139], что обуславливает художественную выразительность произведений и убедительное размещение фигур в пространстве портрета. Главным художественным средством для Ф.С. Рокотова является свет, который позволяет передать индивидуальные особенности внутреннего мира модели (еще Г. Гегель отмечал, что именно в феномене света «природа впервые начинает становиться субъективной»¹). Определяющая роль света в портретной концепции мастера остается устойчивым творческим принципом в течение всей жизни, несмотря на изменения художественной среды и вкусов, что и является условием неповторимой индивидуальности и цельности его художественной манеры.

Обобщенное представление портретной концепции Ф.С. Рокотова позволяет теперь перейти к непосредственному исследованию первого женского образа в творчестве В.Л. Боровиковского – «Портрета О.К. Филипповой». Ольга Кузьминична Филиппова (1772–1829), урожденная Михайлова, в 1790 г. вышла замуж за близкого друга и душеприказчика художника Павла Степановича Филиппова (1762–1834)², который впоследствии был зачислен в Комиссию о построении Казанского собора и стал помощником архитектора А.Н. Воронихина (1759–1814). На примере данного произведения исследователи чаще всего говорят о близости с английским искусством того времени и манерой художника Ж.-Л. Вуаля, правда, с некоторыми оговорками [Алексеева 1975, с. 67]. Тема общности портретных традиций в двух национальных школах требует отдельного подробного изучения, что выходит за рамки данной статьи.

Сам портрет привлекает внимание в первую очередь легкостью внешнего эффекта, что связано с неоконченным характером произведения и техническим мастерством художника, вызывая ассоциации с пастелью [Евангулова, Карев 1994, с. 108]: мазок имеет широкий и свободный характер, манера отличается открытостью, а общая живописность и мягкость как будто обволакивают

¹ Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 4 т. Т. 3. М.: Искусство, 1971. С. 201.

² «...Красоту ее Боровиковский спас»: К 250-летию со дня рождения В.Л. Боровиковского: Каталог выставки. М.: ГТГ, 2008. С. 22.

грациозные контуры фигуры и создают утонченный и проникновенный образ. При этом В.Л. Боровиковский «ослабляет ощущение телесности ее [фигуры] объема», поэтому он воздействует на зрителя своим силуэтом и воздушностью [Алексеева 1960, с. 10]. Прозрачность просторного платья с пышными складками, прелестно сложенные руки с едва намеченным цветком розы, который «вводит зрителя в мир элегической тишины, гармонии человека и природы» [Турчин 2001, с. 235], а также неопределенность заднего плана с сиреневым небом, куда погружены, как в туман, очертания зеленой листвы – все это лишь усиливает подобное впечатление. Еще одной причиной его убедительности, придающей образу единство, является уверенность живописной техники, в которой «рисунок этот неразрывно связан с формой и нигде не выступает отдельно» [Машковцев 1950, с. 15].

В.Л. Боровиковский уже в этом портрете демонстрирует интерес к созданию окружения для моделей, которое помогает ему внести дополнительные акценты в образы портретируемых. Несмотря на преобладание силуэта, такие мотивы, как ствол дерева в верхнем углу и корзинка в руках О.К. Филипповой, вкупе с легким наклоном головы и круглящимися очертаниями ее правой руки, придают композиции элементы активности и неуверенного, едва заметного поворота фигуры. Конечно, это движение пока выглядит достаточно искусственно: телесность не чувствуется за складками платья, а руки написаны неопределенно и сливаются с фоном. Тем не менее следует отметить сам интерес художника к выражению движения с помощью тонких композиционных особенностей, которые позволяют привнести в настроение модели нюансы, дополняющие портретную характеристику.

Внимательное отношение художника к изображению среды для модели не заслоняет главного в портрете – лица. Его написанию В.Л. Боровиковский уделяет значительное внимание: голова О.К. Филипповой слегка наклонена вправо и вперед, прическа крупными локонами ниспадает на плечи, а внимательный задумчивый взгляд направлен прямо на зрителя (что является редкостью для портрета того времени и придает произведению более личный характер) – все это создает ощущение особой чуткости, соучастия модели зрителю. При общей живописной незаконченности портрета черты лица обладают характером:

Не совсем обычен и узкий миндалевидный разрез глаз и рисунок ноздрей. Родинка над верхней губой прекрасно очерченного рта, переданная художником, придает какую-то особую привлекательность лицу молодой женщины и индивидуализирует его [Архангельская 1946, с. 16].

Именно лицо является главным средством выразительности в портрете и превращается в смысловой центр изображения, выражая самоуглубленность модели, «открытость сентименталистского героя природе», которая является родовой чертой этого направления [Докучаева 1997, с. 178].

Окружающие фигуру части как будто отступают перед значимостью внутренней жизни: лицо воздействует на зрителя именно как целое, как средоточие всей композиции. Тем не менее произведение пока не демонстрирует целостности общего впечатления: «Портрет О.К. Филипповой» в этом смысле распадается на две части (личное и доличное), которые художественно не равнозначны. Это подразумевал Г.В.Ф. Гегель, когда писал про целостность образа:

Обе стороны – субъективная, внутренняя целостность характера, его состояний и поступков, и объективная сторона внешнего существования – не должны распадаться как несоединимые и безразличные друг другу, а должны обнаруживать согласованность и взаимосвязь³.

Подобная взаимосвязь является тем качеством, которое будет свойственно последующим работам В.Л. Боровиковского.

Итак, проведенное исследование «Портрета О.К. Филипповой» позволяет сопоставить художественные приемы В.Л. Боровиковского, используемые мастером в самом начале творческого пути, с особенностями искусства Ф.С. Рокотова для выявления сходств и различий в портретной концепции этих мастеров. Безусловно, принципиально общим моментом является особенное внимание художников к изображению лица, которое становится композиционным, художественным и смысловым центром произведения. Также каждый мастер является мастером тонких нюансов, придающих портретам недосказанность. С этим связана и такая особенность картин, как обращение к восприятию зрителя, к той игре воображения, которая помогает достроить образ. Этот пункт соотносится с художественной точкой зрения на портрет, который воссоздает портретную индивидуальность [Габричевский 1928, с. 59]. Третья особенность заключается в том, что образы поражают «изумительным искусством гармоничного сочетания красок и нежных тонов» [Кузьминский 1940, с. 93]. Существует и определенная общность между отдельными произведениями: «Портрет А.П. Струйской» с «Портретом О.К. Филипповой» объединяет общая живописность, силуэтность и неопределенность.

³ Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 4 т. Т. 1. М.: Искусство, 1968. С. 262.

Однако не менее значимыми оказываются различия, которые проявляются во многих аспектах. Во-первых, Ф.С. Рокотов предпочитает погрудный срез изображения, тогда как В.Л. Боровиковский – поясной, что определяет главные особенности произведений. В рамках погрудного типа первый из художников уделяет наибольшее внимание отображению жизни лица, тогда как второй в поясном типе проявляет интерес к воплощению положения тела в разнообразии поворотов и положении рук фигуры, то есть к воплощению той внутренней силы, которая определяет движение человека, характер его телесности. Во-вторых, мастера демонстрируют различное использование композиционных средств: если Ф.С. Рокотов стремится к разнообразию поз фигуры и принципов организации изображения, то В.Л. Боровиковский использует мотивы из окружающего мира, которые привносят в образ новые черты.

В-третьих, различие композиционных средств неизбежно соотносится с живописными характеристиками двух художников. Отмеченный интерес В.Л. Боровиковского к созданию окружения для фигур в виде пейзажного фона и предметной составляющей серьезно отличается от подхода Ф.С. Рокотова, который отдает предпочтение глубокому темному фону: фигуры портретируемых возникают как будто из тьмы, но остаются при этом внутренне закрытыми и погруженными в самих себя [Евангулова, Карев 1994, с. 114]. Тем самым главным средством выразительности для последнего будет свет с созданием объема в пространстве, а для первого – цвет с тонкими градациями оттенков и приоритетное значение композиционных нюансов для размещения фигуры.

В-четвертых, существенным образом отличается и техническая манера: если Ф.С. Рокотов создает живописный эффект преимущественно с помощью корпусного характера кладок, то В.Л. Боровиковский – с помощью тонкослойных лессировок [Рыбников 1937, с. 179]. Эти особенности во многом объясняют специфику портретной характеристики: образы Ф.С. Рокотова благодаря объемности и светотеневой моделировке более убедительно располагаются в пространстве, но при этом остаются достаточно закрытыми и неопределенными, без проявления движения вовне, тогда как героини В.Л. Боровиковского более открыты к окружающей среде, реагируют на нее, что проявляется в подвижности поз, активности выражения лица из-за разнообразия композиционных ситуаций.

Иными словами, очевидная на первый взгляд родственность, существующая между творчеством Ф.С. Рокотова и В.Л. Боровиковского, не подтверждается при внимательном рассмотрении их произведений. Заметные различия присутствуют во всех значимых элементах портретной концепции: типологические принципы,

композиционные средства, живописные приемы и технические особенности. Подобное положение дел позволяет прийти к частному выводу, который предполагает и более общее заключение: непосредственное сопоставление портретов не только затрудняет разговор о внутренней общности Ф.С. Рокотова и В.Л. Боровиковского, но и ставит под сомнение распространенный тезис о стилистической преемственности между рококо и сентиментализмом в целом, что показывает необходимость дальнейшего исследования данного вопроса на более широкой выборке произведений.

Литература

- Абрамкин 2017 – *Абрамкин И.А.* Портретная концепция Ф.С. Рокотова (на примере женских образов) // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2017. Т. 1. № 4. С. 147–155.
- Алексеева 1960 – *Алексеева Т.В.* Боровиковский. М.: Искусство, 1960. 42 с.
- Алексеева 1975 – *Алексеева Т.В.* Владимир Лукич Боровиковский и русская культура на рубеже XVIII–XIX веков. М.: Искусство, 1975. 421 с.
- Архангельская 1946 – *Архангельская А.И.* Боровиковский. М.: ГТГ, 1946. 60 с.
- Габричевский 1928 – *Габричевский А.Г.* Портрет как проблема изображения // Искусство портрета: Сб. статей. М.: ГАХН, 1928. С. 53–75.
- Докучаева 1997 – *Докучаева О.В.* Жан-Жак Руссо и пейзажный парк в России второй половины XVIII века // Русская культура последней трети XVIII века – времени Екатерины Второй: Сб. статей. М., 1997. С. 176–190.
- Евангулова, Карев 1994 – *Евангулова О.С., Карев А.А.* Портретная живопись в России второй половины XVIII века. М.: Изд-во МГУ, 1994. 194 с.
- Жидков 1951 – *Жидков Г.В.* Русское искусство XVIII века. М.: Искусство, 1951. 143 с.
- Иваницкий 2000 – *Иваницкий А.И.* Интимный портрет рококо: к вопросу об онтологической необходимости «большого стиля» // XVIII век: Ассамблея искусств. Взаимодействие искусств в русской культуре XVIII века. М., 2000. С. 132–142.
- Кузьминский 1940 – *Кузьминский К.С.* Ф.С. Рокотов, Д.Г. Левицкий: Развитие русской портретной живописи XVIII века. М.: Искусство, 1940. 188 с.
- Машковцев 1950 – *Машковцев Н.Г.* Владимир Лукич Боровиковский (1757–1825). М.: Искусство, 1950. 28 с.
- Рыбников 1937 – *Рыбников А.А.* Техника масляной живописи. М.; Л.: Искусство, 1937. 219 с.
- Свирида 2000 – *Свирида И.И.* Театральность как синтезирующая форма культуры XVIII века // XVIII век: Ассамблея искусств. Взаимодействие искусств в русской культуре XVIII века. М., 2000. С. 5–18.
- Турчин 2001 – *Турчин В.С.* Александр I и неоклассицизм в России. М.: Жираф, 2001. 511 с.

References

- Abramkin, I.A. (2017), "Portrait conception of F.S. Rokotov (on the example of female images)", *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvoennaya sreda. Vestnik MGKhPA*, no. 4, part 1, pp. 147–155.
- Alekseeva, T.V. (1960), *Borovikovskii* [Borovikovsky], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Alekseeva, T.V. (1975), *Vladimir Lukich Borovikovskii i russkaya kul'tura na rubezhe XVIII–XIX vekov* [Vladimir Lukich Borovikovsky and the Russian culture at the turn of 18th – 19th Centuries], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Arkhangel'skaya, A.I. (1946), *Borovikovskii* [Borovikovsky], Gosudarstvennaya Tret'yakovskaya galereya, Moscow, Russia.
- Dokuchaeva, O.V. (1997), "J.-J. Rousseau and the landscape park in Russia of the second half of 18th century", Pushkarev, L.N. (ed.), *Russkaya kul'tura poslednei treti XVIII veka – vremeni Ekateriny Vtoroi* [Russian culture of the last third of 18th century – age of Catherine the Great], Collected articles, IRI, Moscow, Russia, pp. 176–190.
- Evangelulova O.S. and Karev, A.A. (1994), *Portretnaya zhivopis' v Rossii vtoroi poloviny XVIII veka* [Portrait painting in Russia of the second half of 18th century], Izdatel'stvo MGU, Moscow, Russia.
- Gabricheskii, A.G. (1928), "Portrait as an image question", in Gabricheskii, A.G. (ed.), *Iskusstvo portreta* [Art of portrait], GaKhN, Moscow, Russia.
- Ivanitskii, A.I. (2000), "Intimate portrait of rococo. On the question of ontological necessity of 'Big style'", Evsina, N.A. (ed.), *XVIII vek: Assambleya iskusstv. Vzaimodejstvie iskusstv v russkoi kul'ture XVIII veka* [18th century. Assembly of arts. Cooperation of arts in Russian culture of 18th century], Pinakoteka, Moscow, Russia, pp. 132–142.
- Kuz'minskii, K.S. (1940), *F.S. Rokotov, D.G. Levitskii: Razvitiye russkoi portretnoi zhivopisi XVIII veka* [F.S. Rokotov, D.G. Levitsky. Development of Russian portrait painting of 18th century], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Mashkovtsev, N.G. (1950), *Vladimir Lukich Borovikovskii (1757–1825)* [Vladimir Lukich Borovikovsky (1757–1825)], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Rybnikov, A.A. (1937), *Tekhnika maslyanoi zhivopisi* [Technique of the oil painting], Iskusstvo, Moscow and Leningrad, Russia.
- Svirida, I.I. (2000), "Theatrics as a synthesizing form of culture in 18th Century", Evsina, N.A. (ed.), *XVIII vek: Assambleya iskusstv. Vzaimodeistvie iskusstv v russkoi kul'ture XVIII veka* [18th century. Assembly of arts. Cooperation of arts in Russian culture of 18th C Collected articles. Collected articles. century], Moscow, Russia, pp. 5–18.
- Turchin, V.S. (2001), *Aleksandr I i neoklassitsizm v Rossii* [Alexander I and the neoclassicism in Russia], Zhiraf, Moscow, Russia.
- Zhidkov, G.V. (1951), *Russkoe iskusstvo XVIII veka* [Russian art of the 18th century], Iskusstvo, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Иван А. Абрамкин, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ivanabramkin@list.ru

Information about the author

Ivan A. Abramkin, Cand. of Sci. (Art Studies), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6 Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; ivanabramkin@list.ru

«Устроися сей образ в память благодеяния Божия»:
Семейная икона калужских дворян Пирамидовых

Валентин А. Голубев

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, golubev.valent@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена истории создания, а также иконографии и стилю семейной иконы калужских дворян Пирамидовых. Надпись на ее обороте говорит о причинах заказа – удовлетворении судебного иска Ольги Григорьевны Пирамидовой. Это событие произошло в конце 1800 г. По ряду признаков эту тяжбу можно связать с «пирамидовским делом». Иконографическая программа памятника характерна для дворянского вкуса: изображены патрональные святые членов семьи, при этом в компоновке фигур явно выражена диалогичность. Образы святых Луки и Филиппа отражают мемориальный характер иконы, поскольку их церковная память приходится, соответственно, на начало и конец судебного дела. Пристальный анализ этих и других деталей помогает понять принципы сценариев формирования идентичности и стратегий памяти в среде русского провинциального дворянства. Благодаря точным датирующим признакам и подтвержденной связи с дворянским родом, постоянно проживавшим в Калужской губернии, икона становится важной опорной точкой в определении отличительных стилевых черт некоторых калужских икон. Через ряд аналогий формируется стилистически единая группа, ориентированная на образцы позднего московского барокко и связанная с эстетическими предпочтениями благородного сословия.

Ключевые слова: калужская икона, иконографическая программа, иконопись XIX в., надписи на иконах, калужские дворяне, фамильная икона, Пирамидовы, «Пирамидовское дело», Демидовы, мемориальные практики, стратегии идентичности

Для цитирования: Голубев В.А. «Устроися сей образ в память благодеяния Божия»: Семейная икона калужских дворян Пирамидовых // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 4. С. 142–169. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-142-169

“Was founded this icon in remembrance of God’s goodness”.
The Family icon of the Kaluga nobles Piramidovs

Valentin A. Golubev

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
golubev.valent@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the history of the creation, iconography, and style of a family icon of the Piramidovs nobles from Kaluga. According to the inscription on its back the reason for ordering was Olga Piramidova’s satisfaction at the court claim. That event took place at the end of 1800. Based on historical evidence the litigation can be associated with the “Pyramidovs’ case”. The iconographic program of the monument is typical for the noble taste: the patronal saints of the family members are depicted with dialogical express in their figures. The images of St. Luke and St. Philip reflect the memorial character of the icon, since their ecclesiastical commemoration coincided with beginning and the end of the court case. Careful analysis of those and other details helps to understand the principles of identity formation scenarios and memory strategies among the Russian provincial nobility. Thanks to precise dating and a confirmed connection to a noble family permanently residing in Kaluga province, the icon becomes an important point of reference in determining the distinctive stylistic features of certain Kaluga icons. Through a series of analogies, a stylistically unified group is formed, oriented towards samples of late Moscow Baroque and associated with the aesthetic preferences of the nobility.

Keywords: Kaluga icons, iconographic program, icon painting of the 19th century, inscriptions on icons, Kaluga nobles, family icon, Piramidovs, “Pyramidovs case”, Demidovs, memorial practices, identity strategies

For citation: Golubev, V.A. (2022), “ ‘Was founded this icon in remembrance of God’s goodness’: The family icon of the Kaluga nobles Piramidovs”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 142–169, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-142-169

...устроит словеса своя на суде,
яко в век не подвижится.

Пс. 111:5

Не бойтесь лица человеческого,
ибо суд – дело Божие.

Втор. 1:17

Введение

Русская иконопись Нового времени подвергается систематическому исследованию историков искусства уже более трех десятков лет, однако этот материал далеко не исчерпал своих возможностей –

исследователи продолжают открывать не только отдельные имена, но и целые художественные течения, связанные с региональной, субконфессиональной или корпоративной спецификой. Одним из перспективных направлений исследований в этой области является наследие иконописцев Калуги. Благодаря нескольким статьям В.Г. Пуцко [Пуцко 2000, 2005а, 2005b] и совместным публикациям М.А. Чернова и Т.Н. Нечаевой¹ [Нечаева, Чернов 2010] у исследователей и собирателей уже успело сложиться общее представление о калужском иконописании как о самостоятельном явлении с собственным отличительным набором художественных признаков². Однако систематического исследования в этой области еще не производилось. Данная статья вносит скромный вклад в изучение «калужских писем», вводя в научный оборот икону из частного собрания, обладающую достаточно точной датировкой и провенансом, позволяющим с определенной степенью вероятности предполагать калужское происхождение памятника.

На интересующей нас иконе (рис. 1), находящейся в одном из частных собраний России, изображены тезоименитые святые всех членов семьи дворян Пирамидовых³, по заказу которых и был написан этот образ: бессребреник Козьма, княгиня Ольга, праведная Елизавета, Анна пророчица, великомученица Варвара, мученица Александра. Также в центре иконы помещены изображения евангелиста Луки и апостола Филиппа, которые указывают на важные для семьи Пирамидовых события, совпавшие с днями памяти этих святых. На обороте иконы в прямоугольном картуше изложены обстоятельства, в память о которых была заказана икона:

¹ *Нечаева Т., Чернов М.* Калужская и Боровская епархия. Иконопись: XVIII–XIX вв. // Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2012. Т. 29. С. 620–623.

² Также отметим, что Н.И. Комашко в своей монографии, посвященной русской иконописи XVIII в., заметила, что иконопись Калуги можно рассматривать как проявление единой художественной культуры центров Поочья [Комашко 2006, с. 18]; И.Л. Бусева-Давыдова посвятила калужской иконе параграф в своей монографии [Бусева-Давыдова 2019, с. 131–135]; полную библиографию публикаций о калужской иконописи см. в Православной энциклопедии: *Нечаева Т., Чернов М.* Калужская и Боровская епархия... С. 623.

³ О дворянском роде Пирамидовых см. генеалогическое исследование: А.Н. Норцова (Род Норцовых / Сост. А.Н. Норцов. Тамбов: Типо-лит. Губернского Правления, 1903. С. 27–33). Те же сведения дублируются и в его изысканиях 1904 г. (*Норцов А.Н.* Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых с их ветвями (с гербами, портретами и таблицами). Тамбов, 1904. С. 415–421).

Рис. 1. Семейная икона калужских дворян Пирамидовых с избранными святыми: евангелист Лука, апостол Филипп, св. Козьма, княгиня Ольга, праведная Елизавета, Анна пророчица, великомученица Варвара, мученица Александра. Не ранее конца 1800 г. Калуга. 32 × 26 см. Частное собрание, Россия

Устроися сей образъ въ память благодѣланіа // божіа. а въ честь изображеннѣхъ святѣхъ ѱ//годниковъ, которыхъ молитвами ниспослалъ го//сподь богъ милость свою рабамъ своимъ Ко//змѣ и Олгѣ перамидовымъ съ дочерми ихъ // Елисаветою, Александрою, Анною и Варварою, 18 // сентября и 14 ноября 1800го года – въ перво^и // изсихъ дней евангелиста лѣки начато слѣ//шатъ, въ Спѣтеревбурге въ вышнемъ правител//лствѣ тажевное олги съ сильными еѣ соперни//ками въ балшомъ еѣ нанихъ иске дѣло. а въ // послѣдней всехвалнаго филиппа слава Богѣ // совсемъ вышло полезное для насъ рѣшеніе. // въ сіе время оба мы находились тамъ и // дѣти были тамже, первыа двѣ въ орденско^и // екатерининскомъ училище на благородно^и отъ // высоко монаршихъ щедротъ воспитаніи, а // меншыа принасъ. съ которыми я тотъ часъ // вохрамѣ казанскіа Богоматери и во^ипѣлъ: // тебе Б[о]га хвалимъ и прочее, проса и мола ѱ//тверди Господи достоиніе сіе, предположивъ на//писать и сію иконѣ изображающюю всѣхъ // тѣхъ нашихъ святѣхъ тезоименитовъ.

Из надписи следует, что икона была написана в память об удовлетворении судебного иска Ольги Григорьевны Пирамидовой. Начало слушаний по делу пришлось на день памяти евангелиста Луки, а в день памяти апостола Филиппа, согласно судебному решению, Ольга Григорьевна выиграла дело. В столице вместе с Ольгой в это время находились ее супруг и две старшие дочери, обучавшиеся в Екатерининском институте⁴ (училище ордена св. Екатерины⁵). В день вынесения решения по судебному делу муж Ольги, Козьма Антонович Пирамидов, прославляет Господа в Казанском соборе Санкт-Петербурга и принимает решение заказать икону с изображением тезоименитых святых членов своей семьи. Отсюда следует, что заказ на написание образа должен был поступить к иконописцу в скором времени после судебного решения в пользу Ольги Пирамидовой. То есть икона могла быть заказана и исполнена в последние два месяца 1800 г. либо уже в 1801 г.

Под картушем гражданской скорописью черными чернилами выведена еще одна надпись, к сожалению, трудно читаемая. Согласно аукционной этикетке эта надпись свидетельствует о пополнении в семействе Пирамидовых: в 1807 г. у Козьмы и Ольги родился наследник Сергей.

В нижней части лицевой стороны образа помещена стихотворная надпись (рис. 2), иносказательно повествующая о действенном покровительстве всех небесных заступников семьи успешному разрешению судебной тяжбы в пользу Ольги Григорьевны Пирамидовой:

Лѣка благовѣстнаѣ успѣхъ благоумѣ дѣла,
 Свѣтыи Филиппи свѣршивъ привелъ его къ предѣлу.
 Козма со Ольгою молился о семъ
 Елисаветѣ всегда питалъ въ сердцѣ вѣрѣ
 со Александрю текли по нѣхъ примѣру.
 Варваражъ съ Анною въ усердіи своемъ
 познать законъ Творца любовью пламенели
 Но всѣ они однѣ благѣю цѣль имѣли.

⁴ Род Норцовых. С. 30, 31.

⁵ Институт благородных девиц для дочерей потомственных дворян, основанный дамами ордена св. Екатерины в 1798 г. Обе сестры, Елизавета и Александра, были воспитанницами данного заведения.

Рис. 2. Семейная икона
калужских дворян Пирамидовых (фрагмент)

Род Пирамидовых

Приведем здесь краткую справку о семействе К.А. Пирамидова. Дворянский род Пирамидовых восходит своими корнями к концу XVII в. В XVIII в. Пирамидовы числились смоленскими дворянами. В их владении были земли в Смоленском наместничестве, в частности деревня Мясоедова Вяземской округи, село Ерашково с деревней Бабинскими в Дорогобужской округе. Козьма Антонович Пирамидов (01.11.1754–21.10.1810) унаследовал эти владения от своих предков вместе с имением в Перемышльской округе Калужского наместничества и селом Брагиным Калужской округи, где он постоянно и проживал⁶. Видимо, это и стало причиной того, что в 1801 г. имя Козьмы Антоновича было внесено в Дворянскую родословную книгу Калужской губернии⁷. Он упоминается в ее третьей части, куда вносились лица, получившие дворянство по достижении соответствующего классного чина или вследствие награждения орденом. Эти обстоятельства биографии заказчика важны для атрибуции, интересующего нас памятника. Скорее всего, Пирамидовы заказали икону по возвращении в Калужскую губернию, что, на наш взгляд, подтверждается ее художественным исполнением (об это см. далее). Впрочем, остается некоторая вероятность того, что она могла быть создана еще в Северной столице, пока Пирамидовы были заняты бюрократическими тонкостями, связанными с оформлением отошедшего в их владение имущества.

⁶ Там же. С. 28.

⁷ Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 г. и Перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 г.: Калуж. губ., Калуга: Н. Булычев, 1908. С. 139.

К.А. Пирамидов состоял в браке с Ольгой Григорьевной Щепочкиной, представительницей другого калужского дворянского рода [Заурдина, Авдеенко, Джаббаров 2006], (14.07.1763–11.07.1821), от которой имел четырех дочерей и сына: Елизавету (05.08.1788–04.09.1848), Александру (13.05.1791–06.05.1867), Анну (25.12.1792–09.11.1867), Варвару (07.10.1794–04.05.1816) и Сергея (26.06.1807–25.04.1881). Как уже было сказано выше, святые покровители всех перечисленных здесь (кроме Сергея, родившегося после написания иконы) членов семьи К.А. Пирамидова изображены на рассматриваемой нами иконе.

«Благодееание Божие»

«Благодееание Божие», как мы упоминали вначале, состояло в удовлетворении «большого» судебного иска Ольги Григорьевны Пирамидовой против «сильных ее соперников». Вполне возможно, что иск О.Г. Пирамидовой был одним из эпизодов долгой судебной тяжбы между двумя ветвями потомства Прокофия Акинфиевича Демидова. Ольга Григорьевна Щепочкина приходилась внучкой видному представителю рода Демидовых – Прокофию Акинфиевичу Демидову (1710–1786), владельцу крупных горнопромышленных предприятий, известному своей благотворительной деятельностью⁸. Прославившийся своими чудачествами Прокофий Акинфиевич, выдавая дочерей замуж, поступал так: он одаривал невесту значительной денежной суммой, но в рядной записи указывал, что все приданое состоит лишь в 99 рублях и 99 копейках. Это обстоятельство послужило поводом для судебного иска со стороны дочерей Прокофия Акинфиевича, желавших вторичного раздела наследства, дабы исправить мнимую несправедливость в разделе имущества между наследниками мужского и женского пола⁹.

Некоторые дополнительные сведения о результатах иска О.Г. Пирамидовой можно почерпнуть в именном указе императора Александра I Правительствующему Сенату «О покупке крестьян к заводам и фабрикам из расположенных к оным местам по близости»¹⁰. В преамбуле указа говорится:

⁸ Род Норцовых. С. 29.

⁹ Там же.

¹⁰ Указ № 20. 352 от 31 июля 1802 года (ПСЗРИ); упоминание об этом процессе можно найти также у С.Н. Шубинского (*Шубинский С.Н. Исторические очерки и рассказы С.Н. Шубинского. 5-е изд., доп. и испр. СПб.:*

Дошло до сведения Нашего, что по иску титулярной советницы Пирамидовой на титулярном советнике Аммосе Демидове (т. е. сыне Прокофия Акинфиевича), продано с аукционного торга крестьян Демидова, состоящих Вятской губернии Яранского уезда в разных селениях, всего мужеска пола 139, женска 125 душ¹¹.

Ниже сообщается, что купивший имения Аммоса Прокофиевича Демидова московский именитый гражданин и коммерции советник Губин¹² перевел демидовских крестьян на железные заводы в Оренбургскую губернию, а землю продает подпоручику Фазянову за 1000 рублей.

Отметим примечательную деталь, напрямую связанную с удовлетворением иска О.Г. Пирамидовой. Для этого обратимся к формуле молитвенного благодарения, которое, согласно записи на обороте иконы, произнес в Казанском соборе Козьма Антонович Пирамидов. Молитва Козьмы Антоновича составлена из двух фраз «Тебе Б[о]га хвалимъ (и прочее)» и «утверди Господи достои́ніе сіе». Эти фразы являются начальными словами первой и последней строф гимна св. Амвросия Медиоланского «Тебе Бога хвалим, Тебе Господа исповедуем», который помещается в конце последований благодарственных молебнов, так что выбор молитвы был не случаен и вполне соответствовал событию. Начала указанных строф гимна поставлены рядом, чтобы изобразить, как Козьма Антонович пропел весь гимн, от начала до конца, по памяти. При этом в первых словах последней строфы гимна произведена замена притяжательного местоимения «Твое» на указательное «сіе». Возможно, это случайная описка, которую допустил иконописец. Однако, если учесть, что слово «достои́ние», составляющее с местоимением единую грамматическую структуру управления,

Тип. А.С. Суворина, 1908. С. 419) и в «Русском архиве» (Демидов П.А. Автобиографическое показание / Сообщ. Н.Н. Хозиков // Русский архив. 1874. Кн. 2. Вып. 9. С. 550–554). К сожалению, в указах от 18 сентября по 14 ноября 1800 г. не встречается сведений об иске О.Г. Пирамидовой.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ): Собр. 1-е (с 1649 по 12 дек. 1825 г.). Т. XXVII.: 1802–1803. СПб.: Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 209.

¹² Он также скупал имущество других членов династии Демидовых (Предприниматели Урала XVII – начала XX в.: Справочник. Вып. 1: Уральские горнозаводчики / Авт.-сост.: Е. Неклюдов, Е. Рукосуев, Е. Курлаев, В. Микитюк. Екатеринбург: УрО РАН, 2013. С. 16–17).

толкуется как «наследие»¹³, то можно предположить, что во фразу молитвы намерено были внесены коррективы, естественно, по инициативе заказчика. В таком случае, если наше предположение верно, текст молитвы приобретает новое значение: у Бога просят сохранить не «наследие» Церкви и всех православных христиан, а наследие рода, подразумевая при этом и ту значительную часть наследства Демидовых, которая должна была умножить состояние Пирамидовых.

Обстоятельства заказа сближают рассматриваемый памятник с обетными иконами. Действительно, после успешного завершения судебной тяжбы Козьма Антонович прославляет Бога в Казанском соборе Санкт-Петербурга, где его посещает идея о создании иконы с особой мемориальной программой. В надписи как бы воспроизводится сценарий обета как формы выражения порыва благочестивых чувств. Хотя обетные образа часто жертвовали в храмы в качестве вотивных приношений, но известны и случаи, когда такие иконы сохранялись в семье на память грядущим поколениям [Бусева-Давыдова 2011, с. 83]. Пирамидовы, по всей видимости, хранили образ в семье как особый «монумент» важного эпизода семейной истории. Можно сказать, что их икона сочетает в себе черты обетной и семейной. По смерти своих прямых владельцев такие иконы становятся альтернативным дворянским родословным способом сохранения родовой памяти и идентичности. Эту особую роль семейных икон в формировании преемственности поколений удачно выразил в своих воспоминаниях Сергей Николаевич Дурылин, происходивший из старого калужского купеческого рода. Описывая быт и обстановку в доме родителей, он упоминает о вывезенной из Калуги семейной иконе. Изображенные на ней патрональные святые воспринимались С.Н. Дурылиным как идеальные портреты предков¹⁴.

¹³ Такой перевод приводится в более поздних толковых молитвословах, среди прочих пояснений к тропарю Честному Кресту, который также содержит фразу: «благослови достояние Твое» (Толковый сокращенный молитвенник, или Собрание употребительнейших молитв и песнопений / Сост. священник И.Н. Бухарев. М.: Изд. книжного магазина В.В. Думнова под фирмой «Наследники братьев Салаевых», 1896. С. 93–94).

¹⁴ «Был и еще один примечательный образ – Трех Святителей. <...> ... образ был нарочито заказан иконописцу и велено было ему по сторонам Трех Святителей приписать Зенона, Евдокию и других угодников тезоименитых деду моему, бабке, прадеду, прабабке и т. д. Портретов этих

Иконографическая программа

Иконография иконы в общих чертах соответствует основным принципам дворянского заказа. Как правило, представители дворянских фамилий желали видеть на родовых иконах прежде всего патрональных святых. Такова, например, икона¹⁵, происходящая из имени Петровского Рыбинского уезда, принадлежавшего дворянам Михалковым¹⁶. Этот же принцип соблюден и на иконе Пирамидовых: на переднем плане стоят фигуры мученика Козьмы и равноапостольной Ольги, а за ними парами расположены святые покровительницы дочерей (рис. 3). В купеческой и старообрядческой среде преимущественно бытовали иконы, на которых патрональные святые соседствовали со святыми заступниками от невзгод и болезней и покровителями профессий [Бусева-Давыдова 2011, с. 86].

Изображения святых апостолов Луки и Филиппа отражают мемориальный характер заказа, поскольку начало и конец судебной тяжбы О.Г. Пирамидовой пришлось, соответственно, на дни их памяти. Здесь нам видится параллель с достаточно древним обычаем посвящения храмовых престолов святым или праздникам, совпадающим с особо важными событиями, например военной победой. В дворянской культуре XVIII–XIX вв. образцом подобных стратегий формирования памяти служили различные мемориальные храмы столицы, посвященные успехам русского оружия¹⁷.

родичей моих (кроме деда) не сохранилось, да и вряд ли существовали эти портреты, но лики их тезоименитых святых хорошо указывают, каким родословием дорожили предки мои. <...> Эти образа, вывезенные из Калуги, хранили безымянную летопись старого купеческого рода, к которому я принадлежу» (*Дурьлин С.Н.* В своем углу: Из старых тетрадей. М.: Московский рабочий, 1991. С. 159).

¹⁵ *Хохлова И.Л.* Иконы Рыбинского музея. М.: Северный паломник, 2005. Кат. 24. С. 77–79.

¹⁶ На иконе изображены покровители супружеской пары: Александра Петровича и Анны Ивановны (1730–1783) Михалковых. На левом поле приписан (возможно, позднее) святой князь Владимир, в честь которого был наречен сын супружеской четы.

¹⁷ Например, в память об «одной из самых значительных побед Северной войны – взятии Нарвы (9 августа)» Петр I повелел освятить перенесенную на новое место из крепости на Заячьем острове Петропавловскую церковь в честь апостола Матфия, память которого приходится на 9 августа [Агеева 1991, с. 64].

Рис. 3. Семейная икона
калужских дворян Пирамидовых (фрагмент)

Обращает на себя внимание подчеркнутая диалогичность¹⁸ поз святых апостолов: Лука изображен в профиль и открытым жестом обеих рук обращается к Филиппу. При этом, надо заметить, и в стихотворной подписи, и в живописном исполнении довольно ловко обыгрывается чин святости Луки как евангелиста (*греч.* – благовестник), поскольку он изображается оратором. Филипп, расположенный в трехчетвертном повороте, как бы принимает послание своего собеседника, обратив открытую ладонь левой руки в его сторону, а правую прижимая к груди. Как можно догадаться, подобная

¹⁸ Иконам, исполнявшимся по дворянскому заказу, вообще свойственна склонность к жанровости, при которой патрональные святые изображаются во взаимном общении. В этой особенности отразились вкусы сословия, хорошо знакомого с образцами светской живописи. На таких иконах влияние европейских стилей заметно не только в заимствовании орнаментальных деталей, отдельных изобразительных мотивов, но оно распространяется на сами принципы организации изобразительного пространства. Поэтому, как и в случае с иконой Пирамидовых, эта черта иногда приобретала значение организующего композицию принципа. Например, на иконе кисти В.И. Василевского, принадлежавшей чете помещиков Тишининых, патрональные святые супругов демонстрируют жест предельного доверия: святитель Николай нежно держит святую Ксению за руку (*Хохлова И.Л.* Указ. соч. Кат. 23. С. 74–76).

компоновка выражает ту же мысль, что и первые две строки стихотворения: «Лука благовестил успех благому делу, Святой Филипп, свершив, привел его к пределу». Святые заключают между собой союз, чтобы общими усилиями совместно покровительствовать Пирамидовым.

Мода сопровождать иконописное изображение виршами пришла в русское искусство во второй половине XVII в. как одна из черт барочной культуры. С этих пор в иконописи стал популярен принцип эмблемы: изображение сопровождается «девизом» и стихотворной подписью-«эпиграммой» [Тарасов 1995, с. 347]. Визуальным ориентиром для таких композиций с текстами в нижней их части часто служили ксилографии в изданиях малороссийских типографий. Книжные иллюстрации нередко использовались в качестве иконных образцов, так что вирши переносились с типографского листа на икону¹⁹. На иконе Пирамидовых сохраняется лишь сам принцип расположения стихотворного текста, заключенного в рамку или картуш, в нижней части изобразительного поля. Ритмика стихов уже не отвечает принципам силлабического стихосложения²⁰, которое было принято в среде ученых малороссов. Перед нами пример формы силлабо-тонического стихосложения²¹, а именно ямбического trimetra, состоящего из шести стоп, формирующих три диподии (U—| U—| U—| U—| U—| U—). Отметим, что в стихотворной подписи наблюдается отход от этого канона в 1, 7 и 8 строках (меняется размер последней стопы на одну мору). Можно сказать, что это новый этап развития барочной изобразительной схемы с виршами и эпиграммами. Отказ от виршей в пользу поэтической новой ритмики был характерен для дворянской среды.

Текст стихотворной подписи, несомненно, обладает литературными достоинствами, поскольку и в своем лексическом составе, и в следовании метру демонстрирует знакомство автора с классическими образцами поэзии. Иначе говоря, эти стихи отличаются от различных примеров подражания высокой культуре в народном творчестве. Кто был их автором – сами Пирамидовы, их дочери, несомненно обучавшиеся стихосложению в Екатерининском училище, или же сам иконописец (что, впрочем, менее вероятно) – определенно сказать нельзя.

¹⁹ Примером чему служит родовая икона дворян Челищевых с виршами Дмитрия Ростовского [Бусева-Давыдова 2007, с. 55].

²⁰ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Николоюкина; Институт научной информации по общественным наукам РАН. М.: Интелвак, 2001. Стб. 291–292.

²¹ Там же. Стб. 974–975.

Нам известна еще одна калужская (о чем можно судить по ее художественному исполнению) икона со стихотворной надписью в нижней части. Это образ Богоматери «Взыскание погибших» из Подольского музея в Белостоке²², который можно датировать 1820–1840-ми гг. Стихотворная форма подписи, как и на иконе Пирамидовых, выстроена в силлабо-тонической ритмике. Однако стихотворный размер структурно непоследователен, к тому же нет порядка в рифме – зарифмованы только 1-й и 3-й стихи. По всей видимости, подобная нестройная поэзия создавалась как подражание высокой литературной культуре в мещанской или купеческой среде. Важна здесь и иная деталь: стихотворная надпись²³ является парафразом первых двух строк тропаря 7 гласа иконе Богоматери «Взыскание погибших»²⁴. То есть тут показательна сама тенденция к предпочтению рифмованного текста гимнографическому оригиналу или силлабическим виршам, которые к этому времени вышли из моды.

Приведем еще одно свидетельство о создании иконы со стихотворной подписью. В 1855 г. вступившему на пост министра внутренних дел С.С. Ланскому в дар от Рязанской губернии преподнесли копию местночтимой иконы Феодотьевской Божией Матери с сопроводительными стихами купца А.В. Антонова, который в своих произведениях тяготел именно к дворянской литературной культуре и, видимо, не изменил себе, сочиняя стихи для С.С. Ланского [Грачева 2018 с. 53]. Очевидно, поэтический текст, по мысли дарителей, должен был подчеркнуть оригинальность дара и придавать ему статус объекта элитарной культуры.

Помимо общих культурных тенденций, ориентиром композиционной формулы для иконы Пирамидовых могла стать семейная святыня рода Демидовых – Корсунская икона Богоматери. Этим образом сам святитель Димитрий Ростовский благословил тульских оружейников Никиту и Акинфия Демидовых на строительство уральских заводов, начертав на иконной раме сочиненные им по данному случаю вирши²⁵. Образ этот особо почитался членами

²² Tomalska J. Ikony w zbiorach prywatnych i muzealnych. Białystok: Totus, Białowieża, 1991. Кат. 22.

²³ «Во вѣбѣтіахъ дево носитъ предвѣчнаго бога всегда // ево просятъ подати милости прощати насъ».

²⁴ «...Благодатная Богородица Дево, // в объятиях Своих Предвечного Младенца и Бога носившая. // Проси Его дать миру умирение // и душам нашим спасение».

²⁵ «Никита Демидов благословенный, // С сыном Якимфом буди во всем умножении! // О Всесвятая Мати ему сопутница есть буди, // Сохраняй в дому здрава, на пути присутствуй. // Архиперей Тобольский молит тя

династии Демидовых, так что Ольга Григорьевна не могла не знать о нем. Возможно, услышав о намерении супруга заказать семейную икону, она предложила написать на ней нечто вроде виршей Димитрия Ростовского²⁶.

Продолжая рассматривать связь текста и изображения на иконе Пирамидовых, заметим также, что благодаря отредактированной фразе («**Ѹтверди Господи достоѡніе сіе**» вместо «**Ѹтверди Господи достоѡніе твоє**», о чем мы писали выше) из гимна Амвросия Медиоланского символическая программа иконы усложняется, приобретая новый семантический пласт. Как уже было замечено, в новой редакции молитвенное прошение можно понимать как просьбу сохранить и преумножить семейный капитал (**достоѡніе**) Пирамидовых. Если при этом вспомнить, что изображения патрональных святых на семейных иконах являются опосредованной формой присутствия самого заказчика²⁷, то образ святого Козьмы на лицевой стороне иконы становится более красноречивым. Получается, что святой бессребреник (рис. 4) не только «молится со Ольгою» об «успехе благому делу», но и, пророчески прозревая успешный исход судебной тяжбы, просит Господа о дальнейшем процветании рода Пирамидовых. То есть икона отражает как память о прошлом, так и чаяния заказчиков, обращенные в будущее.

Стилистические аналогии

С учетом географических перемещений Пирамидовых в 1800 г. икона могла быть написана либо в Санкт-Петербурге, либо уже по возвращении ее заказчиков из столицы – в Калужской губернии. Стоит отметить, что среди крепостных семейства Щепочкиных,

усердно, // Даруй ему здравие цело и невредно, // Храни благополучно в премногие лета, // Избавляй и покрывай от злого навета» (ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 76. Л. 158) [Рутман 2008, с. 267].

²⁶ Поскольку стихи и текст на обороте различаются по своим литературным качествам, возникает ощущение, будто тексты составлены различными авторами. Возможно, мемориальная надпись составлялась заказчиками, а вирши были сложены кем-то другим. Не исключено, что здесь потрудились сестры Пирамидовы, которым приходилось упражняться в поэзии в Екатерининском училище.

²⁷ Это черта русской иконографической традиции, представляющая собой субститут ктиторского портрета. Начиная с XIV–XV вв. заказчики, все более сомневавшиеся в гарантиях собственного спасения, предпочитали видеть на иконах тезоименитых святых вместо собственных изображений в качестве ктиторов [Преображенский 2010, с. 483].

Рис. 4. Семейная икона калужских дворян Пирамидовых
(фрагмент со святым Козьмою)

чьи владения также располагались в калужских пределах, во второй половине XVIII в. числился иконописец. В собрании Николая Петровича Лихачева находилась икона (рис. 5), написанная в 1777 г. Тимофеем Ипатовым²⁸, который подписался как «полотна(ной) ипархской фабрики содержателя григора иваныча²⁹ сына щепочкина ево сопственой иконописецъ»³⁰. Не исключено, что и рассматриваемую икону писал человек Щепочкиных, который мог быть даже учеником Тимофея Ипатова.

Петербургская версия создания иконы не кажется убедительной, так как икона не вписывается в ряд памятников иконописи Петербурга этой поры. По нашему мнению, стиль иконы указывает именно на ее калужское происхождение. Согласно нашим наблюдениям, калужская иконопись не была однородной³¹ и представляет

²⁸ Лихачев Н.П. Материалы для истории русского иконописания: атлас [снимков]. Ч. I, I-я пол. (табл. 1–172: I-CCX) СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1906. С. 4; табл. LXXVII. № 132.

²⁹ То есть отец Ольги Григорьевны Щепочкиной.

³⁰ Каргер М.К. Материалы для словаря русских иконописцев // Материалы по русскому искусству. Т. 1: Сб. к 30-летию художественного отдела ГРМ: 1898–1928. Л., 1928. С. 121.

³¹ Хотя обычно о калужской иконе говорят как о цельном явлении, указывая на общие особенности колорита и наследование приемов системы живоподобия [Бусева-Давыдова 2019, с. 135; Нечаева, Чернов 2010, с. 16].

Рис. 5. Богоматерь по типу «Ломовской».
Тимофей Ипатов, 1778 г. 52,63 × 41,61 см. ГРМ, инв. № 2686
(ранее в собрании Н. П. Лихачёва)

собой несколько стилистических линий. Одна из них генетически связана с московской иконописью эпохи барокко и в большей степени отвечает, как можно думать, вкусам провинциального калужского дворянства. Истоки этого «московского» направления следует искать в памятниках аннинского или елизаветинского барокко. Действительно, сравнивая икону Пирамидовых, например, с образом избранных святых, написанным Дмитрием Яковлевым Молчановым в 1734 г. [Комашко 2006, с. 320] (рис. 6), нетрудно заметить преемственность в позах фигур, рисунке складок и абрисе ликов, в предпочтениях цветовых сочетаний и живописных приемах. Классицистическая мода придает иконе Пирамидовых определенную сдержанность и холодность, однако приметы барочной эстетики не исчезают. Раннее и слабо выраженное свидетельство влияния московского барокко присутствует уже на иконе святителя Афанасия и мученицы Татианы³² из собрания КМИИ

³² Происходит из имения Гончаровых Полотняный завод. Являлась семейной иконой Афанасия Абрамовича Гончарова и его супруги Татьяны Матвеевны. Основываясь на свидетельстве о смерти первой жены Афанасия Абрамовича в 1737 г. и о вступлении в брак его второй жены Татьяны Матвеевны в 17 лет (т. е. в том же году), можно смело датировать икону не ранее 1737 г. (см. [Ровенский 2015, с. 7]) либо фрагмент книги, доступный по адресу: URL: <http://m-rodoslovnay.narod.ru/index/0-134> (дата обращения 29 августа 2022).

*Рис. 6. Избранные святые.
Дмитрий Яковлев Молчанов, 1734 г. 30,5 × 25,5 см.
Собрание А.В. Анисимовой, Россия*

[Нечаева, Чернов 2010, илл. 23, с. 34] (рис. 7), выделяющейся динамичными волнистыми драпировками одежд мученицы. Явным образом это направление в калужской иконописи оформится, по всей видимости, в последней четверти XVIII в. Близок в художественном отношении к иконе Пирамидовых другой памятник с бесспорно калужским происхождением – икона Богоматери «Живоносный источник» (рис. 8) из местного ряда иконостаса церкви Николая на Козинке, датируемая последней четвертью XVIII в. (до 1801 г.)³³.

Природу стиля иконы Пирамидовых, представляющего собой периферийное явление в калужской иконописной традиции, можно понять, обратившись к образу Собора архангела Михаила (рис. 9), написанному в 1804 г. в посаде Клинцы И.К. Карташевым [Перекрестов 2012, с. 385–388]. Здесь стоит оговориться, что иконопись записных старообрядческих слобод Черниговщины, к ареалу которых относится и посад Клинцы, во многом сформирована благодаря культурным связям с Калугой [Нечаева, Чернов 2010, с. 22], так что в некоторых случаях легко ошибиться, атрибутируя иконы

³³ Датировка В.Г. Пуцко основывается на упоминании иконы в описи имущества калужских церквей, составленной в 1801 г. [Пуцко 2005b, с. 346].

*Рис. 7. Святитель Афанасий и мученица Татиана.
Калуга, посл. четверть XVIII в. КМИИ*

*Рис. 8. Богоматерь «Живородный источник».
Калуга, посл. четверть XVIII в. 114 × 67 см.
Местный ряд иконостаса
церкви Николы на Козинке, Калуга*

Рис. 9. Собор архангела Михаила.
И.К. Карташов. Клинцы, 1804 г. ГМИР, инв. № А-50-IV

как «калужские» или «ветковские»³⁴/«стародубские». Иначе говоря, наше сравнение вполне уместно. Заказчиком иконы Собора архангела Михаила был брат иконописца И.К. Карташева – купец и издатель Ф.К. Карташев, – который преподнес ее в дар архиепископу Черниговскому Михаилу (Десницкому). Тут важно учесть один нюанс: братья Карташевы были старообрядцами, но икона предназначалась для архиерея господствующей церкви. Иконописец определенно пытался подстроиться под образцы столичной иконописи, чтобы угодить искушенному в искусствах и науках владыке. В результате этих усилий художественное исполнение иконы приобрело смешанный характер [Бусева-Давыдова 2019, с. 170]. Традиционные для «ветковской» иконописи приемы и физиогномика сочетаются с чертами иконописи столичного типа – с холодной серо-голубой гаммой и изысканным рисунком складок и драпировок, отражающими тенденции в искусстве переходного этапа от барокко к классицизму (рис. 10).

Также обратимся к другим двум памятникам калужской иконописи, созданным позже иконы Пирамидовых примерно на два

³⁴ Под устоявшимся в исследовательской литературе термином «Ветковская икона» обычно подразумевают широкий круг памятников, созданных не только в слободе Ветка, но и в старообрядческих слободах и посадах Черниговщины.

Рис. 10. Собор архангела Михаила.
И. К. Карташов (фрагмент)

десятилетия, но по сути связанными с ней преемственностью стилистических признаков. Мы имеем в виду икону с изображением Покровского Лихвинского Доброго монастыря³⁵ (рис. 11), которую датируем примерно 1818–1832 годами³⁶, а также образ мученицы

³⁵ Изображенные на иконе постройки были определены Г.В. Алтуниным и С.П. Заварихиным как ансамбль Покровского Лихвинского Доброго монастыря (входил в состав Калужской епархии) в 2019 г. [Алтунин, Заварихин 2019, с. 158]. В этом можно убедиться, обратившись также к дореволюционным фотоснимкам монастыря (например: общий вид Лихвинского Покровского Доброго монастыря. Фотография, начало XX в. (КОМЗ, КП-534/1). См.: Госкаталог Музейного фонда РФ. № 10886526; фотоснимок также воспроизведен в (Кацкаров В.М. Очерк истории церкви в пределах нынешней Калужской епархии // Калужская старина: Калужское церковное историко-археологическое общество. Т. 3. Год третий. Кн. 1. Калуга: Тип. Губернского правления, 1903. С. 13). Дополнительным аргументом связи иконы и монастыря служит состав избранных святых, соответствующих посвящениям престолов Покровского собора Доброго монастыря.

³⁶ Наше обоснование датировки иконы (подробно изложена в нашей статье [Голубев 2022]) строится на сопоставлении сведений о строительных и реставрационных работах в монастыре (Леонид (Кавелин), архимандрит. Описание Лихвинского Покровского Доброго мужского монастыря. М.: в Университетской типографии (М. Катков) на Страстном бульваре, 1876. С. 29–30) и его облика на иконе.

Рис. 11. Богоматерь с апостолом Андреем Первозванным и мучениками Флором и Лавром над Лихвинским Покровским Добрым монастырем.

Калужская губерния, 1818–1832 г. 22,5×17,8 см.

Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, КП-3420 Инв. № 2001-1

Рис. 12. Святая мученица Анастасия и праведная Анна с образом Богоматери Смоленской, 1829 г.

Козьма Жердев. Калуга. 31,4×26 см.

Антикварная лавка в Калашном переулке (Москва), лот № 31437

Анастасии и праведной Анны с образом Богоматери Смоленской 1829 г. работы Козьмы Жердева (рис. 12). Художественный строй данных памятников наследует принципам, реализованным в иконе Пирамидовых и в образе работы И.К. Карташева, хотя рисунок становится более строгим, колорит мягким, но достаточно сдержанным. Иначе говоря, это более поздний ампириный этап очерченного нами стилистического направления.

Икона И.К. Карташева наводит на мысль, что выделяемая нами группа калужских икон, ориентированных на московскую барочно-классицистическую иконопись, есть не что иное, как результат работы иконописцев под вкусы носителей элитарной дворянской культуры³⁷. Заказчики с европеизованным художественным вкусом хотели иметь иконы в стиле московских мастерских. Однако полностью воспроизвести эти столичные образцы у местных иконописцев не получалось, и при значительном сходстве некоторые детали на таких иконах выдают руку калужского мастера. Примерно это мы и видим на семейной иконе Пирамидовых. С одной стороны, чувствуется ориентация на позднее московское барокко, а с другой – калужские черты:

- холодная цветовая гамма с сочетанием сиреневых и розовых оттенков; использование в личном письме сочетаний светло-красной подрумянки с сизоватым разбеленным вохрением (рис. 2 и 3);
- некоторые параметры пропорций: округлые очертания ликов; стопы, плотно поставленные на земле;
- тип силуэта, сильно вытянутый, резко сужающийся от бедер к ступням и к линии талии; этот тип фигуры, по нашему мнению, сформировался в Калуге путем интерпретации некоторых типажей из книжных гравюр малороссийских изданий³⁸;
- форма обуви с крупными выделяющимися бубнообразными очертаниями носков сапог;

³⁷ Это могли быть не только прямые представители благородного сословия, но и высшее духовенство или особенно зажиточное купечество (например, Золотарёвы, чей особняк в Калуге явно ориентирован на европеизованные вкусы дворянства).

³⁸ Сравни фигуру бессребреника Косьмы с фланкирующими Богоматерь фигурами ангелов (Украинские книги кирилловской печати XVI–XVIII вв.: Каталог изданий, хранящихся в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина: Вып. 2. Т. 1: Киевские издания 2-й половины XVII в. / Сост. А.А. Гусева и др.: М., 1981. Кат. 1594, с. 267) или с фигурой ангела (сходство с которой более убедительно из-за совпадения формы одежд – двух туник) (Там же. Кат. 1414. С. 194).

- вместо вызолоченного диска нимба изображается свечение в виде лучей, расходящихся от ликов святых;
- структура поэма с отчетливым контурным делением на три пейзажных плана и с характерными приемами исполнения трав и камней. Растительность исполнена живыми, непосредственными и быстрыми движениями кисти, оставляющими каплевидные следы. На калужских иконах нередко можно увидеть камни, также как и позем, исполняемые живописно, так что явно заметны мазки различных оттенков, формирующие их объем.

Можно сказать, что на иконах данного типа предстает идилическое пространство: здесь прежде всего важны гармония и спокойствие. Это ощущение передается зрителю через отсутствие резких линий в рисунке и ярко выраженных контрастов в тонально-цветовых отношениях. Нежные и утонченные образы с изящной пластикой жестов изображаются как бы в неспешном взаимном общении.

Естественно, все перечисленные выше признаки сами по себе не уникальны, но в совокупности они помогают связать икону Пирамидовых с упоминавшимися выше памятниками калужской работы. При этом периферийный характер выделяемой нами стилистической линии, очень тесно связанной с московскими иконами этой поры, затрудняет прямое и непосредственное опознание этих икон «калужскими». Черты калужской иконописной манеры выражаются не отчетливо, но лишь в нюансах и некоторых деталях, усмотрение которых предполагает внимательность и подготовленность интенции зрительского взгляда (чему и должно служить наше исследование).

Заключение

Семейная икона калужских дворян Пирамидовых представляет собой памятник с нестандартной иконографической программой мемориального характера. Помимо этого, икона обладает достоинствами исторического источника благодаря условиям заказа, связанным с окончанием одного из эпизодов «Пирамидовского дела» – раздела наследства потомками П.А. Демидова. Стиль иконы, пространственные стихотворные и мемориальные надписи хорошо иллюстрирует характер личного благочестия русского провинциального дворянства, религиозность которого удачно сочеталась с культурными тенденциями эпохи.

Икона Пирамидовых придает ему важное значение в наших построениях относительно барочно-московской стилистической

линии в калужском иконописании. Наравне с иконой Богородицы, написанной Тимофеем Ипатьевым в 1777 г., подносной иконой Лихвинского Доброго монастыря и образом Богородицы Смоленской со святыми Анной и Анастасией 1829 г. работы Козьмы Жердева он является опорной точкой в вопросах атрибуции произведений калужской иконописи.

Благодарности

Хочу выразить искреннюю благодарность моему научному руководителю, кандидату искусствоведения Александру Сергеевичу Преображенскому за деятельную помощь и руководство моей работой.

Acknowledgements

I would like to express my sincere gratitude to Mr. Alexander Preobrazhensky, my supervisor, PhD in Arts, for active support and providing guidance in my work.

Список сокращений

- ГАЯО – Государственный архив Ярославской области
- ГРМ – Государственный Русский музей
- КМИИ – Калужский музей изобразительных искусств
- КОМЗ – Калужский объединенный музей-заповедник
- ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
- ЦМиАР – Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева

Литература

- Агеева 1991 – Агеева О. Культурные памятники Москвы и Петербурга петровского времени: К вопросу о традициях и новациях в русской культуре нового времени // Актуальные проблемы истории русской культуры: Сб. научных трудов / Институт истории СССР АН СССР. М., 1991. С. 60–89.
- Алтунин, Заварихин 2019 – Алтунин Г., Заварихин С. История формирования архитектурного ансамбля Лихвинского Покровского Доброго монастыря // Тульский краеведческий альманах. 2019. № 16. С. 152–162.

- Бусева-Давыдова 2007 – *Бусева-Давыдова И.* «Ченстоховская» или «Умягчение злых сердец»? Загадка одной богородичной иконографии // Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. 2007. № 5 (47). С. 52–56.
- Бусева-Давыдова 2011 – *Бусева-Давыдова И.* Семейные иконы в русской культуре // Уваровские чтения VII. Семья в традиционной культуре и современном мире: Материалы Всерос. науч. конф. Муром, 29 апреля – 1 мая 2008 г. / ГУК ВО «Муромский историко-художественный музей». Муром, 2011. С. 80–88.
- Бусева-Давыдова 2019 – *Бусева-Давыдова И.* Русская иконопись от Оружейной палаты до модерна: поиски сакрального образа. М.: БуксМАрт, 2019. С. 131–135, 169–170.
- Грачева 2018 – *Грачева И.* Рязань в поэзии А.В. Антонова [Электронный ресурс] // Вестник Рязанского государственного университета им. С. Есенина. 2018. № 2 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ryazan-v-poezii-a-v-antonova> (дата обращения 27 мая 2022).
- Голубев 2022 – *Голубев В.А.* Подносная икона с видом Лихвинского Доброго монастыря: датировка, типология, иконография, стиль // Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2022. Вып. 47. С. 136–157.
- Заурдина, Авдеенко, Джаббаров 2006 – *Заурдина С., Авдеенко Е., Джаббаров Р.* Семья и род Щепочкиных в истории России и Калужского края. Родословная роспись // Труды Регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 7. Калуга, 2006. С. 98–110.
- Комашко 2006 – *Комашко Н.* Русская икона XVIII века. М.: Агей Томеш, 2006. 340 с.
- Нечаева, Чернов 2010 – *Нечаева Т., Чернов М.* «Писань в Калуги...». Калужские иконы XVIII–XIX веков // Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. 2010. № 11 (81). С. 14–66.
- Перекрестов 2012 – *Перекрестов Р.* Две иконы клинцовского письма рубежа XVIII–XIX вв. // Деснинские древности: Материалы Межгосударственной науч. конф. «История и археология Подесенья». Брянск, 2–4 декабря 2010 г. Брянск: Группа компаний «Десяточка», 2012. С. 384–394.
- Преображенский 2010 – *Преображенский А.* Ктиторские портреты средневековой Руси: XI – начало XVI века. М.: Северный паломник, 2010. 542 с.
- Пуцко 2000 – *Пуцко В.* Иконы 2-й половины XVII и 1-й половины XVIII в. из храмов Калуги // Калуга в шести веках: Материалы 3-й городской краеведческой конф. / Сост.: В. Дьяченко. Калуга, 2000. С. 331–342.
- Пуцко 2005a – *Пуцко В.* О калужской миниатюрной иконописи XVIII–XIX веков // Калуга в шести веках: Материалы 5-й городской краеведческой конф. Калуга: Полиграф-Информ, 2005. С. 319–329.
- Пуцко 2005b – *Пуцко В.* Богоматерь Живоносный источник в калужской иконописи XVIII века // Калуга в шести веках: материалы 5-й городской краеведческой конф. Калуга: Полиграф-Информ, 2005. С. 346–347.

- Рутман 2008 – Рутман Т. Святитель Дмитрий и Демидовская икона Богоматери // Святитель Димитрий, митрополит Ростовский: Исследования и материалы / Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь. Ростов Великий, 2008. С. 265–272.
- Ровенский 2015 – Ровенский Г. Родословные пяти родов Гончаровых и роспись потомков Афанасия Аврамова сына Гончарова, основателя Полотняного Завода, многих церквей, заводов и фабрик: К 400-летию рода калужских Гончаровых. Фрязино, Щелково: Мещёра, 2015. 100 с.
- Тарасов 1995 – Тарасов О. Икона и благочестие: Очерки иконного дела в императорской России. М.: Прогресс, Традиция, 1995. 496 с.

References

- Ageeva, O. (1991), “Cult monuments of Moscow and St. Petersburg of the time of Peter the Great. On the issue of traditions and innovations in Russian culture of the new time], *Aktual'nye problemy istorii russkoi kul'tury: Sb. nauchnykh trudov* [Current issues of history of Russian culture (Proceedings of the Scientific Conference in the Institute of History of the USSR)], Moscow, Russia, pp. 60–89.
- Altunin, G. and Zavarikhin, S. (2019), “The history of the formation of the architectural ensemble of the Likhvin Pokrovsky Dobriy Monastery”, *Tul'skii kraevedcheskii al'manakh* [Tula Local Lore Almanac], no. 16, pp. 152–162.
- Buseva-Davydova, I. (2019), *Russkaya ikonopis' ot Oruzheinoi palaty do moderna: poiski sakral'nogo obraza* [Russian Icon Painting. From the Armoury Chamber to Art Nouveau. The Search of the Sacred Image], BuksMart, Moscow, Russia, pp. 131–135.
- Buseva-Davydova, I. (2007), “‘Czestochowa’ or ‘Softener of Evil Hearts’? The issue of one iconography of the Mother of God”, *Antikvariat. Predmety iskusstva i kolekcionirovaniya* [Antiques. Art and collectibles], no. 5 (47), pp. 52–56.
- Buseva-Davydova, I. (2011), “Family icons in Russian culture”, *Uvarovskie chteniya – VII. Sem'ya v traditsionnoi kul'ture i sovremennom mire: Materialy vseros. nauch. konf.* [Family in traditional culture and the modern world, Proceedings of the VII Uvarov All-Russian scientific Conference. Murom, April 29 – May 1, 2008], Murom, Russia, pp. 80–88.
- Golubev, V. (2022), “Presentational icon with a view of Likhvin Dobryi monastery. Dating, typology, iconography, stylistic features”, *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya V: Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva*, vol. 47, pp. 136–157.
- Gracheva, I. (2018), “Ryazan in A.V. Antonov's Verse”, *Bulletin of Ryazan State University named for S.A. Yesenin*, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ryazan-v-poezii-a-v-antonova> (Accessed 27 May 2022).
- Komashko, N. (2006), *Russkaya ikona XVIII veka* [Russian icon of the 18th century], Agei Tomesh, Moscow, Russia.

- Nechaeva, T. and Chernov, M. (2010), “Kaluga icons of XVIII–XIX centuries”, *Antikvariat. Predmety iskusstva i kolleksionirovaniya* [Antiques. Art and collectibles], no. 11 (81), pp. 14–66.
- Preobrazhenskii, A. (2010), *Ktitorskie portrety srednevekovoi Rusi: XI – nachalo XVI veka* [Donators portraits of medieval Russia in 11th – early 16th century], Severnyi palomnik, Moscow, Russia.
- Perekrestov, R. (2012), “Two Klinty’s icons of the turn of the 18th – 19th centuries”, *Desninskie drevnosti: materialy mezhgosudarstvennoi nauchnoi konferentsii “Istoriya i arkhologiya Podesen’ya* [Desninsky (river Desna) Antiquities. Proceedings of the Interstate Scientific Conference “History and Archeology of the Desenya. Bryansk, 2–4 December 2010”], Gruppa kompanii “Desyatochka”, Bryansk, Russia, pp. 384–394.
- Putsko, V. (2000), “Icons of the 2nd half of the 17th and 1st half of 18th century from the Kaluga churches”, *Kaluga v shesti vekakh* [Kaluga in six centuries. Proceedings of the 3rd city local history Conference], Kaluga, Russia, pp. 331–342.
- Putsko, V. (2005a), “On the Kaluga miniature icon painting of the 18th – 19th centuries”, *Kaluga v shesti vekakh* [Kaluga in six centuries, Proceedings of the 5th city local history Conference], Kaluga, Russia, pp. 319–329.
- Putsko, V. (2005b), “The iconography of the Mother of God ‘The Life-Giving Spring’ in Kaluga Icon Painting of the 18th Century”, *Kaluga v shesti vekakh* [Kaluga in six centuries, Proceedings of the 5th city local history Conference], Kaluga, Russia, pp. 346–347.
- Rovenskiy, G. (2015), *Rodoslovnnye pyati rodov Goncharovykh I rospis’ potomkov Afanasiya Avraamova syna Goncharova, osnovatelya Polotnyanogo Zavoda, mnogikh tserkvei, zavodov-I fabrik* [The Goncharov family’ genealogy tree in 5th steps after Athanasius Avraamov son of Goncharov, founder of the Polotnyanyi Zavod, many churches, factories and plants. On the 400th anniversary of the Kaluga Goncharov family], Meshchera, Fryazino, Shchelkovo, Russia.
- Rutman, T. (2008), “Saint Dmitry and the Demidov Icon of the Mother of God”, *Svyatitel’ Dimitrii, mitropolit Rostovskii: Issledovaniya i materialy* [Saint Demetrius, Metropolitan of Rostov. Research and materials (Proceedings of the Scientific Conference)], Spaso-Yakovlevskii Dimitriev Monastyr’, Rostov the Great, Russia, pp. 265–272.
- Tarasov, O. (1995), *Ikona i blagochestie: Ocherki ikonnoogo dela v imperatorskoi Rossii* [Icon and Devotion. Essays on the Icon Trade in Imperial Russia], Progress-kul’tura, Moscow, Russia.
- Zaurdina, S., Avdeenko, E. and Dzhabbarov, R. (2006), “The Shchepochkins family in the history of Russia and the Kaluga region. Genealogic table”, *Trudy Regional’noogo konkursa nauchnykh proektov v oblasti gumanitarnykh nauk* [Proceedings of the Regional competition of scientific projects in the field of the humanities], iss. 7, Kaluga, Russia, pp. 98–110.

Информация об авторе

Валентин А. Голубев, аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119192, Россия, Москва, Ломоносовский пр., д. 27, корп. 4; golubev.valent@yandex.ru

Information about the author

Valentin A. Golubev, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 27/4, Lomonosovskii Avenue, Moscow, Russia, 119192; golubev.valent@yandex.ru

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 22.12.2022.

Формат $60 \times 90^{1/16}$.

Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 10,6.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1673

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru